

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА**

ФАКУЛЬТЕТ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Кафедра политологии Востока

На правах рукописи

Егоров Игорь Сергеевич

Роль Государства Катар в системе региональных отношений

Специальность 5.5.4 Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук
Васецова Елена Сергеевна

Москва – 2024

Оглавление

Введение	3
ГЛАВА 1. Теоретико-методологические основы исследования политической роли Катара на Ближнем Востоке	30
1.1. Современные парадигмы анализа международных отношений применительно к определению политической роли Катара на Ближнем Востоке	30
1.2. Проблемы изучения политической роли Катара на Ближнем Востоке в российской и зарубежной науке.....	53
1.3. Нормативно-правовые основы внешней политики Катара	68
Выводы по главе 1	86
ГЛАВА 2. Приоритеты и механизмы реализации внешнеполитического курса Катара в системе региональных отношений Ближнего Востока.....	88
2.1. Внутренние и внешние факторы, определяющие политическое положение Катара на Ближнем Востоке.....	88
2.2. Основные направления внешней политики Катара в регионе Ближнего Востока на современном этапе.....	114
Выводы по главе 2	128
ГЛАВА 3. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как одна из ключевых детерминант региональных отношений на Ближнем Востоке.....	130
3.1. Факторы противостояния Катара и Саудовской Аравии	130
3.2. Информационная война как эффективный инструмент внешней политики Катара в противостоянии с Саудовской Аравией.....	149
3.3. Перспективы Катара как регионального лидера Ближнего Востока...	183
Выводы по главе 3	206
Заключение	208
Библиография.....	220
Приложения	285

Введение

Актуальность темы исследования. Регион Ближнего Востока традиционно вызывает повышенный интерес исследователей в России и за рубежом. Это обусловлено, во-первых, динамичностью протекающих в нем политических процессов, наличием большого количества противоречий между странами региона, которые со второй половины XX века регулярно приводят к возникновению кризисов и войн, вовлеченностью широкого круга внерегиональных акторов (США, Европейский союз, Великобритания, Россия, Китай) в политические процессы, от урегулирования ближневосточных конфликтов до прямого или косвенного участия в них. Во-вторых, большим политическим, экономическим и культурно-религиозным значением данного региона для остального мира, так как здесь расположены основные святыни всех трех авраамических религий, проходят важнейшие торговые и транспортные пути (морской путь из Азии в Европу, крупнейшие авиационные хабы в Турции, ОАЭ и Катаре). Следует отдельно отметить, что регион Ближнего Востока также остается одним из крупнейших экспортеров сырья, прежде всего, углеводородов.

В связи с началом «Арабской весны»¹ в число наиболее влиятельных региональных политических акторов удалось войти эмирату Катар – небольшому государству Персидского залива², которое нарушило традиционные

¹ «Арабская весна» – волна революций, протестов и восстаний в арабском мире, начавшихся в конце 2010 – начале 2011 гг. Революции произошли в Тунисе, в Египте и в Йемене; гражданские войны начались в Ливии и в Сирии; значительные восстания и протесты были в Бахрейне, Алжире, Ираке, Иордании, Марокко, Омане; менее сильные общественные протесты были в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане, Джибути и Западной Сахаре.

² Катар внес значимый вклад в революционные события в ряде арабских стран, а монархии Персидского залива фактически признали возросшее влияние Катар, начав дипломатическое противостояние с ним в 2014 и 2017 годах, также в дальнейшем влияние Катара распространилось за пределы арабского мира – например, на Турцию: стабильность экономики этой ключевой страны Ближнего Востока зависит от катарских кредитов и субсидий. Подробнее данная тематика раскрывается в тексте диссертации.

представления (прежде всего, в политологии и международных отношениях) об ограниченном влиянии малых стран³ на парадигму региональных и глобальных отношений. К середине 2020-х годов без Катара невозможно представить ближневосточную и североафриканскую политику. Переговоры с йеменскими хуситами для установления перемирия с Саудовской Аравией, организация переговоров между Израилем и ХАМАС после начала нового обострения арабо-израильского конфликта 7 октября 2023 года, постоянная поддержка турецкой экономики после начала в стране валютного кризиса в 2017 году, финансирование правительств в странах Африканского Рога (например, материальное обеспечение строительства турецкой военной базы вблизи столицы Сомали Могадишо) – на всех этих направлениях важную роль играет именно Катар.

На современном этапе опыт Катара представляет интерес для исследования по нескольким причинам.

Во-первых, как образец использования малым государством широкого спектра методов и форм дипломатии (семейной, религиозной, спортивной) для укрепления экономических, культурных, военных и политических связей с ведущими мировыми державами, которые при этом могут находиться в длительном противостоянии друг с другом.

Во-вторых, как модель быстрого расширения политического влияния малым государством Ближнего Востока с середины 90-х годов XX века по середину 2024 года через двустороннее взаимодействие с ведущими региональными и внерегиональными акторами (Турция, Иран, США, Великобритания, Китай, Россия), а также посредством развития сотрудничества с религиозными движениями, группами (ассоциация «Братья-мусульмане»⁴, йеменские хуситы), действующими в данном регионе.

В-третьих, как пример успешной стратегии по преодолению ограничительных мер, принятых против Катара другими арабскими монархиями

³ В соответствии с принятой автором концепцией страны с населением до 0,5 млн. человек относятся к микросоударствам, с населением до 10 млн. – к малым, до 50 – средним, до 100 – крупным, выше 100 – крупнейшим.

⁴ Запрещенная организация на территории Российской Федерации.

Персидского залива. В этом отношении внешняя политика Катара, сумевшего в 2021 году преодолеть продолжавшуюся с 2017 года блокаду, организованную «арабским квартетом»⁵, может представлять особый интерес для государств (Россия, Белоруссия, КНДР, КНР), против которых также введены экономические и технологические санкции, ограничения на пользования воздушным пространством третьих стран, проводится дискриминационная политика в отношении их граждан.

Актуальность анализа роли Катара в региональных отношениях на Ближнем Востоке обуславливается его участием в противостоянии с Саудовской Аравией. Это противостояние имеет тенденцию к циклическому развитию с кратковременными периодами примирения. В отношениях между Катаром и Саудовской Аравией после возникновения кризисов в 2011, 2014 и 2017 годах, когда Саудовская Аравия пыталась остановить расширение влияния эмирата на регион, наступал период перемирия, однако каждый следующий виток противостояния был более интенсивным.

Кроме того, эскалация противостояния между Катаром и Саудовской Аравией негативным образом отражается на международном рынке энергоносителей: увеличивается волатильность цен и неопределенность относительно времени и условий поставок нефти и сжиженного природного газа в Европу и Азию.

Кроме этого, необходимо отметить, что парадигма региональных отношений также постулируется через противостояние Катара с Объединёнными Арабскими Эмиратами (далее – ОАЭ) и Бахрейном, которое имеет второстепенный, но более устойчивый и перманентный характер, в меньшей мере подвержено как эскалации, так и любым позитивным изменениям. Таким образом, эти два фактора: фактор сложного, динамического и глобального противостояния Катара с Саудовской Аравией и фактор постоянной, но менее интенсивной конфронтации с ОАЭ и Бахрейном – являются переменной и

⁵ «Арабский квартет» (также «арабская четверка», квартет арабских государств) – устоявшееся выражение для обозначения четырех арабских стран – Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейна и Египта, которые в 2017 году начали блокаду Катара.

константной, которые важно учитывать, как при проведении региональных политических исследований, так и при разработке военно-политических стратегий относительно действий в регионе Ближнего Востока.

Также внешняя политика Катара представляет интерес и для России, в число внешнеполитических векторов которой входит развитие отношений со странами Ближнего Востока, в том числе с государствами Персидского залива⁶. Россия заинтересована в партнерстве с Катаром в энергетической, финансовой и продовольственной областях, при этом двустороннее сотрудничество эмиратом развивается с определёнными трудностями, связанными в том числе с фактами финансирования Катаром оппозиционных группировок на территории Сирии, действующих против правительства Б. Асада, поддержкой разных сторон конфликта в Ливии и ещё ряде горячих точек. Вместе с тем, Катар как один из ключевых мировых экспортёров сжиженного природного газа в современных реалиях является не только конкурентом, но и естественным экономическим союзником России в вопросе противодействия установлению нерыночных цен на углеводороды – этот фактор также обуславливает дополнительный интерес для развития российско-катарских отношений, создаёт пространство для технологического сотрудничества.

Все перечисленные обстоятельства обуславливают актуальность выбранной темы диссертации.

Степень научной разработанности проблемы. Исследованиями внешнеполитической деятельности Катара, в особенности после «Арабской весны», занимались многие ученые в России и за рубежом. Научную литературу по данной проблематике можно разделить на пять групп.

Первая группа представлена работами крупных ученых-теоретиков по комплексу проблем, связанных с исследованиями региональных и глобальных политических процессов. К этой группе принадлежат комплексные научные

⁶ Персидский залив является субрегионом, который входит в регион – Ближний Восток.

труды по теории международных отношений⁷; работы по концептуальным подходам актуальным для проведения данного исследования, таким как: реализм, неореализм, неоклассический реализм, либерализм, институционализм, конструктивизм, постмодернизм, неомодернизм, постструктурализм, геопространственный, системный, синергетический, сравнительный подходы, внешнеполитический анализ⁸. Здесь необходимо отметить работы в рамках подходов реализма, структурного реализма, неореализма и неоклассического реализма. Прежде всего, это классические труды Г. Моргентау⁹ и К. Уолца¹⁰, а также более современные работы Г. Роуза¹¹, Р. Швеллера¹², Б. Бьюзена¹³,

⁷ Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 623 с; Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 480 с; Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И. Современная политическая наука: методология, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект-Пресс, 2019. – 776 с; Кубякин Е.О., Тужба Э.Н. Теоретические подходы к анализу международных отношений // Общество и право. – 2014. – № 1 (47). – С. 256-263; International Relations Theory / Ed. by McGlinchey S., Walters R. & Scheinplflug C. – Bristol: E-International Relations, 2017. – 180 p; Tayyar A. Theories of International Relations I-II. – Eskişehir: Anadolu University, 2018; Slaughter A.M. International Relations, Principal Theories // The Trustees of Princeton University, 2018. URL: https://www.princeton.edu/~slaught/Articles/722_IntlRelPrincipalTheories_Slaughter_20110509zG.pdf (accessed: 11.07.2020).

⁸ Цыганков П.А. Исследования проблем миропорядка: теоретические трудности, расхождения трактовок // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 41. – С. 194-202; Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – 572 с; Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2013. – № 5. – С. 3-24; Цыганков П.А. Относительность расхождений и пределы совмещения реализма и либерализма в трактовке вопросов миропорядка // Политическая наука. – 2017. – Спецвыпуск. – С. 234-244; Алексеева Т.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: Учеб. пособие для студентов вузов / Т.А. Алексеева, А.А. Казанцев. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 223 с; Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: Учеб. пособие для вузов / М.А. Хрусталева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – 208 с; Косолапов Н.А. Конфликт как инструмент стабильности в международных отношениях // Очерки теории и политического анализа международных отношений. Научно-образовательный форум по междунар. отношениям. – М., 2002. – С. 172-189; Глобальная геополитика / И. В. Ильин, О. Г. Леонова, И. Ф. Кефели, и др. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – 278 с; Глобальная геополитика / И. Ф. Кефели, И. И. Абылгазиев, И. В. Ильин и др. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – 280 с; Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – 456 с; Чумаков А.Н. Глобалистика в контексте современности: испытание пандемией // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. – 2020. – Т. 35. – № 3. – С. 3-14; Коваленко В.И., Слуцкий Л.Э., Шутов А.Ю. Предисловие // О национально ориентированной теории международных отношений (к 80-летию профессора П. А. Цыганкова): колл. монография. Под ред. Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова, З.Н. Осадченко. – М.: Издательство Московского университета, 2021. – С. 5-9.

⁹ Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. – Boston: McGraw-Hill Higher Education, 2006. – 752 p.

¹⁰ Waltz K.N. Reflections on Theory of International Politics: A Response to My Critics. // Neorealism and Its Critics / Ed. by R.O. Keohane. – N.Y.: Columbia University Press, 1986; Waltz K.N. Theory of International Politics. – Long Grove: Waveland Press, 2010. – 256 p.; Waltz K.N. Structural Realism after the Cold War. International Security 2000; 25 (1): 5–41.

¹¹ Rose G. Review: Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. – 1998. – Vol. 51. – № 1. – P. 144-172.

¹² Schweller R.L. The Progressiveness of Neoclassical Realism // Progress in International Relations Theory: Appraising the Field / Eds. C. Elman, M.F. Elman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 344-347.

К. Холсти¹⁴, Дж. Миршаймера¹⁵, С. Уолта¹⁶, Н. Китчена¹⁷, Д.М. Пэрента и С. Розато¹⁸, Д. Бесснера и Н. Гийо¹⁹, К. Наризного²⁰. Отдельного упоминания заслуживает сравнительный внешнеполитический подход, разработанный Д. Розенау²¹, работы Р. Снайдера (прежде всего, концепция принятия внешнеполитических решений)²², метод многоуровневого анализа Дж. Талиаферро²³. Также важными для актуального исследования были современные разработки в части оценки факторов, влияющих на реальное место государств в мире и их возможность осуществлять политическое влияние (Бекли М.²⁴, Райтер Д., Стэм А.С.²⁵, Деш М.²⁶, Фаррел Г., Ньюман А.Л.²⁷, Эдельштейн Д.²⁸ Кроме того, следует указать современные работы отечественных исследователей в рамках: системного подхода (П.А. Цыганков²⁹), изучения новых пространств в структуре международных отношений (Фененко А.В.³⁰),

¹³ Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 592 p.

¹⁴ Holsti K.J. *Change in International System*. – Roswell: Brookfield, 1991. – 360 p; Holsti K.J. *International Politics: A Framework for Analysis*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 560 p.

¹⁵ Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. – N.Y.: Norton, 2014. – 592 p.; Mearsheimer J. *Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order*. *International Security* 2019; 43 (4): 7–50.

¹⁶ Walt S.M. *The Origins of Alliances*. – Ithaca Cornell University Press, 1987. – 336 p

¹⁷ Kitchen N. *Systemic Pressures and Domestic Ideas: A Neoclassical Realist Model of Grand Strategy Formation*. // *Review of International Studies*. – 2010. – Vol. 36. – № 1. – P. 117-143.

¹⁸ Parent Joseph M., Rosato S. *Balancing in Neorealism*. *International Security* 2015; 40 (2): 51–86.

¹⁹ Bessner D., Guilhot N.; *How Realism Waltzed Off: Liberalism and Decisionmaking in Kenneth Waltz's Neorealism*. *International Security* 2015; 40 (2): 87–118.

²⁰ Narizny K. *On Systemic Paradigms and Domestic Politics: A Critique of the Newest Realism*. *International Security* 2017; 42 (2): 155–190.

²¹ Rosenau J. *The scientific study of foreign policy*. – N.Y.: Nichols Pub. Co., 1980. – 577 p.

²² Snyder R., Bruck H., Sapin B., Hudson V. *Foreign Policy Decision-Making (Revisited)*. – L.: Palgrave Macmillan, 2002. – 186 p.

²³ Taliaferro J., Ripsman N., Lobell S. *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 208 p; Taliaferro J. *Neoclassical realism and the study of regional order*. In: T. Paul (Ed.), *International Relations Theory and Regional Transformation*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 74-104.

²⁴ Beckley M. *The Power of Nations: Measuring What Matters*. *International Security* 2018; 43 (2): 7–44.

²⁵ Reiter D., Stam A.C. *Understanding Victory: Why Political Institutions Matter*. *International Security* 2003; 28 (1): 168–179.

²⁶ Desch M. *Democracy and Victory: Why Regime Type Hardly Matters*. *International Security* 2002; 27 (2): 5–47.

²⁷ Farrell H., Newman A.L. *Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion*. *International Security* 2019; 44 (1): 42–79.

²⁸ Edelstein D. *Occupational Hazards: Why Military Occupations Succeed or Fail*. *International Security* 2004; 29 (1): 49–91.

²⁹ Цыганков П.А. *Политическая динамика современного мира: теория и практика*. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – 572 с; Цыганков П.А. *Системный подход в теории международных отношений* // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. – 2013. – № 5. – С. 3-24.

³⁰ Фененко А.В. *Неореализм в политической теории* // *Современная политическая наука: Методология*. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 61-83; Фененко А.В. *Традиционные и новые факторы силы в международных отношениях. Современная наука о международных отношениях за рубежом. Хрестоматия в трех томах. Т. 2.* / Под общ. ред. И.С. Иванова. – М.: ИП РСМД, 2015. – С. 348-358; Фененко А.В. *Новые политические пространства в структуре международных противоречий* // *Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI*

сравнительного анализа (Алексеева Т.А.³¹). Отдельно стоит отметить исследования по теории применения «мягкой силы» и ведения информационных (включая киберпространство), неклассических и культурных войн (Леонова О.Г.³², Манойло А.В.³³, Капицын В.М.³⁴, Кочетков В.В.³⁵, Савельев А.Г.³⁶, Стригунов К.С.³⁷, Слуцкий Л.Э.³⁸, Селезнев П.С.³⁹, Столетов О.В.⁴⁰, Чумаков А.Н.⁴¹, Слейтон Р.⁴²).

Вторую группу составляют научные работы, в которых разрабатывается теоретико-методологическая основа для проведения региональных политических исследований. В рамках этой группы необходимо отметить монографии «Теория

веке (под ред. Т.А. Шаплеиной, А.А. Байкова). – М.: Аспект-Пресс, 2013. – С. 389-413; Фененко А.В. Современная история международных отношений. 1991-2018. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 456 с.

³¹ Алексеева Т.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: Учеб. пособие для студентов вузов / Т.А. Алексеева, А.А. Казанцев. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 223 с; Алексеева Т.А., Минеев А.П. Натурализм и политическая наука: адаптация к неклассической картине мира // Право и управление. XXI век. – 2020. – № 16 (1). – С. 14-27; Алексеева Т.А. Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // Сравнительная политика. – 2017. – № 4. – С. 30-41.

³² Леонова О.Г. Кибервойна и противоборство в цифровом информационном пространстве // Информационное общество. – 2018. – № 2. – С. 43-46; Леонова О.Г. Политика мягкой силы. М.: МАКС Пресс, 2020. – 232 с.

³³ Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность (i) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2021. – № 1. – С. 100-132; Манойло А.В., Стригунов К.С. Геополитическая напряженность вокруг Ирана в локальном, региональном и глобальном контекстах // Электронный научно-образовательный журнал История. – 2019. – Т. 10. – № 11; Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. – М.: Горячая линия – Телеком, 2018. – 480 с; Манойло А.В. Основы теории современных информационных войн // Геополитический журнал. – 2017. – № 4. – С. 3-23.

³⁴ Капицын В.М. Состоятельность современного государства в условиях нарастающих прокси-войн // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 4. – С. 117-120.

³⁵ Кочетков В.В., Максимов И. Генезис явления культурных войн в международных отношениях и перспективы его развития // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2013. — № 4. — С. 96–108; Кочетков В.В. Идентичность и культура в современных международных отношениях (гриф УМО МГУ). – М.: Издательство МГУ им М.В. Ломоносова, 2015. – 320 с; Кочетков В.В., Максимов И.В. Культурные войны в международных отношениях. – М.: Антарес, 2015. – 108 с.

³⁶ Савельев А.Г. Теория и практика современной войны // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 6. – С. 122-128; Савельев А.Г. Актуальные проблемы теории и практики современной войны в работах академика А.А. Кокошина. – М.: Ленанд, 2020. – 47 с; Карасев П.А., Савельев А.Г. Перспективы регулирования и снижения военной киберугрозы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2018. – № 5. – С. 47-60.

³⁷ Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – Т. 4. – С. 157-193.

³⁸ Слуцкий Л.Э. Современная международная обстановка и проблемы формирования исторической памяти и культуры мира // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. – М.: Академия МНЭПУ, 2021. – С. 40-42.

³⁹ Трофимова Р.П., Селезнев П.С. Культурная политика как алгоритм «локальных цивилизаций» // Философские науки. – 2017. – № 10. – С. 111-120.

⁴⁰ Столетов О.В. Концепт «прокси-война» в международно-политическом дискурсе «Новой Холодной войны» // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 4. – С. 122-124; Чихарев И.А., Столетов О.В. К вопросу о соотношении стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2013. – № 5. – С. 26-43.

⁴¹ Чумаков А.Н. Мягкая сила как способ решения проблем в глобальном мире // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. – 2014. – № 2 (14). – С. 192-195; Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – 456 с.

⁴² Slayton R. What Is the Cyber Offense-Defense Balance? Conceptions, Causes, and Assessment. International Security 2017; 41 (3): 72–109.

международных отношений и региональная трансформация»⁴³ под редакцией индийско-канадского политолога Т.В. Пола и «Геополитическая регионалистика» Карякина В.В.⁴⁴, статьи о региональном видении интеграционных процессов социологией международных отношений (Багаева А.В.⁴⁵), концепциях регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях (Воскресенский А.Д.⁴⁶, Ефремова К.А.⁴⁷, Костин А.И.⁴⁸), возможностях формирования комплексного подхода к исследованиям региональной интеграции и трансрегионализма (Кузнецов Д.А.⁴⁹), особенностях нового регионализма в современных условиях (Э. Бейсой⁵⁰). Теоретические основы регионального политического процесса рассматривала Лебедева М.Л.⁵¹, место региона в теории международных отношений на современном этапе – Д.С. де Оливейра⁵², региональное лидерство в условиях изменения мирового порядка – Х. Эберт и Д. Флемс⁵³.

В третью группу вошли работы, посвящённые анализу общей политической ситуации на Ближнем Востоке и отношений между странами Персидского залива. Можно выделить такие тематические направления исследований как изучение причин политической нестабильности в странах региона (Ирак, Сирия, Египет,

⁴³ *International Relations Theory and Regional Transformation* / Ed. by T.V. Paul. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 320 p.

⁴⁴ Карякин В.В. Геополитическая регионалистика. – М.: Автономная некоммерческая организация социально-экономического и политического консалтинга «Центр этнических и международных исследований» (Подольск), 2018. – 223 с.

⁴⁵ Багаева А.В. Региональное видение интеграционных процессов социологией международных отношений // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2018. – № 1-2. – С. 31-35.

⁴⁶ Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – № 2 (8). – С. 30-58.

⁴⁷ Ефремова К.А. Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса // Сравнительная политика. – 2019. – Ч. 10. – № 2. – С. 5-19.

⁴⁸ Костин А.И. Глобальное и региональное в контексте политических процессов современного мира // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2017. – № 1. – С. 92-94.

⁴⁹ Кузнецов Д.А. Возможности формирования комплексного подхода к исследованиям региональной интеграции и трансрегионализма // Мировая политика. – 2019. – № 1. – С. 1-13.

⁵⁰ Baysoy E. New-Regionalism: The Slipknot of the Two Rival Trends? // *Athens Journal of Mediterranean Studies*. – 2020. – Vol. 6. – № 1. – P. 11-20.

⁵¹ Лебедева М.Л. Теоретические основы регионального политического процесса // Социально-политические науки. – 2016. – № 2. – С. 71-74.

⁵² Silva C de Oliveira J. The Place of the Region in IR // *Contexto Internacional*. – 2017. – Vol. 39. – № 1. – P. 97-115.

⁵³ Ebert H., Flems D. Rethinking Regional Leadership in the Global Disorder // *Regional Leadership and Multipolarity in the 21st Century*. – 2018. – Vol. 3. – № 1. – P. 7-23.

Ливан, Палестина) (Васильев А.М., Видясова М.Ф., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Наумкин В.В., Воронкова Д.О., Ганиев Т.А., Карякин В.В., Кортуннов А.В., Лебедев С., Подцероб А.Б., Труевцев К.М., Х. Хаддад, А.А.К. Хаммад, Н.У. Ханалиев, Р. Хиннебуш, И. Хассан.⁵⁴); влияние глобальных трендов (от построения альтернативных расчетных институтов до неразрывной связи технологического прогресса с развитием цифровизации) на страны Ближнего Востока (Звягельская И.Д., Востриков С.В., Левин А.В., Фененко А.В., Мирзеханов В.С.⁵⁵); роль религиозного фактора в ближневосточных

⁵⁴ Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. / Отв. ред. А.М. Васильев, Л.М. Исаев, А.В. Коротаев. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 256 с; Видясова М.Ф. «Арабская весна»: разброс мнений. Размышления на полях одной книги // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2017. – № 7. – С. 101-112; Подцероб А.Б., Видясова М.Ф. Предисловие. «Большой Ближний Восток», или «Расширенный Ближний Восток и Северная Африка». История возникновения и содержание термина // Актуальные проблемы Европы. – 2012. – № 3. – С. 8-10; Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Особенности современной политической ситуации в странах «арабской весны» // Азия и Африка на перекрестке традиций, глобализации и модернизации: колл. монография. – М.: ИВ РАН, 2019. – С. 66-68; Наумкин В.В., Барановский В.Г. Ближний восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 3. – С. 5-19; Наумкин В.В. Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. – 2017. – Т. 15. – № 2 (49). – С. 27-43; Наумкин В.В. Кризис на Ближнем Востоке: внешнее вмешательство и разгул экстремизма // Россия в глобальной политике. 15.07.2015. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/krizis-na-blizhnem-vostoke-vneshnee-vmeshatelstvo-i-razgul-ekstremizma/> (дата обращения: 18.07.2020); Воронкова Д.О. Внутренние факторы нестабильности на Ближнем Востоке и Северной Африке и их использование США в своих геополитических интересах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 4. – С. 176-190; Ганиев Т.А., Карякин В.В. Большой Ближний Восток: геополитическая регионалистика конфликтогенного центра мировой цивилизации // Архонт. – 2018. – № 4 (7). – С. 15-28; Кортуннов А.В. Будущее Ближнего Востока: два горизонта угроз и возможностей // Российский совет по международным делам. 01.10.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/budushchee-blizhnego-vostoka-dva-gorizonta-ugroz-i-vozmozhnostey/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 16.07.2020); Лебедев С. Холодная война на Ближнем Востоке: взгляд неоклассического реалиста // Российский совет по международным делам. 16.09.2019. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/slebedev/34834/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 16.07.2020); Труевцев К.М. Ближний Восток: морфология конфликта и постконфликтный дизайн // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 143-166; Хаддад Х. Теория международных отношений и «Новый Ближний Восток» // Международная жизнь. 08.08.2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18105> (дата обращения: 09.07.2020); Хаммад А.А.К. Современные вызовы безопасности Ближневосточного региона // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 1. – С. 262-267; Ханалиев Н.У. Проекция ближневосточной нестабильности на регион Персидского залива // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 1(62). – С. 109-114; Ханалиев Н.У. Современные вызовы и конфликты на Ближнем Востоке: процесс фрагментации арабского мира // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 2. – С. 86-99; Hinnebusch R. The international politics of the Middle East. – Manchester: Manchester University Press, 2018. – 368 p; Hassan I. Between Anarchy and Arms Race: A Security Dilemma in The Persian Gulf // In: Routledge Handbook of Persian Gulf Politics. Ed. M. Kamrava. – L.: Routledge, 2020. – P. 397-416.

⁵⁵ Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 224 с; Востриков С.В. Ближневосточные трансформации в контексте глобализации (опыт системно-интегративного анализа) // Проблемы безопасности российского общества. – 2016. – № 1. – С. 68-106; Левин А.В. Влияние глобализации на выбор стратегии национальной экономики ближневосточных стран // *Juvenis scientia*. – 2017. – № 9. – С. 23-25; Фененко А.В. Международная конкуренция на Ближнем Востоке: факты и тенденции // Международные процессы. – 2014. – Т. 12. – № 3 (38). – С. 6-34; 172. Мирзеханов В.С. XX век: волны революционных трансформаций // Электронный научно-образовательный журнал История. 2018. Т. 9. № 7 (71). URL: <https://history.jes.su/s207987840002498-6-1> (дата обращения: 17.07.2020); Мирзеханов В. С., Трунов Ф. О. Особенности урегулирования вооруженных конфликтов в Азии и Африке в конце 2010-х - начале 2020-х годов // Вестник Российской академии наук (ранее: Вестник Академии наук СССР). — 2022. — Т. 92, № 12. — С. 29–38;

политических процессах (Демченко Д.А.⁵⁶, Хайруллин Т.Р.⁵⁷, Почта Ю.М.⁵⁸, Юртаев В.И. и Андреева О.В.⁵⁹); влияние отдельных проблем на положение дел в регионе, включая продовольственную и экологические проблемы, пандемию COVID-19 и пр. (об этом писали Аксененок А., Э. Фахро, Исаев В.А., Демчук А.Л., Капицын В.М., Филоник А.О., Кордсман А.Х., Шкваря Л.В., Владимиров С.Н.⁶⁰); борьбы с международным терроризмом в регионе (Бельский В.Ю., Бороздин А.Н., Гусев Н.Н., Васецова Е.С., Манойло А.В.)⁶¹, развитие единого экономического и информационного пространства на Ближнем Востоке, особенности модернизации в разных странах (Ф. Гауба, Дубовой Ю.С., Кузнецова В.А, Руденко Л.Н., Суркова Н.Ю., Шмытковой А.В., Чечетенко Ю.С.⁶²).

⁵⁶ Демченко Д.А. Религиозный фактор во внешней политике стран Персидского залива: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – Пятигорск, 2020. – 169 с.

⁵⁷ Хайруллин Т.Р. Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе: дисс... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2018. – 235 с; Хайруллин Т.Р. Формирование катарско-турецкого альянса // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 4. – С. 30-35; Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Турецко-катарский альянс в борьбе за региональное лидерство // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте. – Волгоград, 2018. – С. 370-428.

⁵⁸ Почта Ю.М. Исламизм и национализм на большом ближнем востоке: вражда или симбиоз? // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 3. – С. 4-11; Почта Ю.М. Мусульманское общество между фундаментализмом и либерализмом: проблема гражданского общества // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2017. – Т. 19. – № 1. – С. 15-24; Почта Ю.М., Оберемко Т.В. Политическое значение исламского фундаментализма в эпоху постмодерна // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2014. – № 1. – С. 5-19.

⁵⁹ Андреева О.В., Юртаев В.И. Метафизика власти в исламе: истоки и предназначение. // Метафизика. – 2019. – № 3. – С. 142-151.

⁶⁰ Аксененок А. Коронавирус и конфликты на Ближнем Востоке // Российский совет по международным делам. 20.05.2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-i-konflikty-na-blizhnem-vostoke/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 06.07.2020); Демчук А.Л. Возможные глобальные и региональные последствия пандемии коронавируса // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 2. URL: https://arxiv.gaugn.ru/index.php?dispatch=products.print_publication&product_id=10387&format=pdf&version_id=13230 (дата обращения: 20.09.2022); Демчук А.Л., Капицын В.М., Каратеев А.Ю., Емельянова Н.Н., Дашкина И.В., Пашин М.М. Тяжесть пандемии COVID-19, строгость ограничительных мер и институциональные характеристики стран мира: подходы к количественному анализу // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2022. – № 2; Fakhro E. COVID and Gulf Foreign Policy // POMEPS Studies. 2020. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/covid-and-gulf-foreign-policy> (accessed: 16.07.2020); Исаев В.А., Филоник А.О. Продовольственная проблема в арабских странах в свете вызовов «зеленой» экономики // Мир новой экономики. – 2020. – № 1. – С. 34-43; Cordesman A.H. Tracking the Trends and Numbers: Islam, Terrorism, Stability, and Conflict in the Middle East // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2017. URL: <https://www.csis.org/analysis/tracking-trends-and-numbers-islam-terrorism-stability-and-conflict-middle-east> (accessed: 15.07.2020); Шкваря Л.В., Владимиров С.Н. Экологические проблемы в странах ССАГПЗ и возможности их решения в рамках интеграционного взаимодействия // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2019. – № 1. – С. 179-194.

⁶¹ Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография / В.Ю. Бельский, А.Н. Бороздин, Н.Н. Гусев и др. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 479 с; Васецова Е.С., Манойло А.В. Борьба с международным терроризмом в цифровую эпоху. – М.: Горячая Линия – Телеком, 2021. – 444 с.

⁶² Gaub F. Arab Futures 2.0. The road to 2030 // Chaillot Paper № 154. 2019. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Chaillot_154%20Arab%20Futures.pdf (accessed: 12.07.2020); Дубова Ю.С. Информационное пространство арабо-мусульманского мира: аспекты взаимодействия и

Кроме того, следует отметить исследователей, занимающихся всесторонним изучением политических процессов в Персидском заливе в целом и в ССАГПЗ в частности: Богатуров Д.С., Косач Г.Г., Мелкумян Е.С., Кудряшов А.В., Кузнецов А.А., Мартынова Л.А., Нефедов С.А., Демченко Д.А., Ханалиев Н.У., Шарафутдинов Д.Р., Шумихина А.С., Шкварун М.А., Шкваря Л.В., а также их американские коллеги М. Джеффри, Б. Вассер, Д. Кайе, Д. Эгель, С. Оджлетри.⁶³

Четвертая группа состоит из работ, рассматривающих внутренние факторы (ресурсы, политическое устройство, демография, историческое и культурное наследие), детерминирующие внешнюю политику Катара и место этого государства в системе региональных отношений на Ближнем Востоке. Внутреннюю экономическую и социальную стабильность эмирата изучали арабские исследователи С. Араз⁶⁴, А. Баабуд⁶⁵, Н. Кожемяк⁶⁶, Б. Сайди⁶⁷; значение

противоборства // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 11-1 (16). – С. 233-241; Кузнецов В.А. Парадоксы развития арабских политических систем // Вестник МГИМО Университета. – 2018. – № 5 (62). – С. 23-48; Руденко Л.Н. Перспективы цифровой трансформации экономики арабских стран // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 5. – С. 92-108; Сурков Н.Ю. Тренды Ближнего Востока и Центральной Азии // Вестник МГИМО Университета. – 2018. – № 6 (63). – С. 325-333; Шмыткова А.В., Чечетенко Ю.С. Влияние геополитической обстановки на развитие туризма на Ближнем Востоке в XXI веке // Крымский научный вестник. – 2017. – № 2-3. – С. 57-65.

⁶³ Богатуров Д.С. Государства Персидского залива в XXI веке: социально-экономическое положение // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 5-2. – С. 10-15; Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Арабские страны залива: поле конфронтации с террором // Религия и общество на Востоке. – 2018. – № 2. – С. 47-88; Кудряшов А.В. НАТО и арабские монархии Персидского залива: развитие военного сотрудничества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 99-106; Кузнецов А.А. Разногласия между государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива как фактор изменения политической ситуации в регионе Ближнего Востока // Международная аналитика. – 2017. – № 2 (20). – С. 69-77; Мартынова Л.А. Международные отношения и региональная безопасность в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2014. – Ч. 10. – № 1. – С. 135-143; Нефедов С.А., Демченко Д.А. Регион Персидского залива как предмет международной политической регионалистики // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 8. – С. 9-13; Ханалиев Н.У. Проекция ближневосточной нестабильности на регион Персидского залива // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 1 (62). – С. 109-114; Шарафутдинов Д.Р., Шумихина А.С. Военно-политическое сотрудничество стран ССАГПЗ: основные векторы развития // Международные отношения и общество. – 2019. – Ч. 1. – № 1. – С. 18-32; Шкварун М.А. Политические проблемы стран Ближневосточного региона в XXI веке // Социально-политические науки. – 2018. – № 4. – С. 33-41; Шкваря Л.В. Преобразования в арабских странах ССАГПЗ и некоторые их результаты в XXI // Управление экономическими системами. – 2015. – № 7 (79). – С. 9; Jeffrey M., Wasser B., Kaye D., Egel D., Ogletree C. The Outlook for Arab Gulf Cooperation // RAND Corporation. 2016. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1429.html (accessed: 16.07.2020).

⁶⁴ Araz S. Qatar plots its AI future // Middle East Institute. 2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/qatar-plots-its-ai-future> (accessed: 16.07.2020).

⁶⁵ Baabood A. Qatar's Resilience Strategy and Implications for State-Society Relations // Istituto Affari Internazionali (IAI). December 2017. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaiw1736.pdf> (accessed: 20.07.2020).

⁶⁶ Кожемяк Н. Современное состояние армии Катара // Российский совет по международным делам. 25.09.2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennoe-sostoyanie-armii-katara/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 06.07.2020).

⁶⁷ Saidy B. Qatar's Defense Policy: Smart Choices of a Small State // Institute of International Affairs and the Centre for Small State Studies. Policy brief № 24. 2018. URL: <http://ams.hi.is/wp-content/uploads/2018/06/Quatar's-Defense-Policy-a-Different-Tradition-of-a-Small-State.pdf> (accessed: 12.07.2020).

энергетического компонента во внешней политике Катара – Кузнецов Р.С., Славецкая Н.С. и Тумарова Т.Г.⁶⁸; стратегию поставок сжиженного природного газа зарубежным партнерам – Курдин А. и Пих С.⁶⁹; перспективы катарской энергетической политики после выхода из состава ОПЕК в 2019 г. – С. Гросс и А.А. Гафар⁷⁰; роль религиозного фактора во внешней политике Катара – Барабанов О.Н.⁷¹, Д.Б. Робертс⁷².

Пятая группа представлена научными трудами, в которых исследуется внешнеполитический курс Катара и его взаимодействие со странами Ближнего Востока. Так, общую характеристику внешней политики Катара давали Борисов А.⁷³, Дербенев А.С.⁷⁴, К. Хабракен⁷⁵, в исторической перспективе с периодизацией на четыре этапа – Д.Б. Робертс⁷⁶, с оценкой региональной роли Катара – Н. Аль-Матук и М. Кама⁷⁷, в контексте ее влияния на региональную безопасность – Б. Каусслер⁷⁸, соответствия традиционным научным представлениям о политике малых государств – Б. Мохаммадзаде⁷⁹.

В научной литературе также были исследованы инструменты внешней политики Катара, в том числе его глобальная инвестиционная стратегия

⁶⁸ Кузнецов Р.С., Славецкая Н.С., Тумарова Т.Г. Катар на европейском рынке сжиженного природного газа // Вестник Института экономики РАН. – 2020. – № 3. – С. 88-98.

⁶⁹ Курдин А., Пих С. Энергетическая политика Катара: стратегия поставок СПГ на европейский и азиатский рынки // ТЭК России. – 2016. – № 7. – С. 14-19.

⁷⁰ Gross S., Ghafar A.A. Qatar breaks up with OPEC // The Brookings Institution. 2018. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/12/05/qatar-breaks-up-with-opec-its-not-you-its-me/> (accessed: 16.07.2020).

⁷¹ Барабанов О.Н. Катар как ревизионистская держава: идеология политического ваххабизма // Портал Международного дискуссионного клуба «Валдай». 3.07.2017. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/katar-revizionistskaya-derzhava/> (дата обращения: 09.07.2020).

⁷² Roberts D.B. Reflecting on Qatar's «Islamist» soft power // The Brookings Institution. 2019. URL: <https://www.brookings.edu/research/reflecting-on-qatars-islamist-soft-power/> (accessed: 16.07.2020); Roberts D.B. The Four Eras of Qatar's Foreign Policy // *Comillas Journal of International Relations*. – 2016. – № 5. – P. 1-17.

⁷³ Борисов А. Внешняя политика Катара // *Россия и мусульманский мир*. – 2014. – № 2 (260). – С. 133-141.

⁷⁴ Дербенев А.С. Катар: в тисках региональных проблем // *Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории*. – М.: МПГУ, 2019. – С. 95-107.

⁷⁵ Habraken K. The case of Qatar: understanding the Emirate's exceptional foreign policy // *Leiden University Libraries*. 2017. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/53181> (accessed: 27.07.2020).

⁷⁶ Roberts D.B. The Four Eras of Qatar's Foreign Policy // *Comillas Journal of International Relations*. – 2016. – № 5. – P. 1-17.

⁷⁷ Al-Maatouk N., Kama M. Determinants of the Regional Role of Qatar // *Journal of Politics and Law*. – 2017. – № 10. – P. 191-197.

⁷⁸ Kaussler B. Tracing Qatar's Foreign Policy Trajectory and its Impact on Regional Security // *Arab Center for Research & Policy Studies*. September 2015. URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep12689> (accessed: 12.07.2020).

⁷⁹ Mohammadzadeh B. Status and Foreign Policy Change in Small States: Qatar's Emergence in Perspective // *The International Spectator*. – 2017. – Vol. 52. – № 2. – P. 19-36.

(Д. Макспаррен, Х. Бесада, В. Саравад⁸⁰), использование телеканала «Аль-Джазира» (С.С.С. Алмашакбех, Бакалинский М., З. Лауб, К. Поухамзави, П. Фергюсон.⁸¹), авиакомпании «Qatar Airways» (Сучков М.А., Седелев А.К.⁸²), развитой спортивной дипломатии (Цветкова Н.А., Мужикбаев Л.А., Д. Грикс, П. Браннаган, Д. Ли, Д. Руквуд⁸³), гуманитарной дипломатии (С. Баракат, С. Милтон, Г. Элькахлаут, Х. Кхарас⁸⁴) и прочих элементов «мягкой силы»⁸⁵.

Часть научных трудов по внешней политике Катара посвящена современным подходам этого эмирата к работе с террористическими группами⁸⁶, участию Катара в противостояниях на Ближнем Востоке – в особенности, в сирийском кризисе⁸⁷. Взаимодействие Катара с Соединенными Штатами Америки анализировалось Глазовой А.В.⁸⁸, Графовым Д.Б.⁸⁹, Гукасовым А.В.⁹⁰,

⁸⁰ McSparren J., Besada H., Saravade V. Qatar's Global Investment Strategy for Diversification and Security in the PostFinancial Crisis Era // Centre on Governance Research Paper Series. Research Paper No. 02/17/EN. 2017. URL: https://socialsciences.uottawa.ca/governance/sites/socialsciences.uottawa.ca.governance/files/cog_research_paper_02_17_en.pdf (accessed: 13.07.2020)..

⁸¹ Алмашакбех С.С.С. Медиа-дискурс «Аль-Джазиры» после кризиса осады Катара (на примере йеменского и сирийского конфликтов) // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6 (73). – С. 639-640; Бакалинский М. Остракизация Катара: ситуация и расстановка сил (обзор региональных СМИ и СМИ ведущих международных акторов) // Международная жизнь. 2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17711> (дата обращения: 06.07.2020).; Laub Z. How Al Jazeera Amplifies Qatar's Clout // The Council on Foreign Relations (CFR). 2017. URL: <https://www.cfr.org/backgrounders/how-al-jazeera-amplifies-qatars-clout> (accessed: 16.07.2020); Pourhamzavi K., Pherguson P. Al Jazeera and Qatari Foreign Policy: A Critical Approach // Journal of Media Critiques. – 2015. – Vol. 1. – № 2. – P. 11-27.

⁸² Сучков М.А., Седелев А.К. Национальные авиакомпании как инструмент «мягкой силы»: «Qatar Airways» И «Turkish Airlines» // Пути к миру и безопасности. – 2019. – № 2 (57). – С. 63-73.

⁸³ Цветкова Н.А., Мужикбаев Л.А. Спортивная дипломатия Катара в 2000-е гг. как инструмент внешней политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6 (68). – Ч. 2. – С. 188-190; Grix J., Brannagan P., Lee D. Qatar's Global Sports Strategy: Soft Power and the 2022 World Cup // In: Entering the Global Arena: Emerging States, Soft Power Strategies and Sports Mega-Events. Ed. J. Grix, P. Brannagan, D. Lee. – L.: Springer, 2019. – P. 97-110; Rookwood J. Access, security and diplomacy: Perceptions of soft power, nation branding and the organizational challenges facing Qatar's 2022 FIFA World Cup. Sport, Business and Management // An International Journal. – 2019. – Vol. 9. – № 1. – P. 26-44.

⁸⁴ Barakat S. Priorities and challenges of Qatar's Humanitarian Diplomacy // Chr. Michelsen Institute. 2019. URL: <https://www.cmi.no/publications/6906-priorities-and-challenges-of-qatars-humanitarian-diplomacy> (accessed: 12.07.2020); Barakat S., Milton S., Elkahout G. The impact of the Gulf crisis on Qatar's humanitarian sector // Disasters. – 2019. – Vol. 44. – № 1. – P. 63-84; Kharas H. Trends and Issues in Qatari Foreign Aid // Silatech Working Paper (15-11). November 2015. URL: <https://silatech.org/wp-content/uploads/2018/12/trends-and-issues-in-qatari-foreign-aid-en.pdf> (accessed: 12.07.2020).

⁸⁵ Abdulaziz M., Evren T., Gagoshidze T. Rethinking Soft Power in the Post-Blockade Times: The Case of Qatar // Digest of Middle East Studies. – 2019. – Vol. 28. – № 2. – P. 329-350.

⁸⁶ Ибрагимов И.Д. Политика Катара относительно терроризма // Университетские чтения ПГУ. – 2016. – Ч. 5. – С. 29-33.

⁸⁷ Агасарян В.К. Роль Катара в сирийском кризисе // Вестник Российско-армянского (славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 3. – С. 178-182; Горбунова Н.М., Иванова И.И. Региональные противоречия вокруг сирийского кризиса: Турция, Ливан, Саудовская Аравия, Катар // Вестник Института востоковедения РАН. – 2019. – № 3 (9). – С. 193-208; Касаев Э. Катар – активный спонсор «Арабской весны»: предпосылки, последствия и Российский фактор // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 3 (273). – С. 123-134.

⁸⁸ Глазова А.В. Роль США в катарском кризисе: политические риски для региона // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 1 (52). – С. 98-109.

Туголуковой Л.⁹¹, Кук С.А.⁹², Кацманом К.⁹³. Турецко-катарский альянс и его роль на Ближнем Востоке подробно исследовали российские (Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В.) и турецкие (А. Эрдемир, В. Кодуваюр⁹⁴) ученые.

Катарский дипломатический кризис 2017 года, действия Катара по его преодолению на внешнем уровне, возможности урегулирования противоречий с Саудовской Аравией и перспективы разрешения коренных причин кризиса нашли отражение в работах Ермакова И.О.⁹⁵, Жилиной И.Ю.⁹⁶, Игнатенко А.⁹⁷, С. Аль-Баргути⁹⁸, С. Альмохамеди⁹⁹, А. Бильджина¹⁰⁰, Т. Черкау¹⁰¹, С. Кука¹⁰², И. Фрайхата¹⁰³, Д. Киннинмонта¹⁰⁴, Р. Миллера¹⁰⁵, Д. Робертса¹⁰⁶, А. Бакира¹⁰⁷.

⁸⁹ Графов Д.Б. Лоббирование интересов Катара в США и катарский дипломатический кризис // Вестник МГИМО университета. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 183-204.

⁹⁰ Гукасов А.В. Место и роль Саудовской Аравии и Катара в ближневосточной политике США // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2014. – № 12. – С. 79-83.

⁹¹ Туголукова Л. Американский фактор в «Игре престолов» Катара и Саудовской Аравии // Российский совет по международным делам. 23.09.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/amerikanskiy-faktor-v-igre-prestolov-katara-i-saudovskoy-aravii/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 16.07.2020).

⁹² Cook S.A. The Other Gulf Conflict: How the Qatar Crisis Is Playing Out in D.C. Back Rooms // The Council on Foreign Relations (CFR). 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/other-gulf-conflict-how-qatar-crisis-playing-out-dc-back-rooms> (accessed: 16.07.2020).

⁹³ Katzman K. Qatar: Governance, Security, and U.S. Policy. CRS Report № R44533 // Congressional Research Service. March 11, 2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/R44533.pdf> (accessed: 12.07.2020).

⁹⁴ Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Турецко-катарский альянс в борьбе за региональное лидерство // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте. – Волгоград, 2018. – С. 370-428; Erdemir A., Koduvayur V. Brothers in Arms. The Consolidation of the Turkey-Qatar Axis // Foundation For Defense Of Democracies. December 2019. URL: <https://www.fdd.org/wp-content/uploads/2019/12/fdd-report-brothers-in-arms-the-consolidation-of-the-turkey-qatar-axis.pdf> (accessed: 12.07.2020).

⁹⁵ Ермаков И.О. Дипломатический кризис вокруг Катара и перспективы его урегулирования // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2018. – № 1 (15). – С. 117-125.

⁹⁶ Жилина И.Ю. Провал экономической блокады Катара // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Серия 2. Экономика: Реферативный журнал. – 2020. – № 2. – С. 41-52.

⁹⁷ Игнатенко А. Истоки и перспективы катарского кризиса // Совет по внешней и оборонной политике. 2017. URL: <http://svop.ru/main/25300/> (дата обращения: 16.07.2020).

⁹⁸ Al-Barghothi S. International Tribute to Qatar's Conflict Resolution Efforts // Al Diplomacy. March 2020. URL: <https://en.calameo.com/read/005121764ee5eb79eeaca> (accessed: 10.07.2020).

⁹⁹ Almohamadi S.F. Qatar dispute exposes regional food-security failures // International Institute for Strategic Studies (IISS). 2017. URL: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2017/08/qatar-food-insecurity> (accessed: 16.07.2020).

¹⁰⁰ Bilgin A.R. Relations Between Qatar and Saudi Arabia After the Arab Spring // Contemporary Arab Affairs. – 2018. – Vol. 11. – № 3. – P. 113-134.

¹⁰¹ Cherkaoui T. Qatar's public diplomacy, international broadcasting, and the Gulf Crisis // Public Diplomacy of Rising and Regional Powers. – 2018. – Vol. 3. – № 3. – P. 127-149.

¹⁰² Cook S. Untangling the Qatar Kerfuffle // The Council on Foreign Relations (CFR). 2017. URL: <https://www.cfr.org/blog/untangling-qatar-kerfuffle> (accessed: 16.07.2020).

¹⁰³ Fraihat I. Superpower and Small-State Mediation in the Qatar Gulf Crisis // The International Spectator. – 2020. – Vol. 55. – № 2. – P. 79-91.

¹⁰⁴ Kinninmont J. The Gulf Divided: The Impact of the Qatar Crisis // Chatham House. 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/gulf-divided-impact-qatar-crisis> (accessed: 16.07.2020).

¹⁰⁵ Miller R. Managing Regional Conflict: The Gulf Cooperation Council and the Embargo of Qatar // Global Policy. – 2019. – Vol. 10. – № 52. – P. 36-45.

¹⁰⁶ Roberts D. Reflecting on the GCC Crisis. Qatar and Its Neighbours. – L.: Routledge, 2022. – 136 p.

Вместе с тем, несмотря на существование значительного числа работ, анализирующих различные аспекты внешнеполитической деятельности Катара и его сотрудничества с той или иной страной, в современной отечественной литературе наблюдается нехватка комплексных исследований регионального положения данной страны с учётом кризисов 2010-х – начала 2020-х годов, а также перспективы направлений политики Катара в регионе. Данная кандидатская диссертация является именно таким исследованием.

Цель исследования – определить роль и перспективы Государства Катар в системе региональных отношений на Ближнем Востоке, а также в субрегионе Персидского залива в контексте претензий эмирата на региональное лидерство.

Задачи исследования:

1. Определить наиболее релевантные подходы к анализу региональных отношений применительно к специфике Ближнего Востока в условиях перехода к многополярному мироустройству, а также выявить наиболее значимые проблемы изучения международного положения Катара в российской и зарубежной науке.

2. Определить концептуальные основы современной внешней политики Государства Катар, а также выявить ключевые документы, составляющие ее нормативно-правовую базу.

3. Определить основные приоритеты и механизмы реализации внешнеполитической стратегии Катара.

4. Выявить ключевые факторы, детерминирующие современное политическое положение Катара на Ближнем Востоке.

5. Определить проблемы отношений Катара и Саудовской Аравии в первой четверти XXI века и доказать, что эти противоречия между двумя арабскими монархиями являются одним из важных факторов, влияющих на региональные кризисы и конфликты на Ближнем Востоке.

¹⁰⁷ Bakir A. The Evolution of Turkey-Qatar Relations Amid a Growing Gulf Divide. // In: Divided Gulf: The Anatomy of a Crisis. Ed. A. Krieg. – L.: Palgrave Macmillan, 2019.

6. Идентифицировать основные аспекты и выявить ключевые события информационной войны между Катаром и Саудовской Аравией, определить значение информационной войны в противостоянии этих государств.

7. Выявить потенциальные перспективы становления Катара в качестве регионального лидера.

Объект исследования – внешняя политика Государства Катар на современном этапе.

Предмет исследования – особенности внешнеполитической стратегии Государства Катар, нацеленной на обеспечение эмирату лидирующих позиций в системе региональных отношений на Ближнем Востоке.

Политико-географические рамки исследования. Наибольшее влияние на роль Катара на Ближнем Востоке оказывают его отношения со странами субрегиона Персидского залива и, прежде всего, арабскими монархиями. С одной стороны, исторически, культурно и религиозно Катар неразрывно связан со странами ССАГПЗ, с другой, наиболее интенсивно с ними же конкурирует. Кроме того, Катар наиболее активно и успешно проецирует свое политическое влияние в регионе Ближнего Востока. Частью политико-географических рамок исследования являются Северная и Восточная Африка, так как борьба за влияние на страны этих регионов происходит между Катаром, Саудовской Аравией и ОАЭ.

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины 1990-х годов, прихода к власти седьмого эмира Катара Хамада Аль Тани в 1995 году, до первой половины 2024 года. В этот период Катар прилагает максимальные усилия для деэскалации ближневосточных конфликтов и уменьшения собственных рисков в случае возникновения прямого конфликта между Израилем и Ираном. Кроме того, этот период характеризуется началом проведения Катаром своей внешней политики, независимой от Саудовской Аравии. При этом исследование не могло бы состояться без анализа исторических предпосылок развития региона ранее 1995 года.

Научная новизна исследования определена объектом и предметом диссертации, применяемыми методологическими подходами и полученными результатами. Во-первых, в данной работе впервые проводится комплексный анализ положения Государства Катар на Ближнем Востоке. Определенная автором совокупность ключевых факторов, таких как обладание ресурсами и дефицит ресурсов, международное и региональное сотрудничество, международные обязательства, международное соперничество, которые детерминируют современную роль Катара на Ближнем Востоке, позволяет прогнозировать внешнеполитические действия этой страны при реализации определенных сценариев. Среди таких сценариев можно выделить политическую дестабилизацию Саудовской Аравии, расширение арабо-израильского конфликта, начало полномасштабной войны Израиля, при поддержке США, с Ираном. Во-вторых, в исследовании выявлены концептуальные и нормативно-правовые основы современной внешней политики Катара и их соотношение с практическими механизмами реализации внешнеполитического курса этой страны. В-третьих, впервые в российской и зарубежной научной литературе произведено комплексное исследование информационной войны 2017-2021 годов между Катаром и Саудовской Аравией, а также предложена авторская периодизация информационного противостояния¹⁰⁸ между Катаром и Саудовской Аравией в период с 1996 по 2024 год, в котором выделены четыре основных этапа.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке теории внешнеполитического поведения малых стран в условиях трансформации мирового порядка. Автор на примере Катара выявляет возросшие возможности отдельных малых стран влиять на региональные политические процессы, включая урегулирование региональных конфликтов.

¹⁰⁸ Информационная война представляет собой комплексное явление, включающее отдельные информационные операции, пропаганду и ряд других мероприятий, таких как хакерские атаки, лоббистские действия, юридические иски, которые координируются из единого центра для достижения синергетического эффекта и конкретных целей. Информационное противостояние, прежде всего, состоит из усилий пропаганды и отдельных информационных операций, которые, как правило, не имеют конкретных временных рамок, направлены на долгосрочное продвижение определенных идей.

Практическая значимость исследования состоит в создании комплексного подхода к изучению механизмов расширения влияния Катара на региональные процессы на Ближнем Востоке. Рассматривается синергетический эффект от усилий Катара на ряде направлений: от спортивной дипломатии до поддержки повстанческих групп в некоторых государствах. В исследовании также определены перспективы сохранения устойчивости выбранного Катаром внешнеполитического курса, направленного на расширение своего влияния на Ближнем Востоке.

Таким образом, материалы данного исследования могут использоваться для подготовки материалов, аналитических справок Министерства иностранных дел Российской Федерации, а также докладов, стратегий Администрации президента РФ, Службы внешней разведки РФ, Министерства обороны РФ по региону Ближнего Востока. Результаты исследования имеют значение для развития двустороннего сотрудничества между Государством Катар и Российской Федерацией: уточнены механизмы принятия решений руководством Катара, направления внешнеполитической деятельности, в рамках которых эмират открыт к сотрудничеству с Россией, а также могут быть востребованы в преподавательской и научной деятельности, связанной с международными исследованиями, прикладном востоковедении, при чтении курсов по мировой политике, теории международных отношений, регионоведению.

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды российских и зарубежных ученых в области политической науки, прежде всего, по международным отношениям и внешнеполитическому анализу, а также комплекс общенаучных, социологических, политических и экономических методов. В основе исследования лежит системный подход, так как именно он позволил адекватно определить роль Катара на Ближнем Востоке с учетом его экономических, культурных, религиозных, географических особенностей. Например, фактор обладания крупнейшими запасами газа комплексно рассматривался с разных сторон: с точки зрения доступа к технологиям для добычи и транспортировки газа, как ресурс, дающий возможность заключить

договор социальной ренты с гражданами Катара, то есть предоставить значительные социальные льготы в обмен на политическую лояльность клану Аль Тани, как инструмент дипломатии, посредством которой эмират использует своё важнейшее положение в мире на рынке СПГ для переговоров со странами Европейского союза, США.

Автор использовал теоретико-методологические разработки классического реализма, в связи с тем, что на Ближнем Востоке наиболее отчетливо прослеживается прямая борьба за контроль над ископаемыми ресурсами, а также неореализма и неоклассического реализма. Направление неоклассического реализма, которое появилось на рубеже XX и XXI веков благодаря работам Г. Роуза¹⁰⁹, стало одним из оснований данного исследования, так как оно в значительной степени является синтезом двух наиболее оптимальных подходов (реализма и неореализма) для изучения политических отношений на Ближнем Востоке.

Классический реализм, разработанный Г. Моргантау¹¹⁰ в 50-х годах XX века, выступает в качестве тезиса, постулируя открытую борьбу за власть и ресурсы, а структурный реализм К. Уолца¹¹¹ играет роль антитезиса, акцентируя внимание на факторе структурных ограничений международной системы, сдерживающем борьбу за ресурсы и власть. В свою очередь, неоклассический реализм помогает объяснить не только внешние, но и внутренние причины, по которым страны выбирают тот или иной ответ на внешнеполитические угрозы, такие как дипломатическое давление, сухопутная и воздушная блокада, угроза военной интервенции. Таким образом, неоклассический реализм позволяет определить связь международной деятельности государства с внутренними акторами, политическими и гражданскими институтами. Применительно к Катару – это, прежде всего, отношения внутри правящего клана Аль Тани, а также его

¹⁰⁹ Rose G. Review: Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // *World Politics*. – 1998. – Vol. 51. – № 1. – P. 144-172.

¹¹⁰ Morgenthau H. In *Defense of the National Interest*. – Lanham: University Press of America, 1982. – 306 p; Morgenthau H. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. – Boston: McGraw-Hill Higher Education, 2006. – 752 p.

¹¹¹ Waltz K. Structural Realism after the Cold War // *International Security*. – 2000. – Vol. 25. – № 1. – P. 5-41.

отношения с государственными органами и остальными влиятельными семьями (племенами) страны.

Важными для исследования являются сравнительный внешнеполитический подход и модель механизма передачи общественного мнения в сферу политики, разработанные Дж. Розенау¹¹², которые позволяют выявить и сопоставить те закономерности, которые арабские монархии Персидского залива, прежде всего, Катар и Саудовская Аравия, используют для формирования своей внешней политики.

Кроме того, к методологическим основам диссертации следует отнести работы Р. Снайдера, в частности, его метод сравнительного анализа политических режимов и концепцию принятия внешнеполитических решений¹¹³.

Контент-анализ международных двусторонних и многосторонних договоров, официальных документов государственных органов Катара по внешнеполитической тематике, стратегий развития Катара, текстов выступлений эмира Катара Тамима Аль Тани применялся для выявления концептуальных основ внешнеполитического курса этой страны.

Нормативную и эмпирическую базу исследования составили следующие группы источников:

1. Официальные документы, декларации, заявления, ежегодные статистические доклады международных и региональных правительственных организаций¹¹⁴ (прежде всего, Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива¹¹⁵, в том числе, на арабском языке¹¹⁶).

¹¹² Rosenau J. Along the domestic-foreign frontier: Exploring governance in a turbulent world. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1997. – 467 p; Rosenau J. Governing the ungovernable: The challenge of a global disaggregation of authority // Regulation & governance. – 2007. – Vol. 1. – № 1. – P. 88-97; Rosenau J. The scientific study of foreign policy. – N.Y.: Nichols Pub. Co., 1980. – 577 p; Rosenau J. The study of global interdependence: Essays on the transnationalisation of world affairs. – L.: Frances Pinter, 1980. – 334 p; Rosenau J. Turbulence in world politics: A theory of change and continuity. – Princeton: Princeton univ. press, 1990. – 480 p; Rosenau J., Thompson K. World Politics: An Introduction. – N.Y.: Free Press, 1976. – 754 p; Rosenau J.N. Comparative Foreign Policy: Fad, Fantasy, or Field? // International Studies Quarterly. – 1968. – Vol. 12. – № 3. – P. 296-329.

¹¹³ Snyder R., Bruck H., Sapin B., Hudson V. Foreign Policy Decision-Making (Revisited). – L.: Palgrave Macmillan, 2002. – 186 p.

¹¹⁴ The United Nations Conference on trade and development 2020 Handbook of statistics // The United Nations Conference on trade and development. 2020. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdstat45_en.pdf (accessed: 25.03.2021); CIA The World Factbook 2021 // Central Intelligence Agency USA. 2021. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/about/whats-new/#twenty-twenty-one> (accessed: 25.03.2021); The World Bank Annual Report 2020 // The World Bank. 2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/about/annual-report#anchor-annual>

2. Нормативные документы, представленные двусторонними и многосторонними соглашениями, договорами Катара со странами Персидского залива и внерегиональными акторами (США, ЕС, Великобритания, Китай, Россия) по различным направлениям сотрудничества (прежде всего, в сфере обеспечения безопасности, экономического, энергетического сотрудничества)¹¹⁷.

(accessed: 25.03.2021); Gulf Cooperation Council The Charter // Gulf Cooperation Council. 25.05.1981. URL: <https://www.gcc-sg.org/en-us/AboutGCC/Pages/Primarylaw.aspx> (accessed: 25.03.2021)

¹¹⁵ The Al-Ula Declaration. Issued at the 41st GCC Summit (The «Sultan Qaboos and Sheikh Sabah Summit») // Al-Ula, Kingdom of Saudi Arabia. January, 2021. URL: <https://gcc41.org/press-releases/the-al-ula-declaration> (accessed: 25.03.2021).

¹¹⁶ Ихсаат Атгаак Фидуваль Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия 2018. Мулахыс Танфиивый. Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия (Энергетика в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива в 2018 г. Резюме для руководства. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива). // Официальный сайт ССАГПЗ, 2020. URL: https://www.gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/Energy_in_GCC_2018.pdf (дата обращения: 25.03.2021); Ихсаат Аль Мииаах Фидуваль Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия 2018. Мулахыс Танфиивый. Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия. (Водные ресурсы в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива в 2018 г. Резюме для руководства. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива). // Официальный сайт ССАГПЗ, 2020. URL: https://www.gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/water2018_1.pdf (дата обращения: 25.03.2021); Таафиир Джааиха Куурууна (Кууфиид – 19) Фидуваль Аттаун Аляль Джавааниб Ассыхия Валь Иджтимаайя Валь Иктисаадия. Такрир Хаас. Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия. (Влияние коронавируса (COVID-19) в странах ССАГПЗ на здравоохранение, экономику и социальную сферу. Специальный доклад. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива). // Официальный сайт ССАГПЗ, 2020. URL: <https://www.gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/corona%20report.pdf> (дата обращения: 25.03.2021); Аам Аля Кууфиид – 19 Фидуваль Маджлис Аттаун. Такрир Хаас. Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия. (Год с COVID-19 в странах ССАГПЗ. Совет Сотрудничества арабских государств Персидского залива). // Официальный сайт ССАГПЗ, 2021. URL: <https://www.gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/A%20year%20of%20COVID-19%20in%20GCC.pdf> (дата обращения: 25.03.2021); Муашараат Идааи Ассуук Аль Халииджия Аль Муштарак Фидуваль Маджлис Аттаун. Такрир Хаас. Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия. (Показатели работы общего рынка ССАГПЗ. Специальный доклад. Совет Сотрудничества арабских государств Персидского залива). // Официальный сайт ССАГПЗ, 2020. URL: https://www.gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/GCC-COMMON_market-compressed_1_1.pdf (дата обращения: 25.03.2021); Аль Баян Аль Хытаамий Ассаадыр Аниль Маджлис Аль Ааля Фидуваль Аль Халидж Аль Арабия (Итоговое заявление Верховного совета по итогам 41 Саммита памяти Султана Кабуса и Шейха Сабаха. Совет Сотрудничества арабских государств Персидского залива). // Официальный сайт 41 ежегодного саммита ССАГПЗ, 2021. URL: <https://gcc41.org/> (дата обращения: 25.03.2021).

¹¹⁷ Agreement between the Government of the State of Qatar and the Government of the United Arab Emirates Relating to the Transmission of Gas by Pipeline Between the State of Qatar and the United Arab Emirates, September 2004. // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://www.almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=1483&language=en> (accessed: 23.09.2022); Agreement on Cooperation in the Field of Security between the Government of the State of Qatar and the Government of the Kingdom of Bahrain, November 2005. // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://www.almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=1230&language=en> (accessed: 23.09.2022); Memorandum of Understanding on the Establishment of the Office for Organizing the Work of the Citizens of the Kingdom of Bahrain in Qatar between the Government of the State of Qatar and the Government of the Kingdom of Bahrain, May 2007. // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=1304&language=en> (accessed: 23.09.2022); An Agreement to form a Higher Committee for the Development of Relations between the Government of the State of Qatar and the Government of the Arab Republic of Egypt, January 1990. // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=923&language=en> (accessed: 23.09.2022); Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America, February 2020. // United States Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (accessed: 28.09.2022); Agreement between the Government of the State of Qatar and the United Nations Development Program for the Establishment of an Office of the United Nations Development Program in Doha – Qatar, June 2021. (in

3. Официальные документы органов государственной власти Катара (в том числе, официальные стратегии Катара, имеющие внешнеполитический компонент: стратегия «Национальное видение – 2030»¹¹⁸, катарская Вторая стратегия национального развития на 2018-2020 гг.¹¹⁹, катарская Третья стратегия национального развития на 2024-2030 гг.¹²⁰ катарская Национальная стратегия развития искусственного интеллекта¹²¹, ставящая целью международной признание и лидерство Катара в этой области; материалы органов государственной власти Катара по внешнеполитической проблематике¹²², в основном подготовленные Министерством иностранных дел Катара).

4. Выступления эмира Катара на внутригосударственных и международных мероприятиях, в части, касающейся его видения роли Катара в региональных и

Arabic). // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://www.almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=2605&language=ar> (accessed: 28.09.2022); Agreement between the Government of the Republic of Turkey and the Government of the State of Qatar on Cooperation on Military Training, Defense Industry and the Deployment of Turkish Armed Forces in the Land of Qatar, 19 December 2014. (in Turkish) // LEXPERA. Legal Information System. URL: <https://www.lexpera.com.tr/resmi-gazete/metin/turkiye-cumhuriyeti-hukumeti-ile-katar-devleti-hukumeti-arasinda-askeri-egitim-savunma-sanayi-ile-1> (accessed: 27.09.2022); Security Cooperation Agreement between the Government of the State of Qatar and the Government of the Islamic Republic of Iran, March 9, 2010 (in Arabic). // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://www.almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=1733&language=ar> (accessed: 27.09.2022); Doha Document for Peace in Darfur, May 2011. // UN Mission in Darfur. URL: https://unamid.unmissions.org/sites/default/files/ddpd_english.pdf (accessed: 24.09.2022); Doha Declaration on Financing for Development: outcome document of the Follow-up International Conference on Financing for Development to Review the Implementation of the Monterrey Consensus, December 2008. // United Nations website. URL: https://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2014/09/Doha_Declaration_FFD.pdf (accessed: 28.09.2022); Riyadh Agreement by Saudi Arabia, Bahrain, Kuwait, Oman, Qatar and United Arab Emirates (with Endorsement Agreement) on 24 November 2013. // United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/No%20Volume/55378/Part/I-55378-0800000280527ea2.pdf> (accessed: 27.09.2022).

¹¹⁸ Qatar National Vision 2030 // Government Communications Office, Council of Ministers (Qatar). 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/about-qatar/national-vision2030/> (accessed: 10.07.2020); Qatar National Vision 2030. First published July 2008 // General Secretariat for Development Planning. 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/wp-content/uploads/2016/09/GCO-QNV-English.pdf> (accessed: 10.07.2020).

¹¹⁹ Qatar Second National Development Strategy 2018~2022 // Planning and Statistics Authority. September 2018. URL: <https://www.psa.gov.qa/en/knowledge/Documents/NDS2Final.pdf> (accessed: 12.09.2022)

¹²⁰ Qatar Third National Development Strategy 2024-2030 // Planning and Statistics Authority.. URL: https://www.psa.gov.qa/en/nds1/nds3/Documents/QNDS3_EN.pdf (accessed: 22.01.2024)

¹²¹ National Artificial Intelligence Strategy for Qatar // Qatar Center for Artificial Intelligence (QCAI). 2019. URL: https://qcai.qcri.org/wp-content/uploads/2019/02/National_AI_Strategy_for_Qatar-Blueprint_30Jan2019.pdf (accessed: 12.09.2022).

¹²² Countering Terrorism and Violent Extremism // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/preventive-diplomacy/countering-terrorism> (accessed: 12.09.2022); International Partnerships // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/international-cooperation/international-partnerships> (accessed: 11.07.2020); Preventive Diplomacy: Mediation // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/preventive-diplomacy/mediation> (accessed: 12.07.2020); Principles of Qatar' Foreign Policy // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/principles/principles-of-qatar-foreign-policy> (accessed: 12.07.2020); Sports Diplomacy // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/international-cooperation/sports-diplomacy> (accessed: 11.07.2020); The main result and the intermediary results // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/international-cooperation/the-main-result-and-the-intermediary-results> (accessed: 11.07.2020).

международных отношениях (в основном, рассматриваются программная инаугурационная речь¹²³ эмира Катара и его выступления¹²⁴ после 2017 года, посвященные роли Катара в ССАГПЗ и на Ближнем Востоке, взаимодействию с США).

5. Средства массовой информации, электронные ресурсы и порталы, в материалах которых, прежде всего, нашли отражения события информационной войны между Катаром и Саудовской Аравией¹²⁵.

Положения, выносимые на защиту:

1. Наиболее существенное влияние на современное положение Государства Катар на Ближнем Востоке, его активную многовекторную внешнюю политику, призванную обеспечить безопасность этого эмирата, преодолеть негативные последствия блокады 2017 года и занять лидирующие позиции в регионе, оказывают следующие факторы: фактор обладания энергетическими, финансовыми и медийными ресурсами, фактор дефицита продовольственных ресурсов и военной силы, фактор сотрудничества, в первую очередь, с США,

¹²³ The Inaugural Speech of His Highness On Becoming The Emir of Qatar // Government Communications Office, Council of Ministers. 2013. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/the-inaugural-speech-of-his-highness-on-becoming-the-emir-of-qatar/> (accessed: 13.07.2020)

¹²⁴ HH The Amir Speech at Kuala Lumpur Summit 2019 // Government Communications Office, Council of Ministers. 2019. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/hh-the-amir-speech-at-kuala-lumpur-summit-2019/> (accessed: 13.07.2020); His Highness Speaks at The Global Vaccine Summit 2020 // Government Communications Office, Council of Ministers. 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/his-highness-speaks-at-the-global-vaccine-summit-2020/> (accessed: 13.07.2020); His Highness Speech at Doha Forum 2019 // Government Communications Office, Council of Ministers. 2019. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/his-highness-speech-at-doha-forum-2019/> (accessed: 13.07.2020); His Highness Speech at The 73rd Session of The UN General Assembly // Government Communications Office, Council of Ministers. 2019. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/his-highness-speech-at-the-73rd-session-of-the-un-general-assembly/> (accessed: 13.07.2020); His Highness Speech at The Opening of The 48th Advisory Council Session // Government Communications Office, Council of Ministers. 2019. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/his-highness-speech-at-the-opening-of-the-48th-advisory-council-session/> (accessed: 13.07.2020); The Inaugural Speech of His Highness On Becoming The Emir of Qatar // Government Communications Office, Council of Ministers. 2013. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/the-inaugural-speech-of-his-highness-on-becoming-the-emir-of-qatar/> (accessed: 13.07.2020).

¹²⁵ Газеты и журналы на английском и арабском языках: Foreign Affairs (США), Foreign Policy (США), New-York Times (США), The Economist (США), The Times (Великобритания), Financial Times (Великобритания), The Guardian (Великобритания), The Daily Telegraph (Великобритания), South China Morning Post (Гонконг), Jerusalem Post (Израиль), Haaretz (Израиль), Al Wawaba (Иордания), «Аль-Хайят» (Великобритания), «Аль-Кудс аль-Араби» (Великобритания), «Аш-Шарк аль-Аусат» (Великобритания), «Аль-Масри Аль-Йум» (Египет), «Аль-Ахрам» (Египет), «Аль-Райя» (Иордания), «Kuwait Times» (Кувейт), «Arab Times» (Кувейт), «Аль-Шарк» (Катар), «Аль-Ватан» (Катар), «The Gulf Times» (Катар), «The Peninsula» (Катар), «Аль-Иттихад» (ОАЭ), «Gulf News» (ОАЭ), «Khaleej Times» (ОАЭ), «Эр-Рияд» (Саудовская Аравия), Al Ahram Weekly (Египет), Телеканалы «Al-Jazeera» (Катар), «Sky News Arabia» (ОАЭ), «Аль-Арабия» (Саудовская Аравия) и др.

Турцией, Великобританией, Ираном, а также потребителями катарского газа в Азии, и фактор соперничества Катара с Саудовской Аравией.

2. Корреляция между внешним давлением, которое осуществляла «арабская четверка» во главе с Саудовской Аравией с целью принудить Катар проводить менее активную внешнюю политику на Ближнем Востоке, и ответной реакцией Катара в значительной степени имела обратный эффект, вынуждая эмират дополнительно активизировать свои внешнеполитические усилия. Катар принципиально не принимает региональную лидерскую и патерналистскую позицию Саудовской Аравии, выдвигает собственные претензии на региональное лидерство как религиозный, политический, экономический и дипломатический игрок. При этом к 2024 году Катар выработал сбалансированный подход к борьбе с Саудовской Аравией за лидерство на Ближнем Востоке, не стремясь нанести фатальный урон её государственности, учитывая важную роль этого государства в реализации долгосрочной региональной стабильности, но направляя свои усилия на ослабление этого королевства.

3. Одной из основных причин современных политических кризисов внутри ССАГПЗ (дипломатический кризис 2014 года, Катарский дипломатический кризис 2017 – 2021 годов), а также в ряде арабских стран, в частности, в Египте, Ливии, Сирии, Йемене является соперничество между Катаром и Саудовской Аравией за расширение влияния на Ближнем Востоке. Это соперничество стало неотъемлемой частью политического ландшафта Ближнего Востока в связи с фундаментальными сложностями в урегулировании четырех основных проблем в отношениях между Катаром и Саудовской Аравией: поддержка Катаром ассоциации «Братья-мусульмане»¹²⁶, сотрудничество Катара с Турцией, сотрудничество Катара с Ираном и использование Катаром во внешнеполитических целях телеканала «Аль-Джазира». Успехи Государства Катар в данном противостоянии, когда Саудовская Аравия была вынуждена отказаться от требований, выдвинутых Катару во время Катарского

¹²⁶ Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

дипломатического кризиса 2017 – 2021 годов, играют ключевую роль в определении роли эмирата на Ближнем Востоке.

4. Информационная война между Катаром и Саудовской Аравией, имела значительное влияние на развитие региональных отношений на Ближнем Востоке. Победа Катара в информационной войне, которая была де-факто зафиксирована в рамках саммита в Аль-Уле в Саудовской Аравии в начале 2021 года, в значительной степени сформировала текущую парадигму региональных отношений.

5. Политические перспективы Катара в условиях трансформации мирового порядка предполагают максимально широкий диапазон сценариев: от достижения Катаром лидерских позиций на Ближнем Востоке до его исчезновения как независимого государства. Радикальное ослабление Саудовской Аравии, которое являлось одной из целей Катара в течение последних пятнадцати лет, неизбежно приведет к краху политических режимов в странах ССАГПЗ. Это связано с тем, что именно Саудовская Аравия является центром стабилизации существующих в настоящее время политических режимов, которые финансово очень зависимы от королевства. Таким образом, позитивный среднесрочный сценарий для Катара предполагает балансирование внешнеполитических усилий между ослаблением Саудовской Аравии с ограничением ее экономического, военного и внешнеполитического потенциала, и поддержанием в Саудовской Аравии власти династии Аль Сауд. В рамках негативного сценария, предполагающего крах сложившейся архитектуры безопасности¹²⁷, сохранение катарской государственности, как и государственности его соседей – Бахрейна, Кувейта, ОАЭ, маловероятно. Вместе с тем именно Катар среди государств ССАГПЗ имеет наибольшие шансы на сохранение своего статус-кво, так как эмират в 2017-2021 годах уже прошел через Катарский дипломатический кризис и проверил на

¹²⁷ Имеется в виду текущая конфигурация, когда страны ССАГПЗ опираются на военную поддержку и базы США и, в свою очередь, транслируют стабильность в виде кредитов, инвестиций, военно-технической помощи в соседние Египет, Иорданию. При этом США и другие международные акторы соглашаются с положением, когда арабские монархии Персидского залива оставляют себе значительную часть углеводородной ренты. Обрушение архитектуры безопасности предполагает переход к условному «ливийскому» сценарию: контроль добычи углеводородов глобальными акторами и перманентная гражданская война на всей остальной территории.

практике свою систему хеджирования внешнеполитических рисков, основанную на сложной системе гарантий, соглашений, договоренностей со всеми крупнейшими международными акторами.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности.

Диссертация соответствует следующим направлениям исследований, указанным в паспорте научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования:

2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин.

3. Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики.

8. Международные кризисы и конфликты. Этнический и религиозный факторы в международных отношениях. Миротворческая деятельность.

12. Внешняя политика и дипломатия.

17. Информационные, когнитивные, био- и другие новые технологии в международных отношениях и мировой политике.

Апробация результатов исследования.

Основные положения и выводы, полученные в диссертации, изложены в 7 научных работах автора общим объёмом 6,24 печатных листа, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук. Совокупный авторский вклад 4,36 печатных листов. Авторский вклад в публикациях, подготовленных в соавторстве, 1,45 печатных листов.

Содержание и выводы диссертационного исследования нашли отражение в 8 докладах¹²⁸ на российских и международных научных и научно-практических конференциях, круглых столах и семинарах.

¹²⁸ Полный перечень выступлений, с развёрнутым описанием всех конференций и тем докладов, представлен на персональной общедоступной странице автора в ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/profile/egorov.i.s/>

ГЛАВА 1. Теоретико-методологические основы исследования политической роли Катара на Ближнем Востоке

В данной главе анализируются современные научные подходы к региональным процессам с целью определения наиболее подходящих для решения задач исследования, рассматриваются направления политической мысли, в рамках которых в российской и зарубежной науке изучается региональное положение Катара, а также раскрываются нормативно-правовые основы внешней политики эмирата.

1.1. Современные парадигмы анализа международных отношений применительно к определению политической роли Катара на Ближнем Востоке

Современные международные отношения всех уровней, включая региональный, традиционно являются предметом научного анализа исследователей из разных стран, использующих для этого широкий набор инструментов. Учёные опираются на парадигмы международных отношений (от греч. *παράδειγμα* – «модель», «образец»), являющие собой набор базовых представлений и принципов, характеризующих взаимодействие между народами и государствами, при этом выбор подхода может отражать, по убеждению

А.А. Порецковой¹²⁹, и идеологическую позицию автора. В практическом отношении политическим лидерам, в целом, свойственно использовать элементы теории международных отношений, имеющие вид сформированных подходов, при решении дилемм национальной и международной безопасности, которые затем преобразуются в политику, определяющую направления действий для достижения национальных целей с различными стратегическими последствиями¹³⁰, а развитие самой системы международных отношений в значительной степени предопределяется признанием политическими деятелями той или иной парадигмы¹³¹.

В научных исследованиях последних лет термин «парадигма международных отношений» применяется к широкому кругу явлений и теоретических концепций, при этом существует консенсус по поводу признания классическими подходами, прежде всего, реализма и либерализма, спор между сторонниками которых остаётся в числе важнейших тем современной политической науки¹³².

Парадигма политического реализма, опирающаяся на изложенные ещё Фукидидом принципы о центральной роли государства и силы¹³³, идеи «Государя» Н. Макиавелли¹³⁴ и «Левиафана» Т. Гоббса¹³⁵, развивалась в рамках основанной Г. Моргантау¹³⁶ школы в трудах таких авторов, как Б. Бузан¹³⁷,

¹²⁹ Порецкова А.А. Два взгляда на развитие методологических подходов в политической науке // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2016. – № 6. – С. 65-73.

¹³⁰ Cruz M.A., Brabazon J.J., Halfhill D.S., Ritzel S.M. Between Theory and Practice: The Utility of International Relations Theory to the Military Practitioner // Official United States Air Force Website. 2020. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/Wild-Blue-Yonder/Article-Display/Article/2063140/between-theory-and-practice-the-utility-of-international-relations-theory-to-th/> (accessed: 07.07.2020).

¹³¹ Подберезкин А.И. Анализ и стратегический прогноз развития новых парадигм международной обстановки // Центр военно-политических исследований. 2017. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/39668> (дата обращения: 09.07.2020).

¹³² Сетов Н.Р. Неореализм и неолиберализм в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2012. – № 2. – С. 28-32.

¹³³ Грачев Б.В. О соотношении парадигм международных отношений и классических теорий интеграции. // Политика и Общество. – 2016. – № 7. – С. 870-873.

¹³⁴ Machiavelli N. The Prince. – N.Y.: Create Space Independent Publishing Platform, 2014.

¹³⁵ Hobbes T. Leviathan. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

¹³⁶ Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. – Boston: McGraw-Hill Higher Education, 2006.

¹³⁷ Buzan B. The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism (New Directions in World Politics). – Columbia: Columbia University Press, 1993.

К. Бутц¹³⁸, Э. МакКуин¹³⁹, Д. Миршаймер¹⁴⁰, С. Уолт¹⁴¹, К. Уолц¹⁴². Для анализа современных региональных и международных отношений сохраняют актуальность положения реализма, касающиеся признания государств главными акторами международных отношений и их решающей роли в определении мировой политики, а также неизбежности столкновения их национальных интересов. В реализме противостояние или даже, как указано у К. Холсти¹⁴³, война выступает в роли основной формы межгосударственного взаимодействия, и, готовясь к ней в условиях небезопасного мира, страны стремятся к наращиванию своих военных потенциалов¹⁴⁴. Важным положением реализма является представление об общей анархичности мира, рассуждая о которой, К. Уолц указывал на состояние взаимного недоверия, при котором государства предпочитают опираться на собственные возможности, наиболее крупные из них занимаются политикой балансирования, тогда как малые и средние страны обычно присоединяются к одной из сильных сторон¹⁴⁵.

Усложнение политической реальности в конце XX- начале XXI вв. привело к дополнению реалистского подхода тезисами о том, что при реализации того или иного внешнеполитического курса на поведение государств могут оказывать влияние различные факторы, включая неправильное восприятие фактов, просчеты и ошибки в политических решениях лидеров (об этом писал Я. Вьенцлавски¹⁴⁶); в стремлении защитить свои интересы государства систематически прибегают к созданию союзов, чтобы уравновесить власть на международной арене

¹³⁸ Booth K. *Realism and World Politics*. – N.Y.: Routledge, 2011.

¹³⁹ McQueen A. *Political Realism in Apocalyptic Times*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

¹⁴⁰ Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. – N.Y.: Norton, 2014.

¹⁴¹ Walt S. What Would a Realist World Have Looked Like? // *Foreign Policy*. 08.01.2016. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/01/08/what-would-a-realist-world-have-looked-like-iraq-syria-iran-obama-bush-clinton/> (accessed: 21.07.2020); Mearsheimer J., Walt S. Leaving Theory Behind: Why Simplistic Hypothesis Testing is Bad for IR // *European Journal of International Relations*. – 2013. – Vol. 19. – № 3. – P. 427-457.

¹⁴² Waltz K. *Realism and International Politics*. – N.Y.: Routledge, 2008.

¹⁴³ Сетов Н.Р. Государство и война в политической теории К. Холсти // *Социально-гуманитарные знания*. – 2011. – № 2. – С. 290-296.

¹⁴⁴ Коваленко Г.В. Теоретические основы исследования внешней политики постсоветских государств // *Постсоветские исследования*. – 2018. – № 1. – С. 58-63.

¹⁴⁵ Хаддад Х. Теория международных отношений и «Новый Ближний Восток» // *Международная жизнь*. 8.08.2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18105> (дата обращения: 09.07.2020).

¹⁴⁶ Więclawski J. Considering Rationality of Realist International Relations Theories // *Chinese Political Science Review*. – 2020. – № 5. – P. 111-130.

(М. Хейриан¹⁴⁷). Автор термина «неоклассический реализм» Г. Роуз в своем обзоре «Неоклассический реализм и теории внешней политики» указывал на важность и исторических предпосылок для поведения государств, и многочисленных внутренних факторов, включая социальную стабильность и экономический рост¹⁴⁸.

Д. Розенау¹⁴⁹ уделял особое внимание сравнительному анализу внешнеполитических подходов, механизмов влияния общественного мнения на формирование политического курса. Р. Снайдер¹⁵⁰, развивая это направление, разработал концепцию принятия внешнеполитических решений, в которой ключевыми являются три фактора: место в системе различных государственных органов и институтов, распределение информации между ними и решения, принимаемые отдельными лицами. В свою очередь, Дж. Талиаферро предложил свою модель многоуровневого анализа, которая учитывает предыдущие наработки неоклассического реализма и позволяет проследить связь и взаимовлияние международного и государственного уровней при выработке внешнеполитической стратегии и решений стран¹⁵¹. Наконец, одна из последних концепций этого направления принадлежит Н. Китчену¹⁵², который разработал четырёхуровневую модель (восприятие угроз, цели стратегии, средства стратегии, учёт и анализ изменений) для исследования внешней политики государств.

¹⁴⁷ Kheyrian M. What are the implications of realism's apparent dominance of the study of International Relations? // Centre for Geopolitics & Security in Realism Studies. 2019. URL: <http://cgsrs.org/publications/101> (accessed: 7.07.2020).

¹⁴⁸ Rose G. Review: Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. – 1998. – Vol. 51. – № 1. – P. 144-172.

¹⁴⁹ Rosenau J. Along the domestic-foreign frontier: Exploring governance in a turbulent world. – N.Y.: Cambridge Univ. press, 1997; Rosenau J. Governing the ungovernable: The challenge of a global disaggregation of authority // Regulation & governance. – Carlton, Victoria, 2007. – Vol. 1. – № 1. – P. 88-97; Rosenau J. The scientific study of foreign policy. – N.Y.: Nichols Pub. Co., 1980. ; Rosenau J. Turbulence in world politics: A theory of change and continuity. – Princeton: Princeton Univ. press, 1990.

¹⁵⁰ Snyder R., Bruck H., Sapin B., Hudson V. Foreign Policy Decision-Making (Revisited). – L.: Palgrave Macmillan, 2002.

¹⁵¹ Taliaferro J. Neoclassical realism and the study of regional order. In: T. Paul (Ed.), International Relations Theory and Regional Transformation. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 74-104; Taliaferro J. State Building for Future Wars: Neoclassical Realism and the Resource-Extractive State // Security Studies. – 2006. – Vol. 15. – № 3. – P. 464-495; Taliaferro J. Balancing Risks: Great Power Intervention in the Periphery. – L.: Cornell University Press, 2004.

¹⁵² Kitchen N. Systemic Pressures and Domestic Ideas: A Neoclassical Realist Model of Grand Strategy Formation. Review of International Studies. – 2010. – Vol. 36. – № 1. – P. 117-143.

В развитие реалистской парадигмы внесли большой вклад и отечественные учёные. Так, П.А. Цыганков¹⁵³, Т.А. Алексеева¹⁵⁴ расширили и дополнили направления системного подхода и сравнительного анализа, А.В. Фененко¹⁵⁵ исследовал новые пространства в структуре международных отношений. А.В. Манойло¹⁵⁶, О.Г. Леонова¹⁵⁷, В.В. Кочетков¹⁵⁸, А.Г. Савельев¹⁵⁹, К.С. Стригунов¹⁶⁰, А.Н. Чумаков¹⁶¹ исследовали практическое применение и разработали теоретическую базу новых (относительно) явлений в международной и региональной политике («мягкая сила», sharp power, информационные, неклассические и культурные войны), ещё раз показав инклюзивные возможности реализма, в целом, и неоклассического реализма, в частности.

Вместе с тем, сторонники структурного реализма признали переход основной конкуренции между государствами из политико-силового противостояния в сферу экономического соперничества под влиянием глобализации¹⁶²; они сосредоточились на объяснении региональных

¹⁵³ Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. – М.: Издательство Московского университета, 2017; Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2013. – № 5. – С. 3-24.

¹⁵⁴ Алексеева Т.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: Учеб. пособие для студентов вузов / Т.А. Алексеева, А.А. Казанцев. – М.: Аспект Пресс, 2012.

¹⁵⁵ Фененко А.В. Неореализм в политической теории // Современная политическая наука: Методология. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 61-83; Фененко А.В. Традиционные и новые факторы силы в международных отношениях // Современная наука о международных отношениях за рубежом. Хрестоматия в трех томах / Под общ. ред. И.С. Иванова. – Т. 2. – М.: НП РСМД, 2015. – С. 348-358; Фененко А.В. Новые политические пространства в структуре международных противоречий // Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке (под ред. Т.А. Шаплеиной, А.А. Байкова). – М.: Аспект-Пресс, 2013. – С. 389-413; Фененко А.В. Современная история международных отношений. 1991-2018. – М.: Аспект Пресс, 2019.

¹⁵⁶ Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2021. – № 1. – С. 100-132; Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – М.: Горячая линия – Телеком, 2020.

¹⁵⁷ Леонова О.Г. Кибервойна и противоборство в цифровом информационном пространстве // Информационное общество. – 2018. – № 2. – С. 43-46; Леонова О.Г. Политика мягкой силы. М.: МАКС Пресс, 2020.

¹⁵⁸ Кочетков В.В. Идентичность и культура в современных международных отношениях. (гриф УМО МГУ). – М.: Издательство МГУ им М.В. Ломоносова, 2015.; Кочетков В.В., Максимов И.В. Культурные войны в международных отношениях. – М.: Антарес, 2015.

¹⁵⁹ Савельев А. Теория и практика современной войны // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – № 6. – С. 122-128; Савельев А.Г. Актуальные проблемы теории и практики современной войны в работах академика А.А. Кокошина. – М.: Ленанд, 2020.

¹⁶⁰ Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – № 4. – С. 157-193.

¹⁶¹ Чумаков А.Н. Мягкая сила как способ решения проблем в глобальном мире // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. – 2014. – № 2(14). – С. 192-195; Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021.

¹⁶² Голубев Д. Наука и инновации в теориях международных отношений // Международные процессы. – 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 66-80.

интеграционных процессов стремлением стран к созданию временных альянсов в соответствии с текущими совпадающими между ними интересами¹⁶³.

Основным оппонентом реализма в объяснении природы и характеристик международных отношений стало направление либерализма, вобравшее в себя мировоззренческие представления Дж. Локка, Ш.Л. Монтескье, И. Канта, Дж. Милля, А. Смита, развитые в работах М. Дойла¹⁶⁴, М. Людвига¹⁶⁵, Д. Грея¹⁶⁶, М. Сандела¹⁶⁷, С. Уолина¹⁶⁸ и других авторов, разделяющих идеи о потенциальной достижимости устойчивого мира между либеральными государствами и о важности акторов помимо государств в мировой политике. Либерализм основывается на необходимости уважения прав и свобод личности, развития политических институтов, гарантирующих защиту демократических прав, при этом важную роль в поддержании мира и безопасности должны играть международные организации и сотрудничество¹⁶⁹.

Рассуждая об отличиях от реализма в книге «После гегемонии», теоретик неолиберализма Р. Кохэн признавал присутствие анархии в сфере международных отношений, однако считал возможным достижение порядка при присоединении государств к одному и тому же международному режиму, в котором важную роль будут играть политические институты, вырабатывающие правила и обязательства по участию, а также надзирающие за их исполнением¹⁷⁰. На современном этапе сторонники либерализма (неолиберализма) отмечают¹⁷¹ существенное значение научно-технологических процессов для глобальной

¹⁶³ Ефремова К.А. Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса // Сравнительная политика. – 2019. – Ч. 10. – № 2. – С. 5-19.

¹⁶⁴ Doyle M. Liberalism and World Politics // American Political Science Review. – 1986. – Vol. 80. – № 4. – P. 1151-1169.

¹⁶⁵ Людвиг М. Либерализм в классической традиции. – М.: Издательство «Экономика», 2001.

¹⁶⁶ Gray J. Liberalisms. Essays in Political Philosophy. – L.: Routledge, 1989.

¹⁶⁷ Liberalism and Its Critics / ed. by Michael Sandel. – N.Y.: New York University Press, 1984.

¹⁶⁸ Wolin S. Politics and Vision. Continuity and Innovation in Western Political Thought. Expanded edition. – Princeton: Princeton University Press, 2004.

¹⁶⁹ Хлопов О.А. Анализ энергетической безопасности с позиции либеральной парадигмы англо-саксонской школы теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2017. – № 6. – С. 27-42.

¹⁷⁰ Хаддад Х. Теория международных отношений и «Новый Ближний Восток» // Международная жизнь. 8.08.2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18105> (дата обращения: 09.07.2020).

¹⁷¹ Голубев Д. Наука и инновации в теориях международных отношений // Международные процессы. – 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 66-80.

трансформации международных отношений, благодаря которым становится возможным преодоление политических и национальных ограничений гражданами, самостоятельно устанавливающими связи по всему миру.

В региональном контексте сторонники либерализма рассматривают глобализацию в качестве важного стимула для развития региональных интеграционных процессов, поскольку её следствием является увеличение мобильности факторов производства через национальные границы и расширение экономических связей, которые значительно облегчают региональное сотрудничество¹⁷². Обратной стороной названного процесса выступает проецирование глобальных проблем на региональный уровень, для решения которых государствам приходится создавать специализированные региональные институты.

Либерализм и реализм – не единственные подходы, относимые к так называемым «классическим» парадигмам международных отношений, в их число нередко включаются также институционализм, конструктивизм и марксизм. Направление политического институционализма, сформированное работами В. Вильсона, Дж. Бьюкенена, Дж. Кэмпбэлла, Дж. Марча, Й. Олсена, Г. Питерса, Дж. Стиглица¹⁷³, опиралось на идеи реализма об анархичном устройстве мира со стремлением государств к выживанию, однако в ней допускается сотрудничество стран при определенных условиях для достижения выгоды¹⁷⁴. Название подхода указывает на особую значимость институтов как неких наборов правил и процедур принятия решений в международных отношениях, поскольку они помогают государствам преодолеть неопределенность, получать выгоду от сотрудничества, следят за выполнением ими взятых на себя обязательств. Теоретики институционализма рационального выбора (А. Хира, Р. Хира,

¹⁷² Ефремова К.А. Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса // Сравнительная политика. – 2019. – Ч. 10. – № 2. – С. 5-19.

¹⁷³ Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006.

¹⁷⁴ Slaughter A.M. International Relations, Principal Theories // The Trustees of Princeton University, 2018. URL: https://www.princeton.edu/~slaughtr/Articles/722_IntlRelPrincipalTheories_Slaughter_20110509zG.pdf (accessed: 11.07.2020).

К. Йонссон, Й. Таллбер и пр.¹⁷⁵) изучали способность институтов устанавливать правила политической игры в международных взаимодействиях, тогда как в рамках социологического институционализма предметом рассмотрения ученых П. Димаджио, У. Пауэлла, М. Горгес, Б. Петерс¹⁷⁶ становились как процессы институционализации и деинституционализации, так и принятие решений институтами в условиях изменений, ситуации в которых они действуют в рамках логики целесообразности. В либеральном институционализме предпринимаются попытки¹⁷⁷ совместить существующую государственную систему с мировой экономикой при обеспечении стабильности и предсказуемости в ней; его внимание сосредоточено на изучении¹⁷⁸ воздействия на поведение государств институциональных ограничений, в том числе со стороны международных организаций.

В региональном отношении современный институционализм особенно востребован для анализа международных отношений в регионах с высокой степенью интеграции (например, таких, как европейский регион, благодаря наличию в нем Европейского союза), при этом в рамках исторического институционализма оценивается влияние исторических процессов на становление и развитие политических институтов. В рамках институционализма рационального выбора исследуется принятие политических решений. В контексте социологического институционализма решается проблема согласованности внешнеполитических действий государств региона¹⁷⁹.

¹⁷⁵ Hira A., Hira R. The New Institutionalism: Contradictory Notions of Change // *American Journal of Economics and Sociology*. – 2000. – Vol. 59. – № 2. – P. 267-282; Jönsson C., Tallber J. *Institutional Theory in international relations*. – Manchester: Manchester University Press, 2008.

¹⁷⁶ DiMaggio P., Powell W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. – Chicago: University of Chicago Press, 1991; Gorges M. New Institutional Explanations for Institutional Change: A Note of Caution // *Politics*. – 2001. – Vol. 2. – № 21. – P. 137-145; Gorges M. The new institutionalism and the study of the European Union: The case of the social dialogue // *West European Politics*. – 2001. – Vol. 4. – № 24. – P. 152-168; Peters B.G. *Institutional theory in political science: the new institutionalism*. – L.: Continuum, 2012.

¹⁷⁷ Пинчук А.Ю. К множественности мирового порядка: теоретический аспект // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. – 2018. – Ч. 7. – № 1 (22). – С. 331-334.

¹⁷⁸ Алексеева Т.А. *Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): Политическая теория и международные отношения*. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2018.

¹⁷⁹ Nolin E. Institutional Change – in pursuit of coherence? The EU as an International Security Actor // Lund University, 2019. URL: http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=download_File&recordId=3798655&fileId=3798659 (accessed: 11.07.2020).

Следующее направление – политический конструктивизм – сформировалось в рамках постмодернистской теории в работах авторов:

Г. Абель, Д. Барклин, П. Вацлавик, А. Вендт, Э. Глазерфельд, П. Луманн, Н. Онуф, Д. Снайдер, А. Шмидт и мн. др.¹⁸⁰ как структурная теория международной системы¹⁸¹, основанная, по определению А. Вендта, на признании государств основными единицами анализа и конструировании государственной идентичности и интересов социальными структурами и идеями, которые формируют поведение государств¹⁸². Конструктивисты убеждены, подчёркивал Д. Снайдер, что общие идеи, ценности и убеждения системно функционируют со структурными характеристиками и оказывают значительное влияние на любую социальную и политическую реальность. социальные структуры определяют национальную и международную идентичность, а либерально-демократическая государственность рассматривается ими как единственно возможная для процветания международных норм демократии и свободной торговли¹⁸³.

Система международных отношений для конструктивистов – это многоуровневая социальная структура¹⁸⁴, при этом в ней – что важно для применения данного подхода к региональным отношениям – принцип государственного суверенитета можно ограничить, либо пренебречь им для построения эффективной наднациональной системы, подобной созданной Европейским союзом.¹⁸⁵ Конструктивизм широко применяется¹⁸⁶ к исследованию региональных интеграционных процессов с акцентом на важность коллективных убеждений, поведенческих практик и региональной идентичности, являющейся

¹⁸⁰ Токарева О.В. Конструктивизм в политических коммуникациях российских женщин-парламентариев // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2017. – Ч. 23. – № 11. – С. 70-76.

¹⁸¹ Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1. URL: <http://lawinfo.ru/catalog/6653/7136/1/7761> (дата обращения: 09.07.2020).

¹⁸² Хаддад Х. Теория международных отношений и «Новый Ближний Восток» // Международная жизнь. 8.08.2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18105> (дата обращения: 09.07.2020).

¹⁸³ Bayeh J.N., Baltos G.S. From a Culture of Borders to Borders of Cultures: Nationalism and the «Clash of Civilizations» in International Relations Theory // Journal of Educational and Social Research. – 2019. – Vol. 9. – № 1. P. 9-20.

¹⁸⁴ Павленко О.В. Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы // Вестник РГГУ. – 2015. – № 6 (149). – С. 53-67.

¹⁸⁵ Конышев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. – СПб.: Наука, 2004.

¹⁸⁶ Ефремова К.А. Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса // Сравнительная политика. – 2019. – Ч. 10. – № 2. – С. 5-19.

предпосылкой региональной интеграции и формирующейся при свободном обмене идеями, сплачивающими региональное сообщество.

Формирование и развитие пятой – марксистской парадигмы – осуществлялось в XIX-XXI вв. К. Марксом, Ф. Энгельсом, К. Каутским, Г. Плехановым, В.И. Лениным, И.В. Сталиным, позднее – неомарксистами Т. Адорно, А. Грамши, Г. Маркузе, Э. Фроммом, Ю. Хабермасом, М. Хоркхаймером, И. Валлерстайном, М. Рогальски и др.¹⁸⁷ с акцентом на признание существенной роли финансового капитала, действующего для получения спекулятивной прибыли. В современных международных отношениях, с позиции марксистских теоретиков¹⁸⁸, осуществляется неолиберальная глобализация под руководством США, так как именно глобальный и не разделённый на блоки рынок в наибольшей степени отвечает интересам международного капитала, при этом наблюдаются две основных тенденции: империалистическое стремление западных стран к захвату ресурсов и сопротивление им со стороны национальных государств, пытающихся избавиться от глобальной зависимости.

В условиях глобальной системы экономик, обществ и культур, как указывает неомарксист С. Амин, требуется реализация стратегии «антисистемного разрыва», подразумевающей разрушение сложившихся пяти монополий (на технологии, контролирование финансовых потоков, доступ к природным ресурсам, к средствам коммуникаций, к оружию массового уничтожения)¹⁸⁹. В региональном отношении в рамках марксистского подхода ожидается постепенное приспособление капитала к требованиям народных и демократических союзов в Латинской Америке, Африке, Европе, Юго-Восточной Азии и арабском мире, выработка такими интеграционными союзами программ

¹⁸⁷ Маркина Н.Л., Тви́рова Ю.А. Влияние марксизма на состояние политической теории в XX веке // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3-1. – С. 296-304.

¹⁸⁸ Karat P. Marxism in the 21st Century: Alternative to Neoliberal Capitalism and Imperialism // The Marxist, 2019. URL: <http://www.epim.org/content/marxism-21st-century-alternative-neoliberal-capitalism-and-imperialism> (accessed: 11.07.2020).

¹⁸⁹ Дробот Г.А. Марксизм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 6. – С. 61-83.

эффективной организации внутрирегиональной и межрегиональной взаимозависимости.

Пятью представленными направлениями – реализм, либерализм, институционализм, конструктивизм, марксизм – общий перечень современных парадигм анализа международных и региональных отношений не исчерпывается ни в отечественной, ни в зарубежной политической науке. В России комплексное представление о применимых для анализа международных отношений подходах дает коллективный труд «Современная политическая наука: методология»¹⁹⁰, в рамках которого выделяются направления, связанные с цивилизациями, институтами, структурами и факторами (цивилизационная парадигма, реализм, либерализм, институционализм, марксизм, позитивизм, коммуникативизм, конструктивизм, структурализм, системный и сетевой подходы); подходы, апеллирующие к культуре, ценностям, личности (антропологическая, политико-психологическая, культурологическая, элита-центричная, неогуманизм, альтернативизм, аспекты идентичности, гендерные, дискурс-анализ) и парадигмы анализа устройства мировой политики и мирового сообщества (цикличности, глобального миропорядка, регионализма, интеграционизма, секьюритизации).

Во многих западных общетеоретических работах по анализу международных отношений в качестве направления представлены взгляды Английской школы (серединной между либеральными и реалистическими теориями, указывающей на то, что государства, как писал Х. Булл¹⁹¹, образуют «анархическое общество», где однако существует тип порядка, основанный на общих нормах и поведении); критические подходы (выступающие против общепринятых положений в области международных отношений и требующие новых подходов для понимания современного мира¹⁹²), феминизм (как вышедшая из критического направления теория, разоблачающая неравенство, присущее международным отношениям, и изучающая последствия малого числа женщин на

¹⁹⁰ Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И. Современная политическая наука: методология, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект-Пресс, 2019.

¹⁹¹ Tayyar A. Theories of International Relations I-II. – Eskişehir: Anadolu University, 2018.

¹⁹² International Relations Theory / Ed. by McGlinchey S., Walters R. & Scheinplflug C. – Bristol: E-International Relations, 2017.

руководящих должностях для структуры глобальной политики¹⁹³), постструктурализм (анализирующий то, каким образом определенное понимание проблемы становится доминирующим, стремящийся выявить скрытые мотивы, на которых оно основано, а также найти другие возможные способы существования, мышления и действий в международной политике¹⁹⁴), психологическое направление (изучающее и психологические факторы влияния на внешнеполитический процесс, системы принципов политических лидеров, причины допускаемых ими ошибок¹⁹⁵, и роль эмоций в работе с общественным мнением в контексте нейробиологического и эволюционного подходов, а также массовое политическое поведение и поведение элит в широком смысле¹⁹⁶).

В XXI в. термин «парадигма» в контексте анализа международных и региональных отношений применяется учеными в самых разных изысканиях, чтобы подчеркнуть наличие некой разработанной теоретической основы. В качестве примеров можно привести такие встречающиеся в российской и зарубежной научной литературе сочетания, как «парадигма мироустройства», ее частные случаи – «глобалистская», «постмодернистская» и «геопространственная» парадигмы.

Понятие «парадигма мироустройства» исследователи Е.О. Кубякин и Э.Н. Тужба используют¹⁹⁷ для обозначения подходов к общей структуре международных отношений, включающих признание однополярности (при доминировании Запада во главе с США), биполярности (на современном этапе полюсами выступают в экономическом плане Север и Юг, в культурном – Запад и Восток), многополярности (с наличием разных центров силы) и глобальную модель с участием всех членов мирового сообщества в ее формировании. Понятие

¹⁹³ Zalewski M. Feminist Approaches to International Relations Theory in the Post-Cold War Period // *The Age of Perplexity: Rethinking the World We Knew*. 2018. URL: <https://www.bbvaopenmind.com/en/articles/feminist-approaches-to-international-relations-theory-in-the-post-cold-war-period/> (accessed: 07.07.2020).

¹⁹⁴ Тауяр А. *Theories of International Relations I-II*. – Eskişehir: Anadolu University, 2018.

¹⁹⁵ Пашковский П.И. О некоторых направлениях культурно-психологической методологии международно-политических исследований // *Мировая политика*. – 2017. – № 2. – С. 53-59.

¹⁹⁶ Kertzer J.D., Tingley D. *Political Psychology in International Relations: Beyond the Paradigms* // *Annual Review of Political Science*. – 2018. – Vol. 21. – P. 319-339.

¹⁹⁷ Кубякин Е.О., Тужба Э.Н. Теоретические подходы к анализу международных отношений // *Общество и право*. – 2014. – № 1 (47). – С. 256-263.

«глобалистская парадигма» объединяет результаты теоретических изысканий У. Бека, И. Валлерстайна, А. Гидденса, Р. Кокса, Р. Робертсона, Ч. Тайлора, А.Н. Чумакова и мн. др.¹⁹⁸ о глобализации как процессе, характеризующемся, как указывают С.В. Островский и Л.А. Лобова¹⁹⁹, усилением восприятия институтами государств императивов глобальных отношений, а также перераспределением части полномочий государств к международным учреждениям преимущественно в экономической сфере. Именно экономический аспект глобализации превалирует в современных западных исследованиях, рассматривающих ее, как отмечает О.Г. Леонова²⁰⁰, как объективное и контролируемое явление, при этом важную роль в глобальном управлении играют США²⁰¹.

Важную роль в глобализационных процессах играют демографические изменения в возрастных структурах мира в целом и отдельных стран и регионов, что подробно изучалось коллективом авторов в составе Ю.В. Зинькиной, В.Н. Архангельского, И.В. Ильина, А.И. Андреева, И.А. Алешковского, С.Г. Шульгина в монографии «Возрастные структуры населения и перспективы глобального развития»²⁰². В рамках глобалистского подхода значительное внимание уделяется глобальному развитию, идея которого пришла на смену устаревшей, как считает Р. Хорнер²⁰³, идее международного развития: в данном случае термин «глобальное развитие» указывает на теоретический сдвиг в географии исследований и выход за рамки классического международного развития Север-Юг, случившийся в результате размывания границ по линии Север-Юг, роста взаимозависимости глобализированного капитала, актуализации проблемы устойчивого развития в результате изменения климата.

¹⁹⁸ Коробейникова Л.А. Проблема глобализации: формирование мультидискурса // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 371. – С. 58-62.

¹⁹⁹ Островский С.В., Лобова Л.А. Глобализация в геосоциальном мышлении. Смена парадигм // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 2. – С. 185-188.

²⁰⁰ Леонова О.Г. Концептуализация понятия глобализация в современной науке // Век глобализации: исследование современных глобализационных процессов. – 2018. – № 1. – С. 15-24.

²⁰¹ Косолапов Н.А. Глобальное управление и новая роль США // Запад–Восток–Россия 2018. Ежегодник / Отв. ред. А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – С. 33-37.

²⁰² Зинькина Ю.В., Архангельский В.Н., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Шульгин С.Г. Возрастные структуры населения и перспективы глобального развития. – М.: УРСС Москва, 2020.

²⁰³ Homer R. Towards a new paradigm of global development? Beyond the limits of international development // Progress in Human Geography. – 2020. – Vol. 44. – № 3. – P. 415-436.

Постмодернистское направление, с точки зрения Ю.В. Ирхина²⁰⁴, сосредоточено на анализе трансформации социальных и политических институтов на современном этапе, изучении проектов глобализации вместо идеи взаимодействия классических государств и планетарного космополитизма вместо идеи наций. Она дополняется метамодернизмом с признанием расширяющейся виртуализации пространства социальных и политических взаимодействий, а также возрастающей роли государств, остающихся при этом национальными социумами со своей идентичностью. В постмодернизме глобальное политическое пространство рассматривается как одновременно неоднородное, плюралистичное и дискретное понятие, сочетающее в себе как возможности, так и ограничения²⁰⁵, при этом самое понятие «глобальное» содержит идею единства и общности²⁰⁶.

Геопространственная парадигма – наиболее близкое из рассматриваемых четырёх словосочетаний для региональных исследований ввиду базовой ориентации на территориальный аспект – вобрала в себя геоисторический, геополитический и геоэкономический подходы. Геоисторический подход, как указывают в своей статье²⁰⁷ А.В. Лубский и В.В. Ковалев, основывается на теориях Ф. Броделя, И. Валлерстайна, С. Хантингтона, В. Цымбурского и изучает взаимодействие географических образований между собой во времени (в его рамках развивается т.н. «цивилизационный реализм»²⁰⁸ с делением мира на цивилизационные блоки, состоящие из ядра и периферии); развитие и смену мировых порядков в исторической перспективе исследовал А.В. Фененко²⁰⁹. Геополитический подход в приложении к регионам приобретает вид

²⁰⁴ Ирхин Ю.В. Современные трансформации постмодернистских подходов к анализу общества и политики // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 1. – С. 69-80.

²⁰⁵ Лубский А.В., Ковалев В.В. Геопространственный подход и геоисторическая парадигма евразийских исследований // Философия права. – 2018. – № 1 (84). – С. 35-40.

²⁰⁶ Тормошева В.С. Глобальное политическое пространство в парадигме постмодернизма // Политическая наука. – 2019. – № 1. – С. 206-224.

²⁰⁷ Лубский А.В., Ковалев В.В. Геопространственный подход и геоисторическая парадигма евразийских исследований // Философия права. – 2018. – № 1 (84). – С. 35-40.

²⁰⁸ Межуев Б.В. «Цивилизационный реализм» как шанс на возвращение теории к реальной политике // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия: Реферативный журнал. – 2019. – № 4. – С. 6-27.

²⁰⁹ Фененко А.В. История международных отношений: 1648-1945. – М.: Аспект-Пресс, 2018.

геополитической регионалистики²¹⁰, изучающей системное влияние геополитических факторов на политический процесс регионального уровня в контексте наличия в нем многосторонних и многоуровневых связей и отношений.²¹¹ Геоэкономический подход изучает использование в рамках региональных процессов для достижения политических целей особых геоэкономических инструментов (торговая, инвестиционная, финансовая, энергетическая политика, оказание экономической помощи, применение санкций, геоэкономическая кибератака)²¹².

Наличие в политической науке широкого круга направлений как теоретических концепций, применимых для анализа международных отношений разного уровня и масштаба, закономерно объясняет интерес российских исследователей к мультипарадигмальности как объединяющему подходу. В частности, как отмечает П.А. Цыганков, «война парадигм» приводит к односторонним интерпретациям проблематики миропорядка и односторонним взглядам на него²¹³. С ним солидарна О.В. Попова²¹⁴, подчёркивающая эвристический потенциал многих направлений и подходов для политических исследований и теории международных отношений.

В зарубежной научной литературе также фиксируются разочарование в жёстких парадигмальных подходах как не охватывающих все разнообразие и неоднородность мировой политики²¹⁵, интерес к плюрализму подходов (как нормативной позиции, которая ценит их разнообразие и учитывает общественное призвание социальных наук²¹⁶), признание фрагментации классических «измов»

²¹⁰ Карякин В.В. Геополитическая регионалистика. – М.: Автономная некоммерческая организация социально-экономического и политического консалтинга «Центр этнических и международных исследований» (Подольск), 2018.

²¹¹ Аджиб Ш. Геополитическая модель влияния исламского фактора на политический процесс на Ближнем Востоке // *Власть*. – 2016. – № 11. – С. 209-212.

²¹² Шпондт Н.Ю. Геоэкономические инструменты международного влияния современных акторов: к вопросу о степени политической эффективности // *Наука без границ*. – 2020. – № 4 (44). – С. 11-17.

²¹³ Цыганков П.А. Относительность расхождений и пределы совмещения реализма и либерализма в трактовке вопросов миропорядка // *Политическая наука*, 2017. Спецвыпуск. – М.: ИНИОН РАН. – С. 234-244.

²¹⁴ Попова О.В. Системные основания политической науки // *Современная Европа*. – 2019. – № 3 (88). – С. 197-202.

²¹⁵ Katzenstein P. The Second Coming? Reflections on a Global Theory of International Relations // *The Chinese Journal of International Politics*. – 2018. – Vol. 11. – № 4. – P. 373-390.

²¹⁶ Levine D., McCourt D. Why Does Pluralism Matter When We Study Politics? A View from Contemporary International Relations // *Perspectives on Politics*. – 2018. – Vol. 16. – № 1. – P. 92-109.

вследствие попыток их сближения²¹⁷. Критикуя односторонние подходы, президент Международной ассоциации исследований Д. Лейк²¹⁸ в своей серии выступлений предложил в качестве альтернативы «измам» аналитический эклектизм, сосредоточенный на проблематике определения интересов политического субъекта, институтов, которые их объединяют, и взаимодействия между субъектами, когда они пытаются реализовать свои предпочтения²¹⁹. В этом контексте закономерным выглядит интерес исследователей к разнообразным способам анализа международных отношений, когда термин «парадигма» применяется не к реализму или конструктивизму, а к методологическим подходам. В качестве примера можно привести работу Б. Мартилла²²⁰, подробно описавшего пять направлений анализа международных отношений: аналитическую парадигму (характеризуется опорой на концепцию причинно-следственной связи), историческую парадигму (её сторонникам свойственно стремление выводить обобщающие утверждения, а не создавать или интерпретировать эмпирические данные), философскую парадигму (в ней подчёркивается случайность международной теории, а реализм, либерализм и подобные им концепции понимаются как совокупности политических предположений), критическую парадигму (её теоретики рассматривают все как временно обусловленные явления, возникающие из определённых исторических обстоятельств и событий), рефлексивистскую парадигму (её теоретики предпочитают деконструировать созданные ранее теоретические предположения, подчёркивая их условный характер).

В качестве особого подхода в практическом смысле при анализе международных и региональных отношений иногда указывают внешнеполитический анализ (FPA) – субдисциплину международных

²¹⁷ Kristensen P.M. International Relations at the End: A Sociological Autopsy // *International Studies Quarterly*. – 2018. – Vol. 62. – № 2. – P. 245-259.

²¹⁸ Rathbun B.C. Subvert the dominant paradigm: A critical analysis of rationalism's status as a paradigm of International relations // *International Relations*. – 2017. – Vol. 31. – № 4. – P. 1-24.

²¹⁹ *International Relations Theory and Regional Transformation* / Ed. by T. V. Paul. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

²²⁰ Martill B. International ideologies: paradigms of ideological analysis and world Politics // *Journal of Political Ideologies*. – 2017. – Vol. 22. – № 3. – P. 236-255.

исследований²²¹. Внешнеполитический анализ фокусируется²²² на изучении действий людей, принимающих политические решения, а также на факторах, влияющих на разработку внешней политики. В нем, в частности, есть классификация трех форм внешней политики по Д. Розенау²²³ (внешняя политика как целеполагание, как планирование и заключение обязательств, как поведение, при этом в третьем случае имеется в виду поведение государств по отношению друг к другу с учетом их планов, целей и обязательств²²⁴), а также присутствует важная дискуссия по поводу того, внешние или внутренние факторы играют более значимую роль при выработке внешнеполитического курса²²⁵, комплекс теорий принятия решений, которые варьируются от простой рациональной модели (в ней лица, принимающие решения, выбирают внешнюю политику, которая максимизирует выгоды с минимальными затратами) до когнитивных теорий индивидуального восприятия и неправильного восприятия и принятия решений в малых группах²²⁶.

Д. Розенау также занимался разработкой и описанием возможностей и границ применения сравнительного подхода во внешнеполитическом анализе. Его статью 1968 года «Сравнительная внешняя политика: причуда, фантазия или поле исследования?»²²⁷ называют «пре-теорией» сравнительного анализа, поскольку в ней Д. Розенау обосновал необходимость сравнивать национальные политические системы между собой, чтобы выявлять общие закономерности в их развитии, объяснять и прогнозировать их устойчивость либо неустойчивость, описывать механизмы адаптации таких систем к внешней среде. Важность сравнительных исследований отмечали в своих работах и Д. Сэмюэлс и уже упомянутый

²²¹ Заславская Н.Г. Государства выбирают стратегию поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 322-329.

²²² Dorani S. The Foreign Policy Decision Making Approaches and Their Applications // The Centre for Strategic Research and Analysis (CESRAN). 2019. URL: <https://cesran.org/the-foreign-policy-decision-making-approaches-and-their-applications.html> (accessed: 07.07.2020).

²²³ Rosenau J., Thompson K. World Politics: An Introduction. – N.Y.: Free Press, 1976.

²²⁴ Dugis V. Analysing Foreign Policy // Masyarakat, Kebudayaan, Politik. – 2017. – № 20. – P. 41-52.

²²⁵ Bojang AS. The Study of Foreign Policy in International Relations // Journal of Political Sciences & Public Affairs. – 2018. – Vol. 6. – № 4. – P. 1-9.

²²⁶ Beach D. Analyzing Foreign Policy. – Berlin: Springer, 2012.

²²⁷ Rosenau J.N. Comparative Foreign Policy: Fad, Fantasy, or Field? // International Studies Quarterly. – 1968. – Vol. 12. – № 3. – P. 296-329.

Р. Снайдер²²⁸, в том числе применительно к анализу внешнеполитических процессов, режимов и институтов в разных странах и регионах мира и к сравнению этих регионов между собой.

Следует отметить, что внешняя политика современных государств и формирующиеся региональные и международные отношения могут анализироваться в рамках ещё трёх подходов – системного, синергетического и сетевого. Так, системный подход подразумевает²²⁹, что характеристики социально-экономической и политико-географической среды, в которой действуют государства, определяют модель взаимодействия между ними; он также позволяет выделять региональные подсистемы в качестве самостоятельных объектов исследования²³⁰. Синергетический подход сосредоточен на нелинейности развития международных отношений и сложностях принятия внешнеполитических решений в точках бифуркации²³¹, неизбежных ввиду неравновесного состояния сложной политической системы²³². Сетевой подход сосредотачивает внимание на социальных фактах и мозаичной картине международных отношений²³³, позволяет анализировать связи между государствами и влияние связей на региональные политические процессы²³⁴, а также представлять региональные матрицы взаимодействий в виде сетей из акторов с проведением последующего математического анализа²³⁵.

²²⁸ Samuels D., Snyder R. The Value of a Vote: Malapportionment in Comparative Perspective // *British Journal of Political Science*. – 2001. – Vol. 31. – № 4. – P. 651-671.

²²⁹ Гукасов А.В. Системный и подсистемный уровни анализа внешней политики современных государств // *Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований*. – 2014. – № 12. – С. 83-88.

²³⁰ Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнительная политика*. – 2012. – № 2 (8). – С. 30-58.

²³¹ Комилова Х.Г. Теоретические основы и подходы к определению внешнеполитических интересов в международных отношениях Центральной Азии // *Вестник Томского государственного университета*. – 2016. – № 410. – С. 77-83.

²³² Суслов Е.В. Синергетическая парадигма в исследовании современных политических процессов // *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*. – 2016. – № 4 (8). – С. 86-94.

²³³ Цыганков П.А. Социологические термины и подходы в анализе международных отношений // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. – 2016. – № 4. – С. 28-37.

²³⁴ Гавриленкова И.Е. Государства в сетях: сетевой подход в международных исследованиях // *Политическая наука*. – 2019. – № 3. – С. 264-278.

²³⁵ Дегтерев Д.А. Сетевой анализ международных отношений // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*. – 2015. – № 4. – С. 119-138.

Все перечисленные выше подходы к анализу международных отношений широко применяются в современных региональных исследованиях, как правило – практически ориентированных и потому востребованных²³⁶. В рамках политической регионалистики²³⁷, изучающей²³⁸ особенности регионов, представляющих собой пространственно-организованные либо исторически сложившиеся сообщества, развиваются: а) концепция региональных комплексов безопасности с учетом «секьюритизации», в рамках которой регион признается главным уровнем развития отношений в сфере безопасности благодаря географической близости стран²³⁹; б) исследования регионализма как совокупности политических и экономических мер и как инструмента решения широкого круга проблем, не решаемых на мировом уровне²⁴⁰; в) анализ асимметричной взаимозависимости между региональными и внерегиональными субъектами, влияющей на вероятность и прогресс институционализированного регионального сотрудничества²⁴¹; г) оценка двух основных тенденций глобализации – консолидации и дезинтеграции – в региональном измерении²⁴².

При применении к Ближнему Востоку современные отечественные и зарубежные исследования регионального характера явно тяготеют к направлению реализма как чрезвычайно востребованной теории в науке²⁴³ и как ведущей теоретической школе в изучении проблем международной безопасности²⁴⁴, поскольку высокий конфликтный потенциал остаётся одной из базовых

²³⁶ Лебедева М.М., Харкевич М.В. Теория международных отношений в зеркале современных российских исследований // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 5 (50). – С. 7-19.

²³⁷ Багаева А.В. Региональное видение интеграционных процессов социологией международных отношений // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2018. – № 1-2. – С. 31-35.

²³⁸ Лебедева М.Л. Теоретические основы регионального политического процесса // Социально-политические науки. – 2016. – № 2. – С. 71-74.

²³⁹ Кузнецов Д.А. Возможности формирования комплексного подхода к исследованиям региональной интеграции и трансрегионализма // Мировая политика. – 2019. – № 1. – С. 1-13.

²⁴⁰ Barbieri G. Regionalism, globalism and complexity: a stimulus towards global IR? // Third World Thematics: A TWQ Journal. – 2019. – Vol. 4. – № 6. – P. 424-441.

²⁴¹ Muntshick J. Theorising Regionalism and External Influence: A Situation structural Approach // Mainz Papers on International and European Politics. – 2012. – № 2. – P. 1-29.

²⁴² Baysoy E. New-Regionalism: The Slipknot of the Two Rival Trends? // Athens Journal of Mediterranean Studies. – 2020. – Vol. 6. – № 1. – P. 11-20.

²⁴³ Дробот Г.А. Реализм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 4. – С. 182-203.

²⁴⁴ Хлопов О.А. Система международной безопасности XXI в.: поиск приемлемой теоретической модели // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2019. – № 1. – С. 45-57.

характеристик данного региона. Так, в качестве основных тенденций зарубежных региональных исследований Ближнего Востока можно выделить следующие:

а) редкое использование Ближнего Востока в региональных сравнительных исследованиях ввиду его восприятия «слишком исключительным», тогда как для него характерны те же процессы, что и в других частях мира²⁴⁵;

б) констатацию недостаточного внимания ученых к социологии и социальным данным при объяснении политических процессов, что стало особенно заметно после событий «арабской весны»²⁴⁶;

в) повышенное внимание к проблемам безопасности Ближнего Востока, влиянию дилеммы безопасности на региональные отношения и консолидацию государств, а также на лидерство и временные альянсы²⁴⁷;

г) особый интерес к религиозному фактору и суннитско-шиитской напряжённости, влияющей на стабильность в регионе²⁴⁸.

В российских исследованиях акцент на проблемах безопасности региона также широко распространён: учёные обсуждают перспективы стабилизации и дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке во время конференций²⁴⁹, применяют положения неоклассического реализма к анализу столкновения интересов основных акторов в регионе²⁵⁰, дают оценку роли США²⁵¹ и других внешних акторов²⁵² в текущем положении дел на Ближнем Востоке, изучают проблемы развития политических систем арабских

²⁴⁵ Darwich M. The Challenge of Bridging IR and Area Studies in Middle East International Relations Teaching // The LSE Middle East Centre. 2015. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2015/08/18/the-challenge-of-bridging-ir-and-area-studies-in-middle-east-international-relations-teaching/> (accessed: 07.07.2020).

²⁴⁶ International Relations Theory and a Changing Middle East // POMEPS STUDIES. 2015. № 16. URL: http://pomeps.org/wp-content/uploads/2015/09/POMEPS_Studies_16_IR_Web1.pdf (accessed: 07.07.2020).

²⁴⁷ Hinnebusch R. The international politics of the Middle East. – Manchester: Manchester University Press, 2018.

²⁴⁸ Cordesman A.H. Tracking the Trends and Numbers: Islam, Terrorism, Stability, and Conflict in the Middle East // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2017. URL: <https://www.csis.org/analysis/tracking-trends-and-numbers-islam-terrorism-stability-and-conflict-middle-east> (accessed: 15.07.2020).

²⁴⁹ Перспективы стабилизации/дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африке: сборник статей конференции. – М. Институт Африки РАН, 2019.

²⁵⁰ Лебедев С. Холодная война на Ближнем Востоке: взгляд неоклассического реалиста // Российский совет по международным делам. 16.09.2019. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/slebedev/34834/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 06.07.2020).

²⁵¹ Хаммад А.А.К. Современные вызовы безопасности Ближневосточного региона // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 1. – С. 262-267.

²⁵² Ганиев Т.А., Карякин В.В. Большой Ближний Восток: геополитическая регионалистика конфликтогенного центра мировой цивилизации // Архонт. – 2018. – № 4 (7). – С. 15-28.

государств²⁵³, их сходства и различия²⁵⁴, а также тенденции к радикализации в регионе²⁵⁵, и анализируют геополитическую напряженность вокруг отдельных стран, таких как Иран, в локальном, региональном и глобальном контекстах²⁵⁶.

Помимо этого, в российском научном сообществе проводятся глубокие исследования роли ислама и исламского фундаментализма в региональных политических процессах на Ближнем Востоке²⁵⁷, во внешней политике таких государств, как Иран²⁵⁸; выпускаются коллективные монографии²⁵⁹ о взаимодействии и соперничестве региональных акторов в условиях реконфигурации ближневосточного кризиса последних лет как последствиях прошедшей «арабской весны», изучается применимость императивов неомодерна к региону Ближнего Востока²⁶⁰.

Следует отметить, что, несмотря на то, что страны Персидского залива как регион (субрегион) являются частью более масштабного региона Ближний Восток, в научных исследованиях их отношений широко применяется не только реализм, но также конструктивизм и институционализм, что связано с быстрым ростом их экономики, важностью торговых связей в региональном и глобальном масштабе, а также участием государств в институциональной структуре Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ, иногда – ССАГЗ)²⁶¹. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что ключевые

²⁵³ Кузнецов В.А. Парадоксы развития арабских политических систем // Вестник МГИМО Университета. – 2018. – № 5 (62). – С. 23-48.

²⁵⁴ Шкварун М.А. Политические проблемы стран Ближневосточного региона в XXI веке // Социально-политические науки. – 2018. – № 4. – С. 33-41; Левин А.В. Влияние глобализации на выбор стратегии национальной экономики ближневосточных стран // *Juvenis scientia*. – 2017. – № 9. – С. 23-25.

²⁵⁵ Востриков С.В. Ближневосточные трансформации в контексте глобализации (опыт системно-интегративного анализа) // Проблемы безопасности российского общества. – 2016. – № 1. – С. 68-106.

²⁵⁶ Манойло А.В., Стригунов К.С. Геополитическая напряженность вокруг Ирана в локальном, региональном и глобальном контекстах // Электронный научно-образовательный журнал История. № 11 (85). 2019. URL: <https://gaugn.ru/ru-ru/media/iran-2020-what-next> (дата обращения: 12.07.2020).

²⁵⁷ Почта Ю.М. Мусульманское общество между фундаментализмом и либерализмом: проблема гражданского общества // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2017. – Т. 19. – № 1. – С. 15-24.

²⁵⁸ Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. – М.: Аспект Пресс, 2018.

²⁵⁹ Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта / Отв. ред. А. М. Васильев, Л. М. Исаев, А. В. Коротаев. – М.: Ленанд, 2019.

²⁶⁰ Кузнецов В. Императивы неомодерна для ближневосточного космоса // Российский совет по международным делам. 17.05.2016. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/imperativy-neomoderna-dlya-blizhnevostochnogo-kosmosa/?sphrase_id=44317304 (дата обращения: 06.07.2020).

²⁶¹ Гукасян Г.Л. Проблемы экономических реформ в странах ССАГПЗ в условиях колебаний цен на нефть (2015-2018 гг.) // Нестабильность геостратегического пространства в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока: актуальные проблемы. Ежегодник 2019. – М.: ИВ РАН, 2019. – С. 140-151; Шкваря Л.В. Преобразования в

государственные и общественные институты в этих странах де-юре совпадают с европейскими (или скорее с британскими и американскими), однако де-факто важнейшую роль играют не министерства, парламенты или социальные организации, а родоплеменные отношения, религиозные объединения. То есть, в любой структуре, решении или назначении нужно в первую очередь проследить баланс племенных и клановых интересов, что последовательно было сделано в данном исследовании.

В целом, подводя итог данного параграфа, можно сделать вывод о применимости в анализе современных региональных и международных отношений широкого круга классических и неоклассических подходов, а также мультипарадигмального (плюралистического, эклектичного) подхода, позволяющего использовать теоретические положения разных школ международных отношений. Тем не менее, проведенный анализ показал, что на данный момент доминирующей подходом к исследованию региональных отношений на Ближнем Востоке остаётся реализм. Это можно обуславливать крайне высоким уровнем нестабильности и конфликтного потенциала региона. При этом в исследованиях субрегиона стран Персидского залива, в дополнение к реализму, также востребованы конструктивизм и институционализм – прежде всего, ввиду особой важности экономических аспектов и значимости институциональной структуры ССАГПЗ.

Кроме того, следует добавить, что регион невозможно рассматривать без постоянного внимания на глобальные процессы, взаимодействие ключевых государств мира (США, Великобритании, ЕС, Китая и России), которые проецируют аспекты своей борьбы именно на этот регион в силу его экономической, транспортной и религиозной значимости. Ближний Восток и Персидский залив – это не окраина «мир-системы», до которой доходят лишь слабые толчки от эпицентра противостояния за мировое господство (что,

например, верно для региона Латинской Америки), а один из её ключевых центров.

1.2. Проблемы изучения политической роли Катара на Ближнем Востоке в российской и зарубежной науке

Современное региональное положение Катара, его внешняя политика и взаимодействие с государствами ССАГПЗ, а также всего Ближнего Востока, в особенности после событий «арабской весны»²⁶², выступают предметом интереса многих отечественных и зарубежных учёных, рассматривающих в своих работах широкий круг проблемных направлений. Тем не менее, в существующей научной литературе последних лет представляется возможным выделить семь основных проблемно-тематических направлений, в рамках которых исследуются особенности и роль Катара в регионе. К ним относятся: проблема соответствия политики Катара общей теории поведения малых государств, проблема влияния Катара на суннитско-шиитские отношения и деятельность ассоциации «Братьев-мусульман» (террористическая организация, запрещённая на территории РФ), проблемы сотрудничества и соперничества государств ССАГПЗ с фокусом на кризисных периодах, проблема влияния внешних акторов на регион (в основном, США), проблема нестабильности энергетических рынков, проблема обеспечения продовольственной безопасности и – с 2020 г. – проблемы, связанные с влиянием на региональные процессы пандемии коронавируса. Остановимся на каждой из них подробнее.

В первую очередь, к оценке регионального положения Катара широко применяется теория поведения малых государств ввиду небольшого размера этой

²⁶² Следует заметить, что закат традиционных лидеров региона начался ещё до «арабской весны». К концу 20 века Ливан превратился в государство четвертого мира с перманентной гражданской войной. В 2003 году пал саддамовский Ирак. В результате же событий 2011 года «Альфа и Омега» арабского мира 20 века – Сирия и Египет, которые одно время даже были единым государством, стали второстепенными игроками. Это свидетельствует, в первую очередь, об успехах неокolonизации данного региона, так как влиять на Саудовскую Аравию и Катар в качестве новых региональных лидеров гораздо проще, чем на 100-миллионный Египет.

страны. Данная теория, как отмечает А.М. Гэлал²⁶³, учитывает положение реализма о том, что ведущую роль в международных отношениях играют великие державы, в то время как малые государства не имеют элементов материальной власти, что делает их неактивными в международной системе. Согласно неореалистической и неолиберальной²⁶⁴ литературе, малым государствам предписывается демонстрировать низкий уровень участия в мировых делах, ограничивать внешнеполитическое поведение своим непосредственным географическим ареалом, использовать дипломатические и экономические инструменты внешней политики вместо военных инструментов и стремиться сотрудничать и избегать кризисных ситуаций с другими странами. Это особенно актуально, так как на данный момент дипломатия обретает новые качества и уже не рассматривается исключительно в классическом ключе сугубо как набор приемов и методов, которые то или иное государство может использовать для того, чтобы найти себе достойное место в мире, а также наладить сотрудничество с членами международного сообщества, получая для себя пользу от сотрудничества, а затем передать полученный опыт и знания другим государствам²⁶⁵. В литературе было много попыток дать определение понятию «дипломатия». Если рассматривать дипломатию как тактику, которую для себя определило государство в борьбе, сотрудничестве и возможности конкурировать на международной арене, то в таком случае ее внешнеполитическую деятельность можно назвать стратегией²⁶⁶.

Необходимо отметить, что проблемы международных отношений и внешней политики всегда находятся в центре широкого общественного внимания политиков, аналитиков, являются фактической составляющей журналистских материалов. Следовательно, возникла основа, которая привела к несколько упрощенному взгляду на международные отношения как совокупности событий.

²⁶³ Galal A.M. External behavior of small states in light of theories of international relations // Review of Economics and Political Science. – 2020. – Vol. 5. – № 1. – P. 38-56.

²⁶⁴ Habraken K. The case of Qatar: understanding the Emirate's exceptional foreign policy // Leiden University Libraries. 2017. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/53181> (accessed: 27.07.2020).

²⁶⁵ Райнхардт Р.О. Новые формы и методы дипломатии. // Международная аналитика. – 2020. – № 11 (4). – С. 11-20.

²⁶⁶ Kissinger H. Diplomacy. – N.Y.: Simon & Schuster, 1995.

Основное внимание уделяется результатам внешнеполитической деятельности, а не самим аспектам внешней политики. В этом ключе дипломатия, прежде всего, как конкретный инструмент такой политики, направленный на достижение поставленных государством целей, часто не принимается во внимание, и становится понятием гораздо более узким, чем «внешняя политика».

Во-вторых, дипломатия – это способ воплощения внешней политики. Э. Сатоу отметил, что дипломатия означает «применение интеллигентности и тактичности для поддержания официальных отношений между государствами»²⁶⁷. Дипломатические аргументы, использованные и подобранные удачно в нужное время могут принести куда лучшие результаты, чем угрозы или применение силы, а дипломатия «является наилучшим изобретением цивилизации, что дает возможность международным отношениям избегать единственно возможного силового варианта разрешения конфликтов»²⁶⁸.

В-третьих, во многих подходах к изучению дипломатии акцент делается на договорном (посредническом) формате и том, что «дипломатия» является процессом или искусством поддержки международных отношений путем деловых переговоров или других средств мирного характера. В частности, К. Хамилтон и Р. Лангорне трактуют дипломатию как «мирную поддержку отношений на государственном уровне, посредством политических сообществ, их аккредитованных представителей»²⁶⁹. Португальский дипломат Х.К. де Магальхес предложил более «чистое», по его мнению, определение дипломатии как «инструментария внешней политики, имеющей целью установить и развивать мирные конфликты между правительствами государств с помощью взаимно признаваемых посредников всеми сторонами»²⁷⁰.

Вместе с тем, в настоящее время наблюдается рост многообразия и разновидностей дипломатии (цифровая, публичная, спортивная, челночная и пр.). Чтобы соответствовать современным реалиям, многогранность дипломатии

²⁶⁷ Satow E. *Satow's Guide to Diplomatic Practice*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

²⁶⁸ Ibid.

²⁶⁹ Hamilton K., Langhorne R. *The Practice of Diplomacy. Its Evolution, Theory and Administration*. – L.: Routledge, 2010.

²⁷⁰ Magalhaes J.C. *The Pure Concept of Diplomacy*. – Westport: Praeger, 1988.

становится все более популярным направлением договорных возможностей, способом разрешения конфликтов на международной арене, а именно – в использовании симбиоза сотрудничества государственных и негосударственных представителей. Возникает некоторая «инфляция» данного, изначально столь узкого, термина и дипломатия обретает роль своеобразной приставки к тем обширным направлениям деятельности, где фактически или потенциально используется международное сотрудничество²⁷¹.

В конструктивистской парадигме поведение малых государств определяется не только структурами международной системы, но и соответствующими идентичностями малых государств, а также нормами, идеями и ценностями, которых они придерживаются; с неоинституциональной точки зрения, внешняя политика малых государств должна рассматриваться как функция внутренней институциональной структуры, поскольку на неё непосредственно влияют их внутренние институты²⁷².

Вместе с тем, как справедливо указывает в своей статье исследователь А.С. Скриба²⁷³, стратегиями балансирования и примыкания поведение современных малых государств не ограничивается, их роль в международных процессах усиливается за счёт общего снижения конфронтационности внешней среды. В контексте теории малых государств Катар нередко рассматривается исследователями как аномалия, пример отклоняющегося поведения, изучая которое, они решают проблему соответствия общей теории конкретному случаю. Так, по мнению учёного Б. Мохаммадзаде²⁷⁴, случай Катара свидетельствует о растущем значении малых государств в формировании международных моделей изменений, поскольку в нестабильном региональном контексте Катар выдвинул активную международную повестку дня, определяемую

²⁷¹ Райнхардт, Р.О. Настольная книга исследователя дипломатии // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2017. – Т. 61. – № 4. – С.119-122.

²⁷² Nabraken K. The case of Qatar: understanding the Emirate's exceptional foreign policy // *Leiden University Libraries*. 2017. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/53181> (accessed: 27.07.2020).

²⁷³ Скриба А.С. Реализм и политика малых государств в XXI в. // *Политика и общество*. – 2014. – № 3 (111). – С. 347-357.

²⁷⁴ Mohammadzadeh B. Status and Foreign Policy Change in Small States: Qatar's Emergence in Perspective // *The International Spectator*. – 2017. – Vol. 52. – № 2. – P. 19-36.

высокопрофессиональными посредническими инициативами и агрессивным государственным брэндингом (позиционированием). Широкое участие Катара в международных форумах, на которых он ранее полностью отсутствовал, свидетельствует о том, что малые государства могут упрочить своё положение благодаря членству в международных организациях и активному манипулированию своими культурными и идеологическими ресурсами (например, как в случае Катара, благодаря влиянию на исламскую умму через «Братьев-мусульман).

С точки зрения исследователя Б. Сэйди²⁷⁵, Катар следует воспринимать как небольшое государство, которое смогло преодолеть свой малый вес благодаря согласованным с основными глобальными акторами интересам и некоторой свободе действий в геополитической среде, где доминируют региональные и глобальные участники. В этом отношении Катар не нарушает традиции малого государства, когда речь заходит о разработке оборонной политики, она основана у него на самообороне и стратегии укрытия, но не на нейтралитете, так как в контексте ближневосточных противостояний невозможно оставаться нейтральным, это не даст гарантий защиты от вторжения других государств на собственную территорию. Исследователи Р. Миллер и Х. Верховен²⁷⁶, напротив, считают, что агрессивные действия Катара, стремящегося максимизировать свою автономию и изменить среду, подрывают существующие региональные иерархии, что соответствует его видению преодоления малости в контексте идеологической и властной многополярности на Ближнем Востоке, но противоречит общепринятым положениям о малых государствах как о слабых субъектах, действующих на периферии международных отношений.

²⁷⁵ Saidy B. Qatar's Defense Policy: Smart Choices of a Small State // Institute of International Affairs and the Centre for Small State Studies. Policy brief № 24. June 26, 2018. URL: <http://ams.hi.is/wp-content/uploads/2018/06/Quatar's-Defense-Policy-a-Different-Tradition-of-a-Small-State.pdf> (accessed: 12.07.2020).

²⁷⁶ Miller R., Verhoeven H. Overcoming smallness: Qatar, the United Arab Emirates and strategic realignment in the Gulf // *International Politics*. – 2020. – Vol. 57. – P. 1-20.

Б. Каусслер²⁷⁷ отмечает, что на внешнюю политику Катара влияют как системные региональные факторы, так и интересы и идеологические установки её политической элиты (например, о неправомерности единоличного контроля над Меккой и Мединой со стороны династии Аль Сауд), при этом последние исследования элитарных идей и предпочтений относительно их влияния на внешнюю политику в малых государствах указывают на желание элиты Катара играть ведущую роль на Ближнем Востоке и за его пределами. Развивая тесные отношения с европейскими и азиатскими центрами силы, Катар стремится сбалансировать свою внешнеполитическую линию²⁷⁸, он уже стал лидером среди арабских и азиатских стран по уровню ВВП на душу населения. При этом сам выбор в пользу достижения независимости был сделан Катаром под влиянием неспособности Саудовской Аравии защитить Кувейт от иракского вторжения в 1991 года²⁷⁹.

Вместе с тем, следует отметить, что ролевой моделью для Катара как малого государства продолжает оставаться Великобритания или, более верно, Британская Империя, которая, с одной стороны, на пике своего могущества контролировала более 22% суши (метрополия при этом была небольшим островным, изначально пиратским, как и Катар, государством), а, с другой стороны, именно Великобритания долгое время владела Катаром, британские чиновники создали основные государственные институты Эмирата, а почти все правители из династии Аль-Тани учились в Англии. Именно поэтому у катарцев нет психологических барьеров относительно возможной границы расширения своего влияния на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Кроме того, самым успешным и влиятельным из малых государств продолжает оставаться Ватикан, который смог сохранить свою независимость в череде глобальных конфликтов, начиная с наполеоновских войн и заканчивая

²⁷⁷Kaussler B. Tracing Qatar's Foreign Policy Trajectory and its Impact on Regional Security // Arab Center for Research & Policy Studies. September 2015. URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep12689> (accessed: 12.07.2020).

²⁷⁸ Касаев Э. Катар – активный спонсор «Арабской весны»: предпосылки, последствия и Российский фактор // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 3 (273). – С. 123-134.

²⁷⁹ Фролов А. Арабский пасьянс // Международная жизнь. 2017. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1901> (дата обращения: 06.07.2020).

двумя мировыми. Основа его могущества – это руководство католической церковью. Власти Катара прекрасно понимают колоссальный бонус, который даёт господство над определённым течением в исламе, поэтому уже много десятилетий уделяют данному аспекту приоритетное внимание, из чего вытекает следующее направление исследований.

Следующее проблемно-тематическое направление исследований роли Катара в регионе подразумевает оценку его положения через призму региональных конфессиональных противоречий. Так, в диссертации Д.А. Демченко «Религиозный фактор во внешней политике стран Персидского залива»²⁸⁰ подробно исследуется суннитско-шиитское противостояние между Саудовской Аравией и Ираном, стремящимися обособить собственные религиозные идентичности. В этих условиях Катар пытается ослабить влияние Саудовской Аравии на себя и другие страны региона, используя стратегию сужения религиозной идентичности и противопоставляя свой «салафизм моря» саудовскому «салафизму пустыни». Диссертация И.Р. Хайруллина «Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе»²⁸¹ изучает проблему кризиса идей арабского национализма, который привёл к усилению роли исламизма как инструмента борьбы за региональное лидерство, используемого Саудовской Аравией, Турцией, Ираном и Катаром. В ней же констатируется успех катарско-турецкого альянса во время «арабской весны», сумевшего через поддержку «Братьев-мусульман» усилить свои позиции в Египте, Сирии, Ливии и Тунисе, повлиять на события в Марокко, Иордании и Йемене²⁸².

Суннитско-шиитские противоречия как контекст влияния на региональную политику Катара анализировались Ю.Н. Зининым²⁸³, отмечавшим усиление внутрисуннитских противоречий в виде раскола между высшими духовными

²⁸⁰ Демченко Д.А. Религиозный фактор во внешней политике стран Персидского залива: дисс... канд. полит. наук: 23.00.04. – Пенза, 2020.

²⁸¹ Хайруллин Т.Р. Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе: дисс... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2018.

²⁸² Там же.

²⁸³ Зинин Ю.Н. Суннитско-шиитская эскалация как фактор нарастания террористической угрозы // Международная аналитика. – 2017. – № 4. – С. 53-61.

институтами Саудовской Аравии и Катара. Н.У. Ханалиев²⁸⁴, изучавший процесс фрагментации арабского мира, указывал на особое значение религиозного фактора в них и сохраняющееся влияние масштабного суннитско-шиитского противостояния, начавшегося с Исламской революции в Иране 1979 году, на положение дел в регионе и на катарско-саудовские противоречия. Развивая идеи, высказанные Р. Швеллером в труде «Восходящие державы и ревизионизм в условиях зарождения новых мировых порядков»²⁸⁵, О.Н. Барабанов²⁸⁶ рассуждал о политике Катара с учётом теории «ревизионистских держав», указывая на его готовность бросить политический и идеологический вызовы сложившемуся статус-кво, что имеет догматическое измерение и связано с пересмотром роли политического ислама в суннитской умме в XXI веке.

Третий из рассматриваемых проблемно-тематических контекстов – контекст сотрудничества и соперничества государств ССАГПЗ – подразумевает оценку исследователями регионального положения Катара через анализ его положения в организации Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, учёт роли этой организации в региональных кризисах. В частности, на сотрудничестве стран ССАГПЗ сосредоточилась в цикле статей исследователь Е.С. Мелкумян, отмечая²⁸⁷ их готовность во время и после «арабской весны» координировать свои действия ради сохранения своего положения ведущего регионального актора, сдерживания региональных амбиций Ирана и поддержания единства мусульманского сообщества; для стабилизации ситуации в ближневосточном регионе²⁸⁸. В статье²⁸⁹ об истории, достижениях и перспективах ССАГПЗ Е.С.

²⁸⁴ Ханалиев Н.У. Современные вызовы и конфликты на Ближнем Востоке: процесс фрагментации арабского мира // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 2. – С. 86-99.

²⁸⁵ Швеллер Р. Восходящие державы и ревизионизм в условиях зарождения новых мировых порядков // Портал Международного дискуссионного клуба «Валдай». 16.05.2015. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22161/> (дата обращения: 09.07.2020).

²⁸⁶ Барабанов О.Н. Катар как ревизионистская держава: идеология политического ваххабизма // Портал Международного дискуссионного клуба «Валдай». 03.07.2017. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/katar-revizionistskaya-derzhava/> (дата обращения: 09.07.2020).

²⁸⁷ Мелкумян Е.С. Новые тенденции в политике ССАГЗ в период региональной трансформации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 4. – С. 55-64.

²⁸⁸ Мелкумян Е.С. Персидский залив: новые тенденции развития региональной ситуации после «арабской весны» // «Нестабильность геостратегического пространства в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока: актуальные проблемы. Ежегодник 2019. – М.: ИВ РАН, 2019. – С. 133-139.

Мелкумян определяет в качестве большой заслуги организации готовность лидеров вырабатывать совместную позицию на компромиссной основе, даже несмотря на кризис 2017 года., о чем свидетельствует принятие в декабре 2018 года. на саммите ССАГПЗ коммюнике «Декларация Эр-Рияда: сохранить силу Совета сотрудничества и единство её членов».

О сходстве государств Персидского залива рассуждал и Д.С. Богатуров²⁹⁰, называя в качестве общих черт высокие показатели ВВП на душу населения, темпы развития национальной экономики, монархические режимы, высокую долю трудовых мигрантов и ставку на модернизацию экономики и финансовой сферы. В отчёте²⁹¹ Корпорации РЭНД, посвящённом факторам, связывающим Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовскую Аравию и Объединённые Арабские Эмираты, указывается, что, несмотря на чередующиеся периоды сотрудничества и разногласий, ССАГПЗ никогда не подвергался риску распада из-за преобладающих политических и экономических стимулов, связывающих группу, а также общего стремления сохранить монархическое правление.

Существенно большее внимание в научной литературе последних лет уделяется противоречиям и соперничеству государств ССАГПЗ, роли Катара в нем. В частности, истоки и перспективы катарского кризиса 2017 года. анализировали А. Игнатенко²⁹² и А.А. Кузнецов²⁹³, указывая в качестве основных факторов, обусловивших катарско-саудовское соперничество, их борьбу за лидерство в арабском мире, исторические противоречия между правящими семьями, борьбу за руководство салафитским течением в исламе, различия в отношении к Ирану. Расстановку сил в виде национальных нарративов Ирана,

²⁸⁹ Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2019. – Ч. 11. – № 1. – С. 108-137.

²⁹⁰ Богатуров Д.С. Государства Персидского залива в XXI веке: социально-экономическое положение // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 5-2. – С. 10-15.

²⁹¹ Jeffrey M., Wasser B., Kaye D., Egel D., Ogletree C. The Outlook for Arab Gulf Cooperation // RAND Corporation. 2016. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1429.html (accessed: 16.07.2020).

²⁹² Игнатенко А. Истоки и перспективы катарского кризиса // Совет по внешней и оборонной политике. 2017. URL: <http://svop.ru/main/25300/> (дата обращения: 06.07.2020).

²⁹³ Кузнецов А.А. Разногласия между государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива как фактор изменения политической ситуации в регионе Ближнего Востока // Международная аналитика. – 2017. – № 2 (20). – С. 69-77.

Израиля, Турции, США, Саудовской Аравии, Египта, Иордании, Омана, Ливана, Пакистана, а также Европейского официального, Евролиберального и Леволиберального нарративов подробно описал М. Бакалинский²⁹⁴. Значение катарского дипломатического кризиса 2017 г. для политической парадигмы Ближнего Востока, реакцию различных государств на этот кризис оценил И.О. Ермаков²⁹⁵, внутрирегиональное деление ССАГПЗ на блоки – Н.У. Ханалиев²⁹⁶, участие Аль-Джазир в кризисе – Д.Р. Шарафутдинов²⁹⁷.

В зарубежных научных публикациях отмечаются: стремление использовать лидерами стран ССАГПЗ катарского кризиса и факта появления нового внешнего врага для укрепления националистических настроений, что ведёт к формированию непостоянных, основанных на решении отдельных проблем коалиций, а не жёстких альянсов (Д. Кининмонт²⁹⁸); демонстрация в рамках кризиса 2017 года неспособности ССАГПЗ содействовать переговорам, что ставит под угрозу региональную стабильность (Р. Миллер²⁹⁹); заинтересованность внешних акторов в помощи странам ССАГПЗ в поиске неких обходных путей для урегулирования разногласий и обеспечения хотя бы небольшого сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес (К. Ульриксен³⁰⁰). Отдельное внимание уделяется учёными³⁰¹ противостоянию между Катаром и другими странами ССАГПЗ за пределами залива, к примеру, на Африканском Роге, что является отражением регионального кризиса.

²⁹⁴ Бакалинский М. Остракизация Катара: ситуация и расстановка сил (обзор региональных СМИ и СМИ ведущих международных акторов) // *Международная жизнь*. 2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17711> (дата обращения: 06.07.2020).

²⁹⁵ Ермаков И.О. Дипломатический кризис вокруг Катара и перспективы его урегулирования // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. – 2018. – № 1 (15). – С. 117-125.

²⁹⁶ Ханалиев Н.У. Проекция ближневосточной нестабильности на регион Персидского залива // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2020. – № 1 (62). – С. 109-114.

²⁹⁷ Шарафутдинов Д.Р., Шумихина А.С. Военно-политическое сотрудничество стран ССАГПЗ: основные векторы развития // *Международные отношения и общество*. – 2019. – Ч. 1. – № 1. – С. 18-32.

²⁹⁸ Kinninmont J. *The Gulf Divided: The Impact of the Qatar Crisis* // Chatham House. 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/gulf-divided-impact-qatar-crisis> (accessed: 16.07.2020).

²⁹⁹ Miller R. *Managing Regional Conflict: The Gulf Cooperation Council and the Embargo of Qatar* // *Global Policy*. – 2019. – Vol. 10. – № 52. – P. 36-45.

³⁰⁰ Ulrichsen K.C. *Working Around the Gulf Impasse* // Chatham House. 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/working-around-gulf-impasse> (accessed: 16.07.2020).

³⁰¹ *Intra-Gulf Competition in Africa's Horn: Lessening the Impact* // Report № 206 International Crisis Group. 2019. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/206-intra-gulf-competition-africas-horn-lessening-impact> (accessed: 16.07.2020).

Следующее проблемно-тематическое направление исследований регионального положения Катара является более широким и подразумевает определение его роли в международных отношениях с учётом влияния многочисленных внешних акторов на события в ближневосточном регионе. Основное внимание уделяется США, а также росту неопределённости³⁰² касательно будущей роли Соединённых Штатов в Персидском заливе, численности дислоцированных сил, участия в Ираке и Сирии и степени приверженности своим арабским стратегическим партнёрам. Это связано с тем, что, начиная с правления президента Д. Трампа, Соединённые Штаты стремятся уменьшить финансовое бремя, создаваемое их военным присутствием в Персидском заливе, требуя закупок вооружений арабскими странами и модернизации арабских вооружённых сил в регионе, в том числе и у Катара, с которым у США военно-экономическое партнёрство. Анализируя роль США на Ближнем Востоке, С. Кук отмечает³⁰³ наличие у США в регионе группы союзников, выступающих постоянным источником проблем, при этом связи США с такими странами, как Египет, Саудовская Аравия, Марокко, Иордания, Объединённые Арабские Эмираты, Бахрейн, Оман, Турция, Израиль и Катар включают сотрудничество в области разведки и безопасности, материально-техническое обеспечение американских войск, дипломатическую координацию и военное базирование. Изучая американский фактор в отношениях между Катаром и Саудовской Аравией, Л. Туголукова подчёркивает³⁰⁴, что США рассматривают Персидский залив как зону своих жизненно-важных интересов, стремятся сохранить партнёрские отношения с разными государствами залива, а потому в кризисных ситуациях совершают противоречивые действия, что указывает на сложность в определении основной поддерживаемой стороны. Партнёрство с

³⁰² Cordesman A.H. Iran and the Changing Military Balance in the Gulf – Net Assessment Indicators // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/iran-and-changing-military-balance-gulf-net-assessment-indicators> (accessed: 15.07.2020).

³⁰³ Cook S. Untangling the Qatar Kerfuffle // The Council on Foreign Relations (CFR). 2017. URL: <https://www.cfr.org/blog/untangling-qatar-kerfuffle> (accessed: 16.07.2020).

³⁰⁴ Туголукова Л. Американский фактор в «Игре престолов» Катара и Саудовской Аравии // Российский совет по международным делам. 23.09.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/amerikanskiy-faktor-v-igre-prestolov-katara-i-saudovskoy-aravii/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 6.07.2020).

монархиями Персидскими залива необходимо американцам для противовеса в борьбе с Ираном, и, зная это, Саудовская Аравия и Катар готовы вкладывать финансовые ресурсы, чтобы заручиться поддержкой США и получить гарантии собственной безопасности.

Об исторической структурной асимметрии региональных сил на Ближнем Востоке в контексте внешнего влияния писала Л.А. Мартынова³⁰⁵, указывая на состояние дисбаланса региональной системы безопасности, где США остаются внешней силой, способной ограничивать волонтаристские действия региональных игроков при реализации ими своих целей, в то время как страны ЕС, несмотря на экономическое сотрудничество, пока не могут считаться полноценными стратегическими партнёрами стран ССАГПЗ в сфере региональной безопасности.

Кризис 2017 года в отношениях между Катаром и другими странами Персидского залива создал ещё одно проблемно-тематическое направление исследований регионального положения эмирата, которое учитывает нестабильность энергетических рынков. Эта проблема подробно анализируется французскими исследователями Д. Буйоюром и Р. Селми³⁰⁶, которые, применяя динамическую модель с изменяющимися во времени факторами нагрузок и волатильности, доказали, что до блокады Катара волатильность цен на нефть и газ на мировом рынке определялась, в первую очередь, компонентом общей неопределённости, тогда как после объявления блокады в 2017 году на первый план вышел фактор региональной межстрановой неопределённости. Это объясняется хаосом на рынках энергетических ресурсов и судоходства, когда крупнейший класс нефтяных танкеров стран ССАГПЗ получает непредсказуемые указания относительно ограничений, с которыми они могут столкнуться на своих обычных маршрутах. Тогда же международное энергетическое агентство заявило

³⁰⁵ Мартынова Л.А. Международные отношения и региональная безопасность в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Ч. 10. – № 1. – С. 135-143.

³⁰⁶ Bouoijour J., Selmi R. The Qatar-Gulf Crisis and Risk Management in Oil and Gas Markets // HAL. 2019. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02101633/document> (accessed: 12.07.2020).

о растущих расходах на доставку³⁰⁷. К политическим последствиям данной ситуации в регионе относится усиление мотивации каждой страны Персидского залива, в первую очередь – Катара, к самодостаточности и переходу от сотрудничества под флагом ССАГПЗ для противостояния внешним угрозам к другой стадии, когда все страны стремятся к собственной энергетической безопасности и защите друг от друга.

Контекст проблемы продовольственной безопасности в регионе Персидского залива также находит отражение в российских и зарубежных научных исследованиях. В частности, в докладе³⁰⁸ Корпорации РЭНД 2018 года природно-климатические условия именуется главной причиной, по которой внутреннее производство продуктов питания остаётся постоянной проблемой для стран ССАГПЗ, при этом, учитывая их финансовую мощь, главная проблема продовольственной безопасности, скорее всего, будет связана не с ростом цен на продукты питания, а с естественными или искусственными препятствиями для доступа одной или нескольких стран к импорту продовольствия. Кризис 2017 года, по убеждению С.Ф. Альмохамади³⁰⁹, вывел на первый план проблему отсутствия продовольственной безопасности в Персидском заливе, несмотря на многолетние усилия государств по созданию жизнеспособных программ. Он выявил высокую зависимость стран от импорта предметов первой необходимости, а также показал, что работы суверенного Фонда Катара для иностранных инвестиций в сельское хозяйство Hassad Food, в основном вкладывающего средства в Австралию, Пакистан и Оман как страны с более высоким сельскохозяйственным потенциалом, недостаточно для обеспечения Катару бесперебойного доступа к продовольствию.

Последнее из рассматриваемых проблемно-тематических направлений возникло в начале 2020-х годов. в связи с пандемией коронавируса, а потом –

³⁰⁷ Bouoiyour J., Selmi R. The Qatar-Gulf Crisis and Risk Management in Oil and Gas Markets // HAL. 2019. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02101633/document> (accessed: 12.07.2020).

³⁰⁸ Efron S., Fromm C., Gelfeld B., Nataraj S., Sova C. Food Security in the Gulf Cooperation Council // RAND Corporation. 2018. URL: https://www.rand.org/pubs/external_publications/EP67748.html (accessed: 16.07.2020).

³⁰⁹ Almohamadi S.F. Qatar dispute exposes regional food-security failures // International Institute for Strategic Studies (IISS). 2017. URL: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2017/08/qatar-food-insecurity> (accessed: 16.07.2020).

началом специальной военной операции России на Украине. Прежде всего, появились работы, рассматривающие влияние пандемии на систему региональных отношений на Ближнем Востоке и Персидском заливе, политику соответствующих стран. Так, в работе Э. Фахро отмечается³¹⁰, что после того, как в конце февраля Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн и Оман объявили о первых случаях заболевания COVID-19 среди своих граждан, вернувшихся после паломничества в Иран, страны Персидского залива с партнёрскими отношениями с Ираном направили ему помощь – в частности, эмир Катара распорядился выслать Ирану шесть тонн медицинского оборудования и материалов, а 24 марта ССАГПЗ созвал экстренный виртуальный саммит министров финансов для обсуждения единых мер по борьбе с эпидемией. Участие Катара в этом диалоге было воспринято как позитивное свидетельство того, что пандемия может дать возможность улучшить отношения между государствами региона, несмотря на последовавшие уже после саммита дипломатические разногласия между Катаром и Бахрейном по поводу репатриации граждан Бахрейна, посещающих Иран, через Катар. Влияние пандемии рассматривается учёными и в контексте сокращения спроса и цен на нефть, что может привести к сокращению расходов стран ССАГПЗ на национальную безопасность, импорт оружия и приложение дополнительных усилий по реформированию своей экономики для преодоления зависимости от экспорта энергоресурсов³¹¹.

С 2022 года дополнительное измерение в исследованиях появилось в связи с военным конфликтом между Россией и Украиной. Как Катар, так и Саудовская Аравия являются ключевыми союзниками США на Ближнем Востоке, поэтому в политическом аспекте поддерживают линию мирового гегемона относительно осуждения действий России, однако в то же время углеводородные монархии Персидского залива с опасением восприняли сначала беспрецедентную заморозку российских резервов на Западе, а потом и стремление установить потолок цен на

³¹⁰ Fakhro E. COVID and Gulf Foreign Policy // POMEPS Studies. 2020. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/covid-and-gulf-foreign-policy> (accessed: 16.07.2020).

³¹¹ Cordesman A.H. Iran and the Changing Military Balance in the Gulf – Net Assessment Indicators // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/iran-and-changing-military-balance-gulf-net-assessment-indicators> (accessed: 15.07.2020).

нефть и газ из России. Представители династии Аль Сауд и династии Аль Тани осознают, что с точки зрения США они являются недемократическими авторитарными режимами, которые постоянно нарушают «права человека», вмешиваются во внутренние дела других стран региона, а, значит, санкции и ограничения на цену углеводородов при определённой политической ситуации могут быть применены и против них. Это создало конфигурацию, когда и Катар, и Саудовская Аравия, и Россия стали естественными экономическими союзниками и вынуждены искать взаимодействия в определённых сферах³¹². При этом на начало 2024 года наибольший бонус от российско-украинского конфликта удалось получить ОАЭ, которые сегодня играют ключевую роль в закулисных переговорах и обменах пленными между Россией и Украиной, а, с другой стороны, зарабатывают на параллельном импорте санкционных товаров в Российскую Федерацию.

По итогам проведенного в параграфе анализа проблематики регионального положения Катара в исследовательской литературе, были рассмотрены семь основных проблемно-тематических направлений, в числе которых: проблема соответствия политики Катара общей теории поведения малых государств; проблема влияния Катара на суннитско-шиитские отношения и деятельность ассоциации «Братьев-мусульман» (террористическая организация, запрещённая на территории РФ); проблемы сотрудничества и соперничества государств ССАГПЗ с фокусом на кризисных периодах, проблема влияния внешних акторов на регион (в основном, США); проблема нестабильности энергетических рынков; проблема обеспечения продовольственной безопасности; с 2020 года – проблемы, связанные с влиянием на региональные процессы пандемии коронавируса и российско-украинского конфликта.

Обозначенные векторы дают общее представление об основных направлениях и проблемах исследований регионального положения Катара как в отечественной, так и в зарубежной науке.

³¹² Беликова Е. А., Егоров И. С. Перспективы возобновления Катарского дипломатического кризиса в свете российско-украинского конфликта // Вопросы политологии. — 2022. — Т. 12, № 88. — С. 4285–4296.

1.3. Нормативно-правовые основы внешней политики Катара

Исторически поведение Катара в международных делах определялось стремлением его лидеров вступать в союзы, и в течение первых двух веков современной истории Катара его эмиры обеспечивали безопасность территории, создавая альянсы, по крайней мере, с одним более мощным политическим субъектом, условно соответствующим критерию «доминирующая региональная власть, представляющая наибольшую угрозу и способная обеспечить защиту с наименьшими обременительными требованиями»³¹³. Подобные решения и структура альянсов постоянно менялись, безопасность Катара обеспечивали Османская и Британская империи, Саудовская Аравия, однако в 1980-е годы. прежние договорённости перестали устраивать Катар, ему захотелось продемонстрировать полную независимость во внешних делах, для чего следовало сделать страну значимой для максимально широкого круга государств. И, несмотря на то, что отношения в сфере безопасности были установлены с Соединёнными Штатами Америки в соответствии с исторической катарской тактикой формирования альянсов, руководство Катара стремилось уменьшить эту одностороннюю зависимость путём включения Катара в энергетическую, финансовую и политическую динамику региональной и субрегиональной безопасности, обретения репутации нейтрального (квазинейтрального) государства, активно участвующего в политических процессах на Ближнем Востоке и в Северной Африке³¹⁴.

³¹³ Roberts D.B. The Four Eras of Qatar's Foreign Policy // *Comillas Journal of International Relations*. – 2016. – № 5. – P. 1-17.

³¹⁴ Roberts D.B. The Four Eras of Qatar's Foreign Policy // *Comillas Journal of International Relations*. – 2016. – № 5. – P. 1-17.

Определяющим фактором в смене всей стратегии внешней политики стало освоение катарскими компаниями крупного месторождения природного газа (именно в 1980-е годы эмир Хамад бин Халифа Аль Тани форсировал всестороннее развитие газовой отрасли)³¹⁵. В результате в XXI в. в основание внешней политики Катара заложены, как считают исследователи Н. Аль-Маатук и М. Кама³¹⁶, следующие детерминанты:

1) высокий уровень экономического прогресса Катара при тесной зависимости от экономических ресурсов, когда природный газ и, в меньшей степени, нефть сознательно используются для интеграции страны в мировую экономику, достижения лидерства на рынке сжиженного природного газа, а также первых позиций в рейтингах доходов на душу населения;

2) стремление вести политику свободной экономики, используя механизмы обновления правовых рамок, чтобы беспрепятственно взаимодействовать со всеми странами мира без таможенных ограничений в финансовой сфере;

3) намерение обеспечивать политическую и социальную стабильность в стране для привлечения иностранных инвестиций, поскольку финансовое взаимодействие способно компенсировать слабость государства с точки зрения его местоположения (между более крупными государствами, стремящимися к лидерству в регионе), малой численности населения и, в целом, ограниченных возможностей в региональной конкуренции.

А.С. Дербенев дополняет указанные положения понятиями «многофункциональная балансировка» (в соответствии с концепцией С. Дэвида она предполагает вовлеченность Катара в постоянную конкуренцию на всех уровнях) и «управляемая мультизависимость» (как гарантия относительной независимости малого государства Катара на международном уровне), считая, что

³¹⁵ Шголь В. Катар: история успеха // Международная жизнь. 2014. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1044> (дата обращения: 06.07.2020).

³¹⁶ Al-Maatouk N., Kama M. Determinants of the Regional Role of Qatar // Journal of Politics and Law. – 2017. – № 10. – P. 191-197.

в XXI веке Катар вышел на новый этап развития, включающий выбор новых внешнеполитических целей и приоритетов³¹⁷).

Катарская внешняя политика, имеющая значимую экономическую основу, формулируется и реализуется в рамках монархической системы публичной власти. Формально система правления основана на принципе разделения властей³¹⁸, когда законодательная власть возлагается на Консультативный совет (Совет аш-Шура), исполнительная принадлежит эмиру, которому помогает Совет министров, судебная власть возлагается на суды, и судебные решения объявляются во имя Его Высочества Эмира. Эмир Катара шейх Тамим бин Хамад Аль Тани является главой государства, главнокомандующим вооруженными силами, представляющим государство внутри страны и за её пределами, а также во всех международных отношениях. Консультативный совет отвечает за определение общего бюджета, обсуждение и внесение законодательных предложений по ряду вопросов. Совет министров занимается управлением внутренними и внешними делами, предлагает проекты законов, осуществляет надзор за сохранением интересов государства за рубежом и поддержанием его международных связей.

Фактически в Катаре, как отмечают Дж. Митчелл и Дж. Генглер³¹⁹, функционирует режим, зависящий от внешних источников дохода, сосредоточенный на обеспечении экономического и политического удовлетворения своих граждан посредством покровительства, финансируемого рентой, а также стремящийся поддерживать приемлемый уровень неравенства в распределении благ, с которым связаны такие механизмы, как групповой фаворитизм, обычно по принципу происхождения (в Катаре основная власть сосредоточена в руках правящей семьи), а также неформальные связи и влияние, обеспечивающие индивидуальный доступ к ресурсам. Структура управления

³¹⁷ Дербенев А.С. Катар: в тисках региональных проблем // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории. – М.: МПГУ, 2019. – С. 95-107.

³¹⁸ System of Government // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/qatar/political-system> (accessed: 12.07.2020).

³¹⁹ Mitchell J., Gengler J. What Money Can't Buy: Wealth, Inequality, and Economic Satisfaction in the Rentier State // Political Research Quarterly. – 2019. – Vol. 72. – № 1. – P. 75-89.

Катара в целом примерно соответствует структуре других государств ССАГПЗ: эмир Аль Тани осуществляет руководство страной опосредованно: через премьер-министра, который является членом семьи Аль Тани, и Совет министров, состоящий, в том числе, из членов семьи Аль Тани или других известных семей; младший брат эмира является его заместителем и наследником³²⁰.

Нормативно-правовая основа внешней политики Катара, реализуемой членами семьи Аль Тани, представлена Конституцией Катара, несколькими национальными стратегиями, её дополняют положения материалов Министерства иностранных дел, а также выступления высших должных лиц Катара по внешнеполитической проблематике. Конституция Катара³²¹ является основополагающим документом, который содержит основные руководящие принципы государственной политики в различных областях, организует ее полномочия и систему управления, определяет общественные права и обязанности. К области внешней политики из Конституции Катара можно отнести статью 1 (в которой подчёркивается, что Катар является независимым арабским государством, а народ Катара является частью арабской нации), статью 6 (по ней Катар уважает международные уставы и конвенции и стремится выполнять все международные соглашения, уставы и конвенции, стороной которых является) и статью 7 (указывающую на то, что внешняя политика Катара основана на принципе укрепления международного мира и безопасности путём поощрения мирного разрешения международных споров, он поддерживает право наций на самоопределение, не вмешивается во внутренние дела государств и намерен сотрудничать с миролюбивыми народами)³²². Указанные статьи регулярно упоминаются и цитируются в документах Министерства иностранных дел Катара, а также в публичных выступлениях его представителей, обычно указывающих³²³

³²⁰ Katzman K. Qatar: Governance, Security, and U.S. Policy. CRS Report № R44533 // Congressional Research Service. March 11, 2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/R44533.pdf> (accessed: 12.07.2020).

³²¹ The Constitution // Government Communications Office, Council of Ministers. 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/about-qatar/the-constitution/> (accessed: 13.07.2020).

³²² State of Qatar: The Constitution // Government Communications Office, Council of Ministers. 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/wp-content/uploads/2016/09/GCO-Constitution-English.pdf> (accessed: 13.07.2020).

³²³ Principles of Qatar' Foreign Policy // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/principles/principles-of-qatar'-foreign-policy> (accessed: 12.07.2020).

на то, что Конституция Катара обуславливает стремление страны к сохранению суверенитета и независимости, защите самобытности арабских и исламских стран, соблюдению международных пактов и конвенций, укреплению международного мира и безопасности, защите государственных и частных прав и свобод человека.

В отличие от многих других государств, где основным внешнеполитическим программным документом является национальная Стратегия или Концепция внешней политики, на которую обычно ссылаются политики и учёные, в Катаре в роли такого документа выступает общая стратегия развития страны до 2030 года – Национальное видение – 2030 (National Vision 2030³²⁴), в соответствии с которой к 2030 году Катар должен стать продвинутым обществом, способным поддерживать дальнейшее развитие и обеспечение высокого уровня жизни, она определяет долгосрочные цели страны и обеспечивает основу для разработки других национальных стратегий и планов реализации. Национальное видение – 2030 призвано решить пять основных проблем, стоящих перед Катаром: «проведение модернизации при сохранении традиций, удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений, обеспечение управляемого развития, проведение работы над получением необходимого количества и качества рабочей силы экспатриантов, сохранение экономического роста, социального развития и решение экологических проблем».

Необходимо отметить, что постоянные ссылки на Национальное видение – 2030 при реализации внешней политики Катара объясняются наличием в этом документе³²⁵ внешнеполитического компонента, суть которого можно кратко свести к следующим тезисам:

1) Катар является частью региона Персидского залива, который образует единую экологическую систему, подверженную влиянию деятельности каждой страны региона, а потому должен вовлекать в совместные проекты и поощрять

³²⁴ Qatar National Vision 2030 // Government Communications Office, Council of Ministers (Qatar). 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/about-qatar/national-vision2030/> (accessed: 10.07.2020).

³²⁵ Qatar National Vision 2030 (First published July 2008) // General Secretariat for Development Planning. 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/wp-content/uploads/2016/09/GCO-QNV-English.pdf> (accessed: 10.07.2020).

все государства Персидского залива для защиты и сохранения окружающей среды;

2) Катару необходимо усилить свою важную и конструктивную региональную роль, особенно в рамках ССАГПЗ, Лиги арабских государств и Организации Исламского сотрудничества, продолжать вносить вклад в достижение международной безопасности и мира;

3) Катар до 2030 года должен интенсифицировать культурное взаимодействие с арабскими государствами и с другими народами в целом, практикуя спонсорство и поддерживая диалог между цивилизациями, оказывая содействие мирному сосуществованию между различными религиями и культурами;

4) Катару требуется формировать и поддерживать открытые и гибкие экономические структуры, способные конкурировать в меняющемся мире при постоянной координации с государствами ССАГПЗ, арабскими и региональными экономическими организациями для установления торговых, инвестиционных и финансовых связей;

5) Целью Катара является оптимальная эксплуатация углеводородных ресурсов, поддержка стратегических запасов нефти и газа и газовой промышленности, которая обеспечивает основной источник чистой энергии для Катара и всего мира.

В качестве отдельного, но важного элемента стратегии Катара необходимо упомянуть растущий интерес к информационным технологиям и проблемам искусственного интеллекта, а также претензии на лидерство в этой сфере. Катар, являющийся одним из лидеров арабских стран по предложению информационных услуг за счёт высокого уровня 3G-покрытия своей территории, низких цен, развитой интернет-инфраструктуры³²⁶, также видит возможность диверсифицировать свою газозависимую экономику за счёт развития технологических областей, и потому в феврале 2019 года Катарский центр

³²⁶ Руденко Л.Н. Перспективы цифровой трансформации экономики арабских стран // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 5. – С. 92-108.

искусственного интеллекта (QCAI)³²⁷ опубликовал Национальную стратегию искусственного интеллекта, получившую одобрение правительства. Этот документ³²⁸ является частью концептуальной основы внешней политики Катара, поскольку содержит следующие цели, имеющие международное измерение и направленные на достижение регионального лидерства:

а) Катар должен начать и возглавить дипломатические работу на многостороннем уровне для обмена данными между странами по разработке успешных приложений на базе искусственного интеллекта;

б) Катару необходимо создать устойчивую нормативно-правовую базу и стимулирующую структуру, которая сделает страну привлекательной юрисдикцией для деятельности предприятий из других стран, использующих технологии искусственного интеллекта;

в) Катару следует инициировать и участвовать в международных усилиях по обеспечению стандартизации во всех аспектах искусственного интеллекта, включая архитектуру сети и систем, протоколов интеграции данных и приложений, требований к покрытию, службам и т.д., поскольку это обеспечит равные условия игры.

Базовый документ Национальное видение – 2030 является основой не только для Национальной стратегии искусственного интеллекта, но также для Второй Национальной стратегии развития Катара на 2018-2022 годов³²⁹ (НСРК 2018-2022, она же NDS-2) и Третьей Национальной стратегии развития Катара на 2024-2030³³⁰ (НСРК 2024-2030, она же NDS-3), на которые также ссылаются (и ссылались) политические деятели при реализации внешней политики страны. Это связано с тем, что в отличие от более ранних стратегий развития, в документах НСРК 2018-2022 и НСРК 2024-2030, во-первых, появилась новая глава о

³²⁷ Araz S. Qatar plots its AI future // Middle East Institute. 2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/qatar-plots-its-ai-future> (дата обращения: 16.07.2020).

³²⁸ National Artificial Intelligence Strategy for Qatar // Qatar Center for Artificial Intelligence (QCAI). 2019. URL: https://qcai.qcri.org/wp-content/uploads/2019/02/National_AI_Strategy_for_Qatar-Blueprint_30Jan2019.pdf (accessed: 13.07.2020).

³²⁹ Qatar Second National Development Strategy 2018-2022 // Planning and Statistics Authority. September 2018. URL: <https://www.psa.gov.qa/en/knowledge/Documents/NDS2Final.pdf> (accessed: 15.07.2020)

³³⁰ Qatar Third National Development Strategy 2024-2030 // Planning and Statistics Authority.. URL: https://www.psa.gov.qa/en/nds1/nds3/Documents/QNDS3_EN.pdf (accessed: 22.01.2024)

международном сотрудничестве («Глобальное партнерство в целях развития»), посвященная укреплению региональной и международной роли и статуса Катара, совершенствованию международного партнерства и активному содействию региональному и международному миру и безопасности, а, во-вторых, особое внимание уделено практическим шагам по достижению заявленных целей.³³¹

Национальное видение – 2030, Вторая Национальная стратегия развития Катара на 2018-2022 годы³³² и Третья Национальная стратегия развития Катара на 2024-2030 года³³³ составляют основу общей Катарской стратегии международного сотрудничества (ICS), которая предписывает поддержку Катаром социально-экономического развития в странах с низким уровнем дохода, глобального партнёрства для искоренения нищеты, сокращения неравенства и содействия экономическому развитию и экологической устойчивости, стимулирование вклада всех заинтересованных сторон, в том числе частного сектора, неправительственных организаций, благотворительных организаций, научных кругов, исследовательских центров и гражданского общества в партнёрство, предназначенное для осуществления решений международных и региональных конференций и встреч на высшем уровне ООН в экономической, социальной, экологической и смежных областях, особенно в достижении согласованных на международном уровне целей развития.

Внешнеполитическая стратегия Катара на период до 2022 года³³⁴ содержала описание трех промежуточных результатов и одного итогового результата. Так, первым промежуточным результатом должен был стать отчёт о предпринятых национальных усилиях в области развития, способствующих укреплению

³³¹ Следует отметить, что НСРК 2018-2022 насчитывает почти 340 страниц с подробным описанием результатов, а НСРК 2024-2030 ограничивается 36 страницами. Вместе с тем, что нехарактерно даже для европейских демократических режимов при составлении документов развития в НСРК 2024-2030 прямо указывается на те проблемы, которые стоят перед государством и к решению которых ещё не удалось подойти. Прежде всего, это зависимость от углеводородных доходов и низкая вовлеченность катарских граждан в реальную экономику.

³³² The main result and the intermediary results // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/international-cooperation/the-main-result-and-the-intermediary-results> (accessed: 11.07.2020).

³³³ Qatar Third National Development Strategy 2024-2030 // Planning and Statistics Authority.. URL: https://www.psa.gov.qa/en/nds1/nds3/Documents/QNDS3_EN.pdf (accessed: 22.01.2024)

³³⁴ Qatar Second National Development Strategy 2018-2022 // Planning and Statistics Authority. September 2018. URL: <https://www.psa.gov.qa/en/knowledge/Documents/NDS2Final.pdf> (accessed: 15.07.2020)

совместимости отраслевых стратегий с международными стандартами и защите международных и национальных выгод от возобновляемых и возникающих рисков (практические меры: подготовка исполнительного плана стратегии международного сотрудничества, установление регионального и международного партнёрства и подписание трех соглашений о развитии и сотрудничестве в соответствии с приоритетом государства до конца 2022 года). Вторым промежуточным результатом – это отчёт об использовании человеческих и институциональных способностей для целей международного сотрудничества (на практике это означает наращивание национальных кадров в области международного сотрудничества каждый год, а также увеличение к 2022 году числа катарцев, работающих в отделах международных и региональных организаций, в том числе дипломатов, прикомандированных и контрактных сотрудников, до 30 человек). Третьим промежуточным результатом – это улучшение коммуникации для обеспечения совместимости в деятельности международного сотрудничества (здесь предлагается повысить до 25% уровень охвата, осуществляемого министерствами и правительственными органами с международными организациями через департамент международного сотрудничества Министерства иностранных дел, по сравнению с 2017 годом). Итоговым результатом, как предполагалось, должно было стать более эффективное, упорядоченное и устойчивое международное сотрудничество с участием Катара, необходимое для поддержки его инициатив и партнёрских отношений в области развития на международном уровне, укрепления статуса и роли Катара в рамках ССАГПЗ, арабской и исламской групп и системы организаций ООН³³⁵.

Необходимо отметить, что на страницах Третьей Национальной стратегии развития Катара на 2024-2030 не приводится конкретного отчета о том, что удалось достигнуть в рамках предыдущего документа, а что перешло уже в новую стратегию. Вместе с тем, в разделе «К достижению результатов Национального

³³⁵ The main result and the intermediary results // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/international-cooperation/the-main-result-and-the-intermediary-results> (accessed: 11.07.2020).

видения – 2030» кроме 5 основных направлений развития (экономическое, человеческое, социальное, защита окружающей среды и институциональное) фиксируется:

1) Несмотря на общий рост экономики, динамика в не сырьевом секторе в 2017-2022 годах оставалась крайне плохой (рост менее 2 процентов). При этом продуктивность труда даже падала средним темпом 1,5 % в год с 2010 по 2022. Катар так и остался в полной зависимости от углеводородных доходов, которые в среднем в 2017-2021 годах составили 87% государственных доходов. Более того, в силу событий на международном рынке (антироссийские санкции и уничтожение «Северных потоков») в 2022-2023 годах соотношение в пользу сырьевых доходов только выросло.

2) В области развития человеческого потенциала Катару до сих пор не удалось перейти от работы над количественным охватом образованием к увеличению качества. Ряд заболеваний (прежде всего, диабет) составляют всё большую угрозу.

3) В социальной сфере началось значимое снижение рождаемости среди коренного населения. Традиционные институты брака, семьи и религии испытывают всё большее давление.

4) В институциональной сфере Катар всё ещё испытывает проблемы с эффективностью работы госаппарата, применением законов на практике. Катару необходимо создавать рабочие места для граждан не только в государственном, но и в частном секторе (более 50 тысяч рабочих мест в ближайшие 2-3 года).

Открытое обозначение таких ключевых проблем говорит о том, что власти Катара вполне понимают, что старая модель управления эмиратом всё быстрее утрачивает актуальность и, более того, даже сохранение и рост углеводородных доходов в перспективе 2030 году могут не стать панацеей от социальных и экономических потрясений, если не добиться хотя бы частичной эффективности текущих реформ.

NDS3 предполагает достижение 7 ключевых национальных стратегических результатов³³⁶.

Во-первых, это «устойчивый экономический рост», который позволит Эмирату превратиться в конкурентоспособную, продуктивную, диверсифицированную и инновационную экономику. Эта задача предполагает, в том числе, рост продуктивности труда и привлечение инвестиций в 4 специальные группы кластеров по диверсификации:

- а) кластеры роста – производственные, логистические и туристические;
- б) кластеры возможностей – информационные, финансовые и образовательные;
- в) кластеры устойчивости – пищевые, сельскохозяйственные и медицинские;
- г) кластеры будущего – передовые технологии, медиа и творчество.

Во-вторых, это «фискальная устойчивость»: расходы бюджета не должны превышать доходы более чем на 5,5% от ВВП, суверенный кредитный рейтинг на уровне AA, а также рост государственных расходов не должен превышать рост ВВП.

В-третьих, «рабочая сила, готовая к будущему»: более 46% занятых имеют квалифицированную / высококвалифицированную работу, более 20% граждан Катара заняты в частном секторе, более 18% студентов получают технические специальности.

В-четвертых, «сплоченное общество»: коэффициент рождаемости - 3, 30% людей с инвалидностью остаются экономически активными, 10% населения заняты в волонтерской деятельности.

В-пятых, «качество жизни»: средняя продолжительность жизни – 82,6 лет, уменьшение смертности от неинфекционных заболеваний на 36%, уровень счастья населения более 88%, смертность в результате автомобильных аварий менее 4,9 человек на 100 000.

³³⁶ Qatar Third National Development Strategy 2024-2030 // Planning and Statistics Authority.. URL: https://www.psa.gov.qa/en/nds1/nds3/Documents/QNDS3_EN.pdf (accessed: 22.01.2024)

В-шестых, «экологическая устойчивость»: сокращение выбросов парниковых газов на 25 %, создание защитных экологических зон на 30% суши и 30% водных территорий, сокращение использования подземных вод на 70%, выработка 4 гигаватт электроэнергии из возобновляемых источников, потребление менее 310 литров воды в день на человека.

И, наконец, в-седьмых, «превосходное управление»: попадание Катара в топ-10% индекса эффективности управления, место ниже 70 в Индексе восприятия коррупции, более 85% населения удовлетворено работой государственных сервисов и услуг, более 90% государственных услуг представляются полностью в электронном виде.

Эти 7 результатов к 2030 году де-факто имеют разный приоритет для властей Катара. Более того, первоочередную задачу можно было бы сформулировать гораздо лаконичнее: диверсификация экономики с опором на внутренние ресурсы (кадровые, продовольственные). Сложность данного вопроса находит косвенное отражение почти в каждом из будущих 7 результатов: катарские студенты не хотят получать сложные технические специальности, граждане не экономят воду и другие ресурсы, государственный аппарат работает очень медленно даже по арабским меркам (но не по меркам ССАГПЗ – прим. авт.), демографический переход к уровням рождаемости постиндустриального общества среди арабов – граждан Катара случился в течение одного-двух поколений.

Количество фундаментальных проблем, таким образом, очень велико, однако колоссальные запасы газа дают надежду на то, что при больших усилиях и огромном везении (с точки зрения региональной и глобальной политической ситуации) стратегия NDS3 может оказаться реализуемой. Тем более, отдельный параграф в ней уделён переходу от деклараций к имплементации. В 2024 году должна быть представлена дорожная карта с 3-мя основными этапами:

- 1) 2024-2025 – разработка и старт основных реформ, формирование ключевых инициатив;
- 2) 2026-2027 – ускоренная реализация реформ;

3) 2028-2030 – дальнейшая реализация реформ с фокусом на те области, где удалось достичь наибольших успехов.

Сложно строить прогнозы относительно реальности достижения заявленных результатов Катаром, даже учитывая то, что уже есть возможность оценить выполняемость двух предыдущих программ (NDS1 и NDS2), так как наибольших результатов Эмирату удалось добиться не благодаря решениям и планам правительства, а в результате вынужденных срочных действий в ответ на Катарский дипломатический кризис и блокаду со стороны Саудовской Аравии и её союзников в регионе.

Возвращаясь к стратегии международного сотрудничества, в практическом отношении она должна способствовать достижению трех основных элементов устойчивого развития на национальном, региональном и международном уровнях: социальное, экономическое и экологическое развитие в соответствии с Глобальной повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 года³³⁷ Для институционализации международного сотрудничества в 2008 году в Катаре была учреждена отдельная министерская должность, которую затем отменили в 2011 году в результате реструктуризации Министерства иностранных дел, в котором появился Помощник министра по вопросам международного сотрудничества. В настоящее время именно Министерство иностранных дел Катара занимается реализацией внешней политики государства, в его функции³³⁸ входит защита интересов страны за рубежом, разработка внешнеполитических планов в согласовании с заинтересованными ведомствами; основная миссия³³⁹ – вести устойчивую внешнюю политику, направленную на достижение стратегических интересов государства; цель – содействовать и расширять международное сотрудничество Катара со всеми странами и организациями для наилучшего служения целям общей политики Катара, сформулированным в

³³⁷ International Partnerships // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/international-cooperation/international-partnerships> (accessed: 11.07.2020).

³³⁸ History of the Ministry // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/the-ministry/history> (accessed: 12.07.2020).

³³⁹ Ministry Strategies // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/the-ministry/ministry-strategies> (accessed: 12.07.2020).

Национальном видении – 2030. Обязанности МИД Катара включают³⁴⁰ представление государства в глобальном масштабе, распространение информации о культурных ценностях и политике Катара, согласование внешней политики с эмиром, организацию обмена дипломатическими и консульскими представительствами, налаживание контактов с катарскими министерствами и ведомствами, правительствами иностранных государств, а также региональными и международными организациями. Его Превосходительство заместитель премьер-министра и министр иностранных дел несёт общую ответственность за все вопросы Министерства иностранных дел, включая планирование и реализацию внешней политики, поддержание стратегических двусторонних и многосторонних отношений, руководство посредническими усилиями и укрепление международного мира и безопасности путём поощрения мирного урегулирования международных споров³⁴¹.

Катар в настоящее время имеет 108 дипломатических миссий, развёрнутых по всей Азии, Африке, Европе, Северной Америке, Южной Америке и Океании; является активным членом ССАГПЗ, Лиги арабских государств, работает в рамках региональных и субрегиональных организаций, а также организаций, основанных на миссии защиты прав человека, занимающихся развитием экономических, политических и культурных отношений, таких как «Группа 77», Движение неприсоединения и Организация Исламского сотрудничества, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В программном смысле, как следует из публикаций МИД³⁴², в центре внимания Катара нет двустороннего сотрудничества на правительственном уровне, так как он скорее ориентирован на многостороннее сотрудничество, о чем свидетельствует его членство во многих международных, арабских и региональных организациях и органах, действующих в политической, экономической, социальной, культурной и научной областях (всего 328 организаций). За последние четыре десятилетия

³⁴⁰ Functions of the Ministry // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/the-ministry/ministry-functions> (accessed: 12.07.2020).

³⁴¹ HE Sheikh Mohammed bin Abdulrahman bin Jassim Al Thani // Government Communications Office, Council of Ministers. 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/ministries/minister-of-foreign-affairs/> (accessed: 13.07.2020).

³⁴² Ibid.

государство ратифицировало и присоединилось к многоцелевым соглашениям в коммерческой, правовой, экологической, политической, медийной и других сферах.

Основы внешней политики государства Катар, её ценности и идейно-политические установки находят своё отражение в выступлениях и посланиях эмира Катара Тамим бин Хамад Аль Тани, начиная с его программной инаугурационной речи³⁴³, произнесённой 26 июня 2013 года. В ней сделан акцент на том, что Катар является частью региона Персидского залива, частью арабского мира и исламского мира, а также частью человечества и международного сообщества, однако главным для Катара является восприятие себя как части арабских и исламских наций. Эмир заявил: «Государство Катар имеет связи братства и сотрудничества с арабскими братьями, а именно с Советом сотрудничества стран Залива, с которым мы стремимся укрепить наши отношения до максимально возможного уровня интеграции. В этом контексте Катар привержен своим обязательствам в отношении арабской солидарности и сотрудничества в рамках Совета сотрудничества стран Залива и Лиги арабских государств и их учреждений, привержен солидарности с братским палестинским народом»³⁴⁴.

Вместе с тем, если рассмотреть ключевые выступления эмира Катара после блокады 2017 года вплоть до начала 2021 года, в них можно увидеть следующие идейные направления, указывающие на то, что считает важным в современной внешней политике правящая элита страны:

1) осуждение экономической блокады, которую руководство Катара считает несправедливой и нацеленной на то, чтобы нанести ущерб безопасности и стабильности Катара и создать трудности для его народа, при этом, несмотря на нее, экономика Катара продолжает расти, что подчеркивает правильность

³⁴³ The Inaugural Speech of His Highness On Becoming The Emir of Qatar // Government Communications Office, Council of Ministers. 2013. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/the-inaugural-speech-of-his-highness-on-becoming-the-emir-of-qatar/> (accessed: 13.07.2020).

³⁴⁴ Ibid.

выбранного курса (выступление на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 24 сентября 2019 года³⁴⁵);

2) готовность Катара к диалогу для урегулирования разногласий между странами ССАГПЗ с учетом взаимных интересов для разрешения кризиса (выступление на открытии 48-й сессии Консультативного совета 5 ноября 2019 года³⁴⁶);

3) стремление Катара к укреплению сотрудничества между представителями разных религий, при этом подход, опирающийся на различия между мусульманскими обществами и любыми другими, эмир Катара считает неправильным и расистским (выступление на саммите в Куала-Лумпуре 19 декабря 2019 года³⁴⁷);

4) намерение Катара и дальше участвовать в работе по межконфессиональным вопросам в рамках Дохинского форума и Дохинской конференции по межконфессиональному диалогу в сотрудничестве с ООН (выступление на Дохинском форуме 14 декабря 2019 года³⁴⁸);

5) готовность Катара активно участвовать в борьбе с пандемией COVID-19, любых совместных усилиях по разработке эффективных вакцин и лекарств, оказание им помощи более 20 странам мира в виде поставок медицинского оборудования и строительства полевых госпиталей, а также выплаты 140 млн. долларов учреждениям здравоохранения в наименее развитых странах (выступление на Глобальном саммите по выработке вакцины 4 июня 2020 года³⁴⁹).

³⁴⁵ His Highness Speech at the 73rd Session of The UN General Assembly // Government Communications Office, Council of Ministers. 2019. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/his-highness-speech-at-the-73rd-session-of-the-un-general-assembly/> (accessed: 13.07.2020).

³⁴⁶ His Highness Speech at The Opening of the 48th Advisory Council Session // Government Communications Office, Council of Ministers. 2019. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/his-highness-speech-at-the-opening-of-the-48th-advisory-council-session/> (accessed: 13.07.2020).

³⁴⁷ HH The Amir Speech at Kuala Lumpur Summit 2019 // Government Communications Office, Council of Ministers. 2019. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/hh-the-amir-speech-at-kuala-lumpur-summit-2019/> (accessed: 13.07.2020).

³⁴⁸ His Highness Speech at Doha Forum 2019 // Government Communications Office, Council of Ministers. 2019. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/his-highness-speech-at-doha-forum-2019/> (accessed: 13.07.2020).

³⁴⁹ His Highness Speaks at The Global Vaccine Summit 2020 // Government Communications Office, Council of Ministers. 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/his-highness-speaks-at-the-global-vaccine-summit-2020/> (accessed: 13.07.2020).

После заключения соглашений в Аль-Уле, которые де-юре положили конец Катарскому дипломатическому кризису, и публикации декларации о «единстве»³⁵⁰, эмир Катара в публичных выступлениях на экономических, социальных и спортивных вопросах, в целом, значительно сократив их количество. После начала СВО Катар воздержался от присоединения к режиму санкций и острой публичной критики России, предпочитая извлекать выгоду из-за разрыва экономических связей между ЕС и Российской Федерацией.

Новым большим идейным направлением во внешней политике Катара стали события 7 октября 2023 года, когда боевики из Сектора Газы напали на Израиль, и последовавшая за ними операции израильских вооруженных сил. Катар, несмотря на свои особые связи как с Израилем, так и с США, в публичном поле стал одним из ключевых спикеров в защиту палестинцев, то есть начал представлять себя как главного защитника мусульман в мире (что, например, не могла сделать Саудовская Аравия, которая в 2022-2023 годах активно готовилась к установлению дипломатических отношений с Израилем, и, кажется, была очень к этому близка в сентябре 2023 года – прим. авт.).

В целом, можно констатировать, что концептуальную основу внешней политики современного Катара составляет набор разноуровневых стратегий до 2030 года, в которых внешнеполитические цели выступают производными от экономических ресурсов Катара, стремления его правящей элиты (семьи Аль Тани) сохранить высокие темпы экономического роста, обеспечить беспрепятственный доступ на рынки сбыта энергетических ресурсов, а также продемонстрировать лидерство Катара в различных областях международного сотрудничества, включая развитие арабского мира и разработку технологий искусственного интеллекта.

Суммируя вышеизложенное и подводя итоги параграфа, необходимо констатировать, что анализ ключевых документов внешнеполитического планирования Катара демонстрирует, что концепция его внешней политики

³⁵⁰ Al-Ula Declaration. United Nations Treaty Collection/ Al-Ula, 5 January 2021. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/No%20Volume/56786/Part/I-56786-08000002805b2870.pdf> (accessed: 14.02.2024).

может считаться инклюзивной и прогрессивной. Эмират, кроме традиционного подхода к ведению международной политики, который заключается в развитии межгосударственных отношений на основании двусторонних и многосторонних международных договоров, активно ищет и создает новые пространства в международной и региональной политике. Это касается как участия и лидерства в организациях, занимающихся глобальными современными проблемами – от коронавируса и экологии до искусственного интеллекта, так и создания механизмов и непосредственного решения региональных конфликтов в том случае, когда они оказываются вне фокуса внимания ООН, США и других глобальных игроков. Представляется, что именно воплощение этой концепции в реальных политических действиях позволило Катару занять лидирующие позиции ССАГПЗ и в Персидском Заливе в период 2011-2022 годов.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что при рассмотрении Катара – государства, которое немногим более 100 лет назад ещё находилось на стадии племенных, дофеодальных отношений, - необходимо учитывать, что в Эмирате все термины, понятия, положения и документы имеют свою коннотацию и не являются строго тождественными представлениям западной политической мысли³⁵¹. Таким образом, обязательность одних документов (национальных деклараций развития, заявлений в ООН) оказывается незначительной, при этом рядовое выступление перед племенной верхушкой может определять вектор внутренней или внешней политики достаточно продолжительное время.

³⁵¹ Егорова О. А., Егоров И. С. К вопросу об исследовании незападных обществ: специфика политической терминологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. — 2021. — № 3. — С. 36–40.

Выводы по главе 1

Подводя итоги первой главы, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Несмотря на применимость в анализе современных региональных и международных отношений широкого круга классических и неоклассических парадигм, а также мультипарадигмального (плюралистического, эклектичного) подхода, позволяющего использовать теоретические положения разных школ международных отношений, доминирующим подходом к анализу региональных отношений на Ближнем Востоке остаётся реализм вследствие высокого уровня нестабильности и конфликтного потенциала региона, при этом в исследованиях субрегиона стран Персидского залива в дополнение к реализму востребованы конструктивизм и институционализм ввиду особой важности экономических аспектов и значимости институциональной структуры ССАГПЗ.

2. Анализ регионального положения Катара на современном этапе ведётся отечественными и зарубежными учёными, в значительной степени, в рамках семи основных проблемно-тематических направлений, включая проблемы соответствия политики Катара общей теории поведения малых государств, религиозное направление, проблемы сотрудничества и соперничества государств ССАГПЗ с фокусом на кризисных периодах, проблему влияния внешних акторов на регион (в основном, США), проблему нестабильности энергетических рынков, проблему обеспечения продовольственной безопасности, проблемы, связанные с влиянием на региональные процессы пандемии коронавируса с выявлением соответствующих каждому направлению противоречий и тенденций.

3. Концептуальная основа внешней политики современного Катара включает набор разноуровневых стратегий до 2030 года, в которых внешнеполитические цели выступают производными от экономических ресурсов Катара, стремления его правящей элиты сохранить высокие темпы экономического роста, обеспечить беспрепятственный доступ на рынки сбыта энергетических ресурсов, а также продемонстрировать лидерство Катара в различных областях международного сотрудничества, включая развитие арабского мира и разработку технологий применения искусственного интеллекта.

ГЛАВА 2. Приоритеты и механизмы реализации внешнеполитического курса Катара в системе региональных отношений Ближнего Востока

В данной главе рассматриваются в соотношении друг с другом основные факторы, детерминирующие возможности влияния Катара в субрегионе Персидского залива и в регионе Ближнего Востока, выделяются приоритеты во внешней политике Катара, направленные на то, чтобы занять ключевое положение в ССАГПЗ.

2.1. Внутренние и внешние факторы, определяющие политическое положение Катара на Ближнем Востоке

Положение государства в системе региональных отношений является комплексной характеристикой, включающей в себя совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов. В рамках данного исследования представляется возможным сформулировать сумму взаимосвязанных факторов, которые, по мнению исследователя, позволяют в комплексе оценить положение государства в системе международных отношений разного, в том числе регионального и глобального уровня. Это 5 ключевых факторов:

1. Фактор обладания ресурсами (в данном случае имеется в виду наличие у государства разных типов ресурсов, в том числе энергетических, финансовых, водных, информационных, в объёме, достаточном не только для удовлетворения собственных внутренних потребностей, но также для обмена/использования их за пределами страны во внешнеполитических и внешнеэкономических целях);

2. Фактор дефицита ресурсов (недостаточный объём какого-либо значимого ресурса может становиться стимулом для развития международного сотрудничества для его получения либо, напротив, побуждать элиты к локальным и региональным противостояниям и захватнической политике по отношению к другим странам).

Факторы обладания и дефицита ресурсов являются внутренними для эмирата, но на положение государства в системе отношений также оказывают влияние три внешних фактора:

1. Фактор международного (и регионального) сотрудничества. В данном случае имеется в виду двустороннее взаимодействие между рассматриваемой страной и другими странами региона, либо находящимися за пределами региона, если они значимы. В общем виде на положение государства влияют его политические контакты, экономические, социокультурные связи с другими, в первую очередь, пограничными странами, сотрудничество при работе над совместными проектами, в том числе в сфере безопасности и обороны. Для положения страны может быть значимо её сотрудничество не только с другими государствами, но также и с политическими, общественными, религиозными движениями на территории других стран;

2. Фактор международных обязательств. Этот фактор близок к предыдущему и подразумевает влияние на положение и внешнюю политику страны её членства в различных международных организациях, включая региональные и глобальные, участия в разного рода коллективных договорах, подобных Договору о нераспространении ядерного оружия, а также – в отдельных случаях – наличия у рассматриваемой страны статуса наблюдателя или кандидата для присоединения к международной организации.

Следует отметить, что если фактор международного сотрудничества в большей степени характеризует возможности страны, то фактор международных обязательств тесно связан с ограничениями политико-правового характера, обычно фиксируемыми в уставе или заменяющем устав документе организации;

3. Фактор международного соперничества. В условиях общей взаимосвязанности глобального политического и экономического пространства в XXI веке положение государства существенно зависит от его соперничества с другими странами региона, которое может принимать различные формы: от экономической конкуренции, санкций, блокады до вооружённого противостояния.

Применительно к региональному положению Катара первый фактор данной модели – фактор обладания ресурсами – важен в контексте наличия у Катара существенных энергетических, финансовых и медийных (как частный случай информационных) ресурсов. Катарская экономика основана на добыче и переработке природного газа и нефти, при этом продажа природного газа с крупного шельфового месторождения Северное выступает главной статьёй дохода для катарского бюджета. По оценкам специалистов, месторождение Северное имеет достаточные запасы природного газа для обеспечения катарской экономики на 130 лет (24,7 трлн. куб.м., около 12,5% мировых запасов газа³⁵²), а также на торговлю им как с Европой (где на долю поставок из Катара приходится около половины всего европейского СПГ), так и с Азией. Важными конкурентными преимуществами Катара в энергетической сфере выступают возможность увеличения производства газа на построенных заводах компании Qatargas, наличие у Катара собственного танкерного флота под управлением компании Nakilat, а также низкая цена за природный газ за счёт небольших издержек на добычу и перевод его в сжиженное состояние, при этом увеличение добычи и экспорта природного газа является общей тенденцией для стран

³⁵² Кузнецов Р.С., Славецкая Н.С., Тумарова Т.Г. Катар на европейском рынке сжиженного природного газа // Вестник Института экономики РАН. – 2020. – № 3. – С. 88-98.

Персидского залива последних лет³⁵³, что обусловлено ростом мирового спроса на газ как на экологичное топливо.

Природный газ как ресурс уже позволил Катару стать лидером на региональном газовом рынке, начать реализацию проекта The Dolphin project³⁵⁴, в рамках которого постоянными импортёрами катарского газа стали Оман и ОАЭ (так, ежегодно Катар поставляет в ОАЭ по трубопроводу, функционирующему на базе Соглашения о транспортировке газа 2004 года³⁵⁵, более 20 млрд. куб. м. природного газа³⁵⁶). Доля сжиженного природного газа в катарском экспорте составляет около 40%, при этом более 80% СПГ поставляется в азиатские страны, в первую очередь – в Японию и Южную Корею (по 17%), Индию (12%), Китай (11%), Сингапур (8%).³⁵⁷ Согласно опубликованному Международным газовым союзом отчёту по сжиженному природному газу за 2018 год³⁵⁸, несмотря на блокаду, Катар сохранил свои позиции в качестве крупнейшего в мире экспортёра СПГ в 2017 году; объявил о заключении крупной сделки по поставкам сжиженного природного газа в Китай на ближайшие двадцать лет (3,4 млн. тонн в год), что улучшило положение Катара как значимого экспортёра природного газа в долгосрочной перспективе. В 2018 году Катар экспортировал 125 млрд. куб. м. газа, в основном – как СПГ, в Азию, при этом государственная компания Qatar Petroleum, в ведении которой находятся добыча и переработка нефти и природного газа в рамках проектов Qatargas и RasGas, заявила о намерении увеличить мощности по сжижению газа в стране на 43%. Следует отметить, что в

³⁵³ Имангожина З.А., Ниязбекова Ш.У. Международное экономическое сотрудничество стран Персидского залива в газовом секторе // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2019. – № 1 (28). – С. 15-20.

³⁵⁴ Хайруллин Т.Р. Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2018.

³⁵⁵ Agreement between the Government of the State of Qatar and the Government of the United Arab Emirates Relating to the Transmission of Gas by Pipeline Between the State of Qatar and the United Arab Emirates, September 2004. // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://www.almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=1483&language=en> (accessed: 23.09.2022)

³⁵⁶ Курдин А., Пих С. Энергетическая политика Катара: стратегия поставок СПГ на европейский и азиатский рынки // ТЭК России. – 2016. – № 7. – С. 14-19.

³⁵⁷ Жилина И.Ю. Провал экономической блокады Катара // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Серия 2. Экономика: Реферативный журнал. – 2020. – № 2. – С. 41-52.

³⁵⁸ Selmi R. Arab geopolitics in turmoil: Implications of Qatar-Gulf crisis for business // International Economics. – 2020. – Vol. 161. – P. 100-119.

разработке газовых месторождений Катара участвуют известные международные компании Exxon Mobil, Total, Shell, Conoco Phillips.

Энергетическая сфера Катара имеет значение при принятии руководством страны внешнеполитических решений, обусловленных блокадой. Так, Министерство энергетики Катара объявило о выходе Катара из ОПЕК 1 января 2019 года, так как это решение «отражает стремление Катара сосредоточить свои усилия на планах по развитию и увеличению добычи природного газа с 77 миллионов тонн в год до 110 миллионов тонн в ближайшие годы»³⁵⁹, при этом основными и понятными всем наблюдателям и исследователям причинами ухода Катара стали начавшийся в 2017 году кризис в ССАГПЗ, спор Катара с фактическим лидером ОПЕК Саудовской Аравией и намерение Катара проводить не только более независимую внешнюю политику, но также и независимую энергетическую политику. Хамад бин Джасим бин Джабер Аль Тани, занимавший должность премьер-министра Катара в 2007-2013 годах, прокомментировал это так: «Оставить ОПЕК – это правильное решение, так как она стала бесполезной организацией, которая ничего не прибавляет нам и используется исключительно в целях, которые наносят ущерб нашим национальным интересам»³⁶⁰.

Существенные запасы энергетических ресурсов обуславливают наличие у Катара и значительных финансовых ресурсов, позволяющих ему участвовать в различных проектах за пределами своих границ, инвестировать в экономику других стран и вкладывать средства в улучшение своего политического имиджа. В этом контексте особое значение имеет демонстрация Катаром устойчивости и развитости своей экономики как одно из условий регионального лидерства: в частности, как справедливо отмечает Э. Касаев³⁶¹, современный Катар характеризуют его промышленные и строительные достижения, оплата

³⁵⁹ Gross S., Ghafar A.A. Qatar breaks up with OPEC // The Brookings Institution. 2018. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/12/05/qatar-breaks-up-with-opec-its-not-you-its-me/> (accessed: 16.07.2020).

³⁶⁰ Gross S., Ghafar A.A. Qatar breaks up with OPEC // The Brookings Institution. 2018. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/12/05/qatar-breaks-up-with-opec-its-not-you-its-me/> (accessed: 16.07.2020).

³⁶¹ Касаев Э. Успехи и амбиции «Мощного карлика» // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 8 (266). – С. 151-159.

образовательных и медицинских услуг гражданам за счёт государства, поощрение им обучения катарцев в ведущих зарубежных университетах, развитие транспорта и банковского дела, а также готовность зарубежных компаний инвестировать средства в проекты опреснения воды, альтернативной энергетики, проведение в Катаре крупных международных мероприятий культурного и спортивного характера. Катар также является одним из крупнейших региональных финансовых центров, в основном, благодаря действующему на его территории особому правовому режиму³⁶², разработанному по британской модели и действующему с учётом принципов и норм современного международного права.

Актуализация роли Катара, как одного из наиболее активных поставщиков природного газа стала заметна на фоне стремительного ухудшения российско-европейских отношений. Проблема устойчивого и надежного снабжения нефтью и газом, вызвала напряженность в отношениях между Россией и ЕС еще с 2014 года, в частности, в контексте факторов урегулирования поставок, осложненных санкционным давлением Запада, что обострилось в силу начала СВО на Украине с февраля 2022 года. В контексте практически полной заморозки энергетического диалога с Россией в ЕС идет процесс пересмотра всей системы энергетической безопасности в экстренном порядке. В связи с этим Европа рассчитывает на роль, прежде всего, ближневосточных и арабских стран как надежных поставщиков энергетических ресурсов. Очевидно, что это повлечет за собой переформатирование энергетических и экономических отношений. В этом контексте снижение зависимости от российского газа, вероятно, приведет к увеличению спроса на катарский природный газ. В 2020 году ЕС импортировал из Катара около 2,3 млрд. кубометров сжиженного природного газа; в феврале 2021 года показатели импорта газа из Катара в Европу составили около 827 млн. кубометров, а уже апреле 2022 года ЕС импортировал из Катара более 1,9 млрд.

³⁶² Рассказов Д.А. Формирование и развитие международных финансовых центров: теория и мировые сопоставления: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.01. – М., 2017.

кубометров сжиженного природного газа³⁶³. Таким образом, Катар уже отвечает за значительную часть импорта сжиженного природного газа в Европу.

Согласно публичным заявлениям министра энергетики Катара, около 10-15 % катарского экспорта газа являются реверсивными и гипотетически могут поставляться в Европу³⁶⁴. Практические результаты таких заявлений также заметны – большинство развитых стран ЕС уже заключили соглашения с Катаром на обеспечение поставок природного газа. Например, в мае 2022 года Катар и Германия подписали декларацию об углублении своего энергетического партнерства с упором на торговлю водородом и сжиженным природным газом³⁶⁵. В июне 2022 года государственная газовая компания Катара «QatarEnergy» подписала контракт с итальянской энергетической компанией «Eni» в качестве своего второго партнера в крупнейшей в мире программе расширения добычи сжиженного природного газа, укрепив свою позицию лидера крупнейшего мирового экспортера топлива³⁶⁶. В сентябре 2022 года крупнейшая французская энергетическая компания «TotalEnergies» подписала новое инвестиционное соглашение о расширении производства природного газа в Катаре, при этом, французский энергетический гигант будет иметь 9,3 % долю в катарском газовом проекте «North Field South», став первым иностранным партнером в этой части обширного месторождения³⁶⁷.

В целом, Катар может добиться большего, чем просто краткосрочные дипломатические выгоды от поддержки ЕС во время экономического и энергетического кризиса. Долгосрочная поддержка Катара может укрепить его репутацию как надежного стратегического партнера ЕС, если в среднесрочной

³⁶³ Monthly imports of liquefied natural gas (LNG) from Qatar to the European Union (EU-27) from May 2020 to April 2022. // Statista. 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1288243/monthly-lng-imports-from-qatar-to-the-eu/> (accessed: 25.09.2022)

³⁶⁴ Qatar may gain as Europe diversifies from Russian gas: S&P Global // The Peninsula. 2022. URL: <https://thepeninsulaqatar.com/article/17/03/2022/qatar-may-gain-as-europe-diversifies-from-russian-gas-sp-global> (accessed: 23.09.2022)

³⁶⁵ Germany, Qatar sign energy partnership agreement // Al Jazeera. 2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/5/20/germany-qatar-sign-energy-partnership-agreement> (accessed: 23.09.2022)

³⁶⁶ Qatar signs Italy's Eni as second partner in LNG expansion after cementing lead as top exporter // S&P Global. 2022. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/energy-transition/061922-qatar-signs-italys-eni-as-second-partner-in-lng-expansion-after-cementing-lead-as-top-exporter> (accessed: 24.09.2022)

³⁶⁷ TotalEnergies invests \$1.5bn in Qatar gas expansion project // Al Jazeera. 2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/9/24/french-oil-giant-signs-new-natural-gas-deal-with-qatar> (accessed: 26.09.2022)

перспективе он станет более структурным поставщиком энергии. Главная государственная газовая компания Катара «QatarEnergy» также может извлечь выгоду из диверсификации направлений экспорта газа и найти рынок для значительного увеличения добычи газа на Северном месторождении, запуск которого запланирован на 2027 год³⁶⁸. Хотя есть и другие экспортеры природного газа, которые способны снабжать Европу необходимыми ресурсами, стоит полагать, что именно относительная близость Катара к Европе и более низкие производственные затраты на поставки могут обеспечить конкурентное преимущество по сравнению с поставщиками из других стран.

Активное развитие энергетического партнерства между Катаром и Европой может способствовать дальнейшему расширению «географии» катарского энергетического присутствия на европейском пространстве, что также предполагает долгосрочную ориентированность сторон на развитие стабильного и, что важно, прогнозируемого партнерства. С другой стороны, вполне естественно, что данный аспект не может в полной мере соответствовать интересам Российской Федерации, однако учитывая тот факт, что в современных условиях геополитической пертурбации, ситуация во всех сферах, включая энергетику, меняется крайне стремительно, в долгосрочной перспективе также сохраняется возможность возобновления сотрудничества между РФ и ЕС в энергетической сфере³⁶⁹.

Вместе с тем, необходимо отметить, что заместить российский трубный газ за счёт поставок СПГ может не только Катар, но и США, которые также уже приложили к этому значительные усилия. Учитывая это обстоятельство и исключительную военную роль США в регионе Персидского залива, представлялось крайне маловероятным, что Катар решился бы составить критическую конкуренцию США на газовом рынке Европы. В целом, к началу

³⁶⁸ Queidat R., Cullinan T. EU Gas Diversification Could Bring Longer-Term Benefits For Qatar // Energy Connects. 2022. URL: <https://www.energyconnects.com/opinion/thought-leadership/2022/march/eu-gas-diversification-could-bring-longer-term-benefits-for-qatar/> (accessed: 23.09.2022)

³⁶⁹ Васецова Е. С., Егоров И. С. Сотрудничество Государства Катар и Российской Федерации в контексте региональных противоречий // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. — 2020. — № 3. — С. 38–50.

2024 года эта тенденция окончательно оформилась: доля российского газа на европейском рынке в 2022-2023 годах опустилась до уровня в 10-13%, в то время как США нарастили поставки до 42-45%, а Катар до 15-17%, весьма дальновидно не претендуя на основной и немедленный бонус от разрыва отношений между Россией и ЕС³⁷⁰. Более того, Катара с самого начала СВО стремится заключить с европейскими странами не спотовые, а долгосрочные контракты на относительно небольшую часть европейского газового рынка, которые могут обеспечить выполнение стратегических целей Катара (см. параграф «Нормативно-правовые основы внешней политики Катара»). Так, в октябре 2023 года были подписаны долгосрочные контракты, рассчитанный на 27 лет, на поставку СПГ: в Италию с энергетической компанией Eni³⁷¹, в Голландию с Shell и во Францию с TotalEnergies³⁷². Все они рассчитаны на постепенное расширение мощностей по приёму СПГ в Европе и развитие Северного месторождения в Персидском заливе. Необходимо отметить, что европейские страны долгое время (более года) не хотели заключать подобные соглашения, но на фоне уже озвученных политических решений о полном отказе от сотрудничества с РФ в газовой и нефтяной сфере предпочли согласиться с выгодными Катару условиями (при этом понимая, что таким образом они диверсифицируют полную зависимость от нового главного поставщика – США – прим. авт.).

Для сохранения лидирующих позиций в финансовой сфере Катар, как и другие развитые страны Персидского залива, зависящие от доходов от продажи нефти и природного газа, предпринимает меры по диверсификации экономики и преодолению этой зависимости. В частности, одной из тенденций последнего десятилетия стало обращение к туризму в качестве альтернативной стратегии роста Катара, Объединённых Арабских Эмиратов и Бахрейна. Все три

³⁷⁰ Д. Меджидова. Хрупкий баланс: как складывалась ситуация на рынках природного газа в уходящем году. Отраслевое интернет-издание «ИнфоТЭК». 27.12.2023 URL: <https://itek.ru/analytics/hrupkij-balans/> (дата обращения: 15.02.2024).

³⁷¹ Qatar Energy signs 27 years LNG supply deal with Italy's Eni. Middle East Monitor. 26.10.2023 URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20231026-qatar-energy-signs-27-years-lng-supply-deal-with-italys-eni/> (accessed: 15.02.2024).

³⁷² Qatar supplies gas to Europe, vying with US to replace Russia supply. Reuters. 18.10.2023 URL: <https://www.reuters.com/markets/commodities/qatarenergy-shell-agree-27-year-lng-supply-2023-10-18/> (accessed: 15.02.2024).

государства характеризуются интенсивной урбанизацией, включающей строительство торговых центров, крупных жилых комплексов и жилых комплексов класса люкс; они сосредоточили своё внимание на формах туризма связанных с роскошью, включая шопинг-туризм, медицинский туризм, спортивный туризм, мегасобытия, МІСЕ-туризм (деловой туризм), что, в свою очередь, привело к расширению возможностей авиационных транспортных узлов и международных авиакомпаний (Qatar Airways, Etihad и Emirates в настоящее время входят в число лучших авиакомпаний мира)³⁷³.

Развитая экономика, позволяющая катарской элите иметь в своём распоряжении значительные финансовые ресурсы, закономерно стимулирует её амбиции³⁷⁴ в борьбе за региональное лидерство. Значимым ресурсом, важным для достижения этой цели, наряду с энергетическим и финансовым, является медийный ресурс и готовность руководства Катара содержать и поддерживать крупную медиакомпанию «Аль-Джазира», представляющую собой первый новостной спутниковый панарабский телеканал на Ближнем Востоке и в Северной Африке, вещающий с ноября 1996 г. и имеющий развитую корреспондентскую сеть³⁷⁵. Как отмечают исследователи³⁷⁶, «Аль-Джазира», позволившая Катару расширить своё влияние на Ближнем Востоке и за его пределами, помогает ему противостоять внешней политике своих территориально более крупных партнёров в ССАГПЗ и вести свою независимую внешнюю политику. Прямое финансирование от правящей семьи Катара освободило «Аль-Джазирu» от необходимости задумываться о финансовой конкуренции на медийном рынке, с которой обычно сталкивается кабельное телевидение. «Аль-Джазира выпускает альтернативные типичным для региона цензурированным государственным СМИ репортажи о массовых протестах и движениях, за которые Саудовская Аравия, Объединённые Арабские Эмираты, Египет и Бахрейн

³⁷³ Timothy D.J. Tourism Trends in the MENA Region // In IEMed. Mediterranean Yearbook, 2019. – P. 322-325.

³⁷⁴ Касаев Э. Катар – активный спонсор «Арабской весны»: предпосылки, последствия и Российский фактор // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 3 (273). – С. 123-134.

³⁷⁵ Салман А.С.С. Солнце «Аль-Джазиры» заходит в Сирии // Вестник ВГУ. Серия: филология. Журналистика. – 2018. – № 4. – С. 97-99.

³⁷⁶ Laub Z. How Al Jazeera Amplifies Qatar's Clout // The Council on Foreign Relations (CFR). 2017. URL: <https://www.cfr.org/background/how-al-jazeera-amplifies-qatars-clout> (accessed: 16.07.2020).

обвиняют её в подстрекательстве к терроризму. На эти претензии редакция выдвигает встречные обвинения этим странам в попытках уничтожить свободу выражения мнений в регионе. Принимая решение о создании «Аль-Джазиры», шейх Хамад бин Халифа Аль Тани поставил перед журналистами задачу организовать подготовку для панарабской аудитории смелых программ и журналистских расследований, которые откроют «катарской точке зрения вход в арабские дома»³⁷⁷.

На всех территориях ближневосточного региона, где катарское государство и элита имеют особый интерес, «Аль-Джазира» отражает³⁷⁸ этот интерес и императивы государственной внешней политики Катара. С начала блокады Катара в 2017 года «Аль-Джазира» стремилась завоевать симпатию и поддержку населения в регионе, а также использовать любые поводы для критики и осуждения участвующих в блокаде государств. К примеру, журналисты «Аль-Джазиры» подробно описывали³⁷⁹ негативные последствия решения ОАЭ закрыть больницу в Сомали, подробно освещали протесты в Судане в апреле 2019 году и критиковали поддержку Саудовской Аравии и ОАЭ, оказанную ими переходному военному совету, сообщали о гуманитарной катастрофе в Йемене, спровоцированной начатой Саудовской Аравией войной³⁸⁰. Существенное внимание уделялось журналистами ситуации с нарушением прав человека в Саудовской Аравии, Бахрейне и ОАЭ – в ответ на их действия Бахрейн заявил о необходимости судебного преследования «Аль-Джазиры» за репортажи о пытках политических заключённых в бахрейнских тюрьмах; Саудовская Аравия и ОАЭ использовали свои ведущие телеканалы «Аль-Арабия» и «Скай-Араб» для

³⁷⁷ Laub Z. How Al Jazeera Amplifies Qatar's Clout // The Council on Foreign Relations (CFR). 2017. URL: <https://www.cfr.org/backgrounders/how-al-jazeera-amplifies-qatars-clout> (accessed: 16.07.2020).

³⁷⁸ Pourhamzavi K., Pherguson P. Al Jazeera and Qatari Foreign Policy: A Critical Approach // Journal of Media Critiques. – 2015. – Vol. 1. – № 2. – P. 11-27.

³⁷⁹ Intra-Gulf Competition in Africa's Horn: Lessening the Impact // Report № 206 International Crisis Group. 2019. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/206-intra-gulf-competition-africas-horn-lessening-impact> (accessed: 16.07.2020).

³⁸⁰ Intra-Gulf Competition in Africa's Horn: Lessening the Impact // Report № 206 International Crisis Group. 2019. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/206-intra-gulf-competition-africas-horn-lessening-impact> (accessed: 16.07.2020).

организации встречной медийной кампании; Иордания закрыла офис «Аль-Джазиры» под давлением Саудовской Аравии³⁸¹.

На положение Катара в регионе оказывают влияние не только фактор обладания значимыми энергетическими, финансовыми и медийными ресурсами, но также фактор дефицита ресурсов, причём в данном случае с внешнеполитической точки зрения особенно важны недостаточные объёмы собственных продовольственных ресурсов и военной силы по сравнению с другими странами региона. В отношении продовольствия необходимо отметить, что из-за малых запасов водных ресурсов и засушливых земель Катар на протяжении многих лет импортировал до 90% продовольствия, 40% которого поступало через сухопутную границу с Саудовской Аравией³⁸². Дефицит плодородных почв и засушливый климат существенно осложняют возможность Катара обеспечить жителей продовольствием в полном объёме и способствуют его зависимости от постоянных поставок из-за рубежа³⁸³. Продовольственная блокада, первоначально организованная Саудовской Аравией, Бахрейном, ОАЭ и Египтом в 2017 году, вынудила Катар к пересмотру внешней политики в пользу нового приоритета – поиска альтернативных поставщиков продовольствия, и в этих условиях оказать помощь ему согласились Иран и Турция (Иран – в виде отправки 360 тонн продуктов питания морским и воздушным путями в марте-октябре 2017 года, Турция организовала прямые поставки в Катар продуктов питания, для чего было принято решение о расширении международного аэропорта Hamad и имеющейся инфраструктуры для длительного хранения продовольствия³⁸⁴).

Блокада 2017 года и невозможность покрыть дефицит продовольствия имевшимися путями привели к новому этапу в развитии отношений между

³⁸¹ Алмашакбех С.С.С. Медиа-дискурс «Аль-Джазиры» после кризиса осады Катара (на примере йеменского и сирийского конфликтов) // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6 (73). – С. 639-640.

³⁸² Almohamadi S.F. Qatar dispute exposes regional food-security failures // International Institute for Strategic Studies (IISS). 2017. URL: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2017/08/qatar-food-insecurity> (accessed: 16.07.2020).

³⁸³ Исаев В.А., Филоник А.О. Продовольственная проблема в арабских странах в свете вызовов «зелёной» экономики // Мир новой экономики. – 2020. – № 1. – С. 34-43.

³⁸⁴ Жилина И.Ю. Провал экономической блокады Катара // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Серия 2. Экономика: Реферативный журнал. – 2020. – № 2. – С. 41-52.

Катаром и африканскими странами³⁸⁵. В частности, блокада вынудила Катар пересмотреть жизненно важные маршруты поставок продуктов, Судан и Эфиопия допустили катарских инвесторов до реализации проектов по использованию пахотных земель, которые могут повысить уровень продовольственной безопасности Катара уже в среднесрочной перспективе, на Африканском Роге Катар увидел дополнительные возможности экономического роста.

Фактор дефицита собственных продовольственных ресурсов приобрёл особую значимость для внешней политики Катара с 2017 года. Вместе с тем, дефицит военной силы, неготовность (либо невозможность) создать и обеспечить армию, сопоставимую по своей военной мощи, к примеру, с армиями Саудовской Аравии или Ирана, являются постоянно действующим детерминантом положения Катара в системе региональных отношений. Несмотря на готовность тратить до 10%³⁸⁶ ВВП на военные нужды, имеющиеся у Катара военные силы с профессиональной точки зрения остаются в лучшем случае посредственными³⁸⁷, при этом самыми крупными кораблями катарского флота являются ракетные корабли типа «Барзан», построенные британской фирмой Vosper Thornycroft еще в 1990-х годах.

Необходимо отметить, что Катар не демонстрирует намерения усилить свою армию настолько, чтобы гарантировано превзойти своих конкурентов в регионе. Это заметно по тому, что, к примеру, военный бюджет Катара в 2018 году был значительно ниже показателей соседних государств (в 2,5 раза ниже показателей Кувейта, в 7 раз ниже показателей ОАЭ и в 28 раз ниже показателей Саудовской Аравии, по расходам на армию Катару в ССАГПЗ уступает лишь

³⁸⁵ Intra-Gulf Competition in Africa's Horn: Lessening the Impact // Report № 206 International Crisis Group. 2019. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/206-intra-gulf-competition-africas-horn-lessening-impact> (accessed: 16.07.2020).

³⁸⁶ Cordesman A.H. The Gulf and the Challenge of Missile Defense: Net Assessment Indicators // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/gulf-and-challenge-missile-defense-net-assessment-indicators> (accessed: 15.07.2020).

³⁸⁷ Barany Z. Military Officers in the Gulf: Career Trajectories and Determinants // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2019. URL: <https://www.csis.org/analysis/military-officers-gulf-career-trajectories-and-determinants> (accessed: 15.07.2020).

Бахрейн³⁸⁸). Катар также обладает самой малочисленной армией по составу военнослужащих в Персидском заливе, а потому в данном случае дефицит военной силы является существенным основанием для участия Катара в военных союзах с другими государствами (такими, как США) и для военно-политического сотрудничества.

Внутренние и внешние факторы, детерминирующие положение государства в системе региональных отношений, тесно связаны между собой, а потому фактор наличия у Катара значимых энергетических, финансовых и медийных ресурсов, а также фактор дефицита у него же собственных продовольственных ресурсов и военной силы обуславливают необходимость развития партнёрских отношений с широким кругом государств. На положение Катара в регионе постоянно влияет фактор сотрудничества Катара с Китаем (для которого крайне значим регион Персидского залива как источник энергетических ресурсов, на который приходится 55% китайского импорта нефти³⁸⁹), с Европейским союзом (вследствие чего ЕС активно участвовал в разрешении Катарского дипломатического кризиса, задействовав для этой цели Департамент реагирования на кризисы и оперативной координации Европейской службы внешних связей, свою Кризисную платформу, двусторонние контакты со всеми участниками кризиса и другие механизмы³⁹⁰), с Россией (которая стремится расширить деятельность своих крупных энергетических компаний в странах Ближнего Востока и уже подписала ряд соглашений с организацией ССАГПЗ и государствами ССАГПЗ, договорилась о военно-техническом сотрудничестве с Катаром в октябре 2017 года и поставках эмирату стрелкового оружия, гранатомётов и противотанковых ракетных комплексов «Корнет» в 2018 году,

³⁸⁸ Кожемяк Н. Современное состояние армии Катара // Российский совет по международным делам. 25.09.2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennoe-sostoyanie-armii-katara/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 16.07.2020).

³⁸⁹ Ильминская М.Ф. Регион Персидского залива как зона геополитических интересов Китая // Вестник РУДН, серия Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 152-161.

³⁹⁰ Михайленко В.И., Успенских Т.А. Политика ЕС в отношении Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива // Современная Европа. – 2019. – № 5 (91). – С. 35-45.

обсуждалась возможность поставок в Катар ракетных комплексов С-400³⁹¹), однако наиболее значимым внешним партнёром Катара на протяжении десятилетий выступают Соединённые Штаты, что тесно связано с проблемой безопасности.

США заинтересованы в сохранении влияния на ключевые арабские государства для обеспечения своего политического и военного присутствия на Ближнем Востоке³⁹², при этом президенты США, особенно начиная с администрации Д. Трампа, выступают в пользу уменьшения союзнических обязательств США в регионе, по возможности – без явных репутационных потерь³⁹³. С 2018 года США активно продвигает и обсуждает³⁹⁴ с потенциальными участниками идею создания Ближневосточного стратегического альянса (Middle East Strategic Alliance, MESA) как объединения стран-членов ССАГПЗ, Иордании и Египта (а также, по возможности, Марокко, Судана и Сенегала) в военно-политический блок по аналогии с Североатлантическим альянсом, при этом Израиль и США, не имеющие членства в этом блоке, тем не менее, будут оказывать его членам содействие в военно-технической, организационной и разведывательной сферах. Основной целью альянса должно стать «сдерживание иранской агрессии»³⁹⁵ на Ближнем Востоке и поддержание стабильности в регионе.

Вместе с тем несмотря на то, что катарский кризис и связанный с ним раскол в ССАГПЗ препятствовали реализации описанной идеи «арабского НАТО», военно-техническое сотрудничество Катара с США на данный момент

³⁹¹ Кожемяк Н. Современное состояние армии Катара // Российский совет по международным делам. 25.09.2018. URL: https://russianscouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/sovremennoe-sostoyanie-armii-katara/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 16.07.2020).

³⁹² Кудряшов А.В. НАТО и арабские монархии Персидского залива: развитие военного сотрудничества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 99-106.

³⁹³ Хлопов О.А. Внешняя политика США на Ближнем Востоке: традиции и возможные изменения // Наука без границ. – 2019. – № 10 (38). – С.55-63.

³⁹⁴ Боровков И.И., Косарев В.А., Виловатых А.В., Глазова А.В., Михайлов С.А., Алхименков М.А., Кравченко И.Ю. Политика администрации Д. Трампа на Ближнем Востоке как отражение лозунга «Америка прежде всего» // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 2 (53). – С. 11-51.

³⁹⁵ Сажин В. «Арабская НАТО» – реальность или миф? // Международная жизнь. 2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21718> (дата обращения: 16.07.2020).

находится на высоком уровне³⁹⁶, в том числе в области разведки и безопасности, материально-технического обеспечения американских войск и военного базирования. Авиабаза США Аль-Удейд, расположенная в Катаре за пределами Дохи, является одной из крупнейших американских баз в мире и местом, откуда Центральное командование США руководило военными кампаниями в Ираке и Афганистане и проводило кампанию против ИГИЛ. Помимо этого, Катар обеспечивает информационную поддержку американской политике на Ближнем Востоке и последовательно снижает уровень антиамериканских настроений в регионе за счёт использования телеканала «Аль-Джазира», выступает в качестве посредника при переговорах с радикальными исламистскими группами, что повышает его значимость для США³⁹⁷. Вывод американских войск из Афганистана в 2021 году только углубил американо-катарские отношения: катарцы согласились быть официальным представителем США в Афганистане, а США передислоцировали свой дипломатический персонал из Афганистана в Катар, эмират также стал главным транзитным пунктом для эвакуации афганцев по пути в США. Важную роль эмирата для США в афганском вопросе также подчеркнул Госсекретарь США Э. Блинкен в августе 2022 года на встрече с министром иностранных дел Катара шейхом Мохаммедом бин Абдулрахман Аль-Тани: «Катар – крупный союзник, не входящий в НАТО, но наряду с этим, действительно наш партнер в попытке справиться со многими из самых неотложных проблем, с которыми мы сталкиваемся во всем мире»³⁹⁸.

Об устойчивости катарско-американского сотрудничества свидетельствует то обстоятельство, что, несмотря на катарский дипломатический кризис и противостояние Катаром с одним из основных союзников США на Ближнем Востоке – Саудовской Аравией, уже в январе 2018 года Катар и США подписали

³⁹⁶ Cook S. Untangling the Qatar Kerfuffle // The Council on Foreign Relations (CFR). 2017. URL: <https://www.cfr.org/blog/untangling-qatar-kerfuffle> (accessed: 16.07.2020).

³⁹⁷ Гукасов А.В. Место и роль Саудовской Аравии и Катара в ближневосточной политике США // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2014. – № 12. – С. 79-83.

³⁹⁸ Blinken thanks Qatar for continued assistance with Iran diplomacy // Arab News. 2022. URL: <https://www.arabnews.com/node/2136186/middle-east> (accessed: 30.09.2022)

совместное заявление по итогам первого американо-катарского стратегического диалога. В этом документе³⁹⁹ содержались положения о том, что:

- США и Катар намерены углублять двустороннее стратегическое сотрудничество, выступают за разрешение кризиса в ССАГПЗ при уважении к суверенитету Катара и считают необходимым существование сильного ССАГПЗ;
- Катар, использующий свои фонды для приобретения военных систем, стимулирует американскую военную экономику (создал в ней более 110 тыс. рабочих мест с 2014 года) и готов финансировать расширение американской военной базы на своей территории;
- Катар и США готовы к реализации новых программ по борьбе с терроризмом, к активизации двусторонней торговли и инвестиционного сотрудничества⁴⁰⁰.

После подписания соглашения о стратегическом диалоге Д. Трамп предложил лидерам ССАГПЗ провести переговоры в Кэмп-Дэвиде в мае 2018 года (встреча была перенесена на начало 2019 года), он регулярно призывал к примирению участников катарского кризиса⁴⁰¹.

Признавая важность Соединенных Штатов, Катар использовал свое влияние в политическом истеблишменте США, чтобы вызвать изменение изначально положительного к бойкоту Катара тона администрации Д. Трампа. Это можно считать неотъемлемой частью внешнеполитических возможностей Катара, позволяющей влиять на результаты в свою пользу, что можно рассматривать как «острую силу»⁴⁰². Например, как уже было отмечено ранее, именно Катар был первым государством Персидского залива, подписавшим меморандум о взаимопонимании с США вскоре после начала дипломатического кризиса.

Кроме того, Катар использовал свой статус ключевого игрока в посредничестве по важным вопросам перед Государственным департаментом

³⁹⁹ Joint Statement of the Inaugural United States-Qatar Strategic Dialogue // U.S. Department of State. 30.01.2018. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-of-the-inaugural-united-states-qatar-strategic-dialogue/> (accessed: 16.07.2020).

⁴⁰⁰ Графов Д.Б. Лоббирование интересов Катара в США и катарский дипломатический кризис // Вестник МГИМО университета. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 183-204.

⁴⁰¹ Глазова А.В. Роль США в катарском кризисе: политические риски для региона // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 1 (52). – С. 98-109.

⁴⁰² Kamrava M. Qatar: Small State, Big Politics. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2013.

США. В то время департамент возглавлял госсекретарь Р. Тиллерсон, бывший генеральный директор американской нефтяной компании «ExxonMobil». Ввиду значительного партнерства последней с «Qatar Petroleum» Р. Тиллерсон «больше, чем кто-либо другой в США, признал истинную ценность катарского партнерства»⁴⁰³.

Более того, Катар оказался абсолютно незаменим для США в налаживании хотя бы опосредованных контактов и договорённостей между Израилем и ХАМАС после 7 октября 2023 года, когда нападение этой организации на границах с Сектором Газы района дало старт самому тяжёлому и кровопролитному конфликту с 1948 года. Катар стремится показать свою ключевую роль в ближневосточном урегулировании и, более того, ещё в конце ноября 2023 года смог преуспеть в установлении режима прекращения огня, которое, впрочем, продлилось всего несколько дней. Саудовская Аравия и ОАЭ на этом треке остались явно на втором плане.

Вторым значимым партнёром Катара в контексте его региональной политики и регионального положения выступает Турция, существенно активизировавшая сотрудничество с Катаром и со странами ССАГПЗ в целом в последнее десятилетие. Ранее этому препятствовали выраженная европейская ориентация Турции, а также, как отмечает А.В. Глазова⁴⁰⁴, различия в политических системах и память об историческом опыте османского наследия. Турция последовательно усиливает свою региональную роль, что, с позиции Катара, является решающим фактором, позволяющим ему сохранить свою независимость. На государственном уровне Катар считает⁴⁰⁵ Турцию ответственной и заинтересованной региональной державой, которая, как и Катар, поддерживает защиту прав человека, демократию и ответственность в арабском мире, в отличие от контрреволюционного саудовского лагеря, стремящегося

⁴⁰³ Qatar Has Shown Remarkable Resilience to Withstand Gulf Crisis: Expert Tells QT. // Qatar Tribute. 2018. URL: <https://www.qatar-tribune.com/news-details/id/110281> (accessed: 25.09.2022)

⁴⁰⁴ Глазова А.В. Турция – монархии Персидского залива: политические разногласия и экономические интересы // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 1 (690). – С. 11-15.

⁴⁰⁵ Cook S., Ibish H. Turkey's Resurgence as a Regional Power Confronts a Fractured GCC // The Arab Gulf States Institute in Washington (AGSIW). Issue Paper № 9. December 18, 2019. URL: https://agsiw.org/wp-content/uploads/2019/12/Steve-Cook_Ibish_Turkey_ONLINE.pdf (accessed: 12.07.2020).

сохранить коррумпированный региональный порядок любой ценой. Как отмечает С. Кук⁴⁰⁶, после событий «Арабской весны» и окончания основных боевых действий в Сирии Турция начала рассматривать себя в качестве лидера зарождающегося ближневосточного просуннитского исламистского альянса на фоне уменьшающегося влияния традиционных арабских центров силы, таких как Египет, Сирия и Ирак, при этом раскол в ССАГПЗ позволяет Турции усиливать своё присутствие в Персидском заливе путём расширения и институционализации своего идеологического и стратегического альянса с Катаром.

Не стоит забывать о том, что Катар – это маленькое государство, которое должно поддерживать хрупкий баланс между проецированием влияния и признанием отсутствия автономии в результате его зависимости от более крупных держав. Эта дилемма оставалась «бездействующей» до начала 2010-х годов, когда Соединенные Штаты начали постепенный вывод войск из региона Персидского залива⁴⁰⁷. Если малые государства «концептуализируются» из-за их неспособности обеспечить собственную безопасность, то одним из способов смягчить это является налаживание партнерских отношений в сфере безопасности с более сильными государствами. Таким образом, опасения Катара быть «покинутым» США в сочетании с превращением Турции в региональную державу, особенно после «арабской весны», способствовали укреплению решимости Катара диверсифицировать свои партнерские отношения в сфере безопасности с Турцией⁴⁰⁸. Большая часть безопасности Катара проистекает из покупок военной техники и оборудования у международных игроков и присутствия иностранных военных баз на катарской земле. В особенности этот фактор стал актуален, когда в 2014 году был создан Верховный стратегический

⁴⁰⁶ Cook S., Ibish H. Turkey's Resurgence as a Regional Power Confronts a Fractured GCC // The Arab Gulf States Institute in Washington (AGSIW). Issue Paper № 9. December 18, 2019. URL: https://agsiw.org/wp-content/uploads/2019/12/Steve-Cook_Ibish_Turkey_ONLINE.pdf (accessed: 12.07.2020).

⁴⁰⁷ Hassan I. Between Anarchy and Arms Race: A Security Dilemma in The Persian Gulf // In: Routledge Handbook of Persian Gulf Politics. Ed. M. Kamrava. – L.: Routledge, 2020. – P. 397-416.

⁴⁰⁸ Kucukasci E.S. Entente Cordiale: Exploring Turkey-Qatar Relations. // World Research Centre. 2019. URL: https://www.academia.edu/38468820/Entente_Cordiale_Exploring_Turkey_Qatar_Relations (accessed: 25.09.2022)

комитет Катара и Турции⁴⁰⁹, что проложило путь к формированию полноценного альянса в области безопасности. Катарско-турецкий альянс 2014 года сыграл решающую роль в преодолении внезапных изменений системного давления на Катар. Через два дня после начала кризиса турецкий парламент собрался, чтобы утвердить закон, разрешающий дальнейшее развертывание турецких войск в Катаре в качестве средства сдерживания дальнейшей эскалации со стороны «арабской четверки» против Катара⁴¹⁰. Встав на сторону Катара в то время, когда еще никто не понимал всего масштаба дальнейшего развития кризиса, Турция минимизировала издержки любой дальнейшей эскалации.

Катарско-турецкое сотрудничество включает в себя разные направления. Так, в политическом отношении Катар оказался одним из немногих государств, поддержавших трансграничную операцию Турции на северо-востоке Сирии в октябре 2019 года; прямые иностранные инвестиции Катара в Турцию в период 2005-2018 годов составили 1,6 млрд. долларов⁴¹¹. Существенное значение имеет военный компонент: Катар и Турция заключили соглашение о военном сотрудничестве в 2014 году⁴¹², по условиям которого Турция получила право разместить свои войска на территории Катара на базе Тарик бин Зияд⁴¹³; после объявления блокады 2017 году Турция, помимо поставок продовольствия и лекарств в Катар, объявила о намерении разместить в Катаре часть своего военно-морского флота и военно-воздушных сил, провела серию совместных военных учений с Катаром, направила своих военных инструкторов. В результате

⁴⁰⁹ Joint Agreement for the Establishment of a Supreme Strategic Committee between the State of Qatar and the Republic of Turkey, December 2014 (in Arabic). // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=1952&language=ar> (accessed: 27.09.2022)

⁴¹⁰ Bakir A. The Evolution of Turkey-Qatar Relations Amid a Growing Gulf Divide. // In: Divided Gulf: The Anatomy of a Crisis. Ed. A. Krieg. – L.: Palgrave Macmillan, 2019.

⁴¹¹ Erdemir A., Koduvayur V. Brothers in Arms. The Consolidation of the Turkey-Qatar Axis // Foundation For Defense Of Democracies. December 2019. URL: <https://www.fdd.org/wp-content/uploads/2019/12/fdd-report-brothers-in-arms-the-consolidation-of-the-turkey-qatar-axis.pdf> (accessed: 12.07.2020).

⁴¹² Agreement between the Government of the Republic of Turkey and the Government of the State of Qatar on Cooperation on Military Training, Defense Industry and the Deployment of Turkish Armed Forces in the Land of Qatar, 19 December 2014. (in Turkish) // LEXPERA. Legal Information System. URL: <https://www.lexpera.com.tr/resmi-gazete/metin/turkiye-cumhuriyeti-hukumeti-ile-katar-devleti-hukumeti-arasinda-askeri-egitim-savunma-sanayii-ile-1> (accessed: 27.09.2022)

⁴¹³ Кожемяк Н. Современное состояние армии Катара // Российский совет по международным делам. 25.09.2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennoe-sostoyanie-armii-katara/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 16.07.2020).

существенно усилилось военное присутствие Турции в Катаре и регионе Персидского залива; Катар получил новое вооружение, начал финансировать развитие турецкого военно-промышленного комплекса и оказал финансовую помощь Турции во время финансового кризиса осенью 2018 года, предоставив Турции 15 млрд. долларов на поддержание курса турецкой лиры⁴¹⁴. Катар также уже вышел на второе место по объёму инвестиций в турецкую экономику (20 млрд. долларов), сосредоточив внимание, помимо ВПК, на сельском хозяйстве, туризме, покупке недвижимости и банковском деле.

Наряду с сотрудничеством с рассмотренными странами на региональное положение Катара в XXI веке оказывает влияние его сотрудничество с исламистскими движениями, в первую очередь – с «Братьями-мусульманами». Его связи с данным движением сформировались ещё в 1950-1960-х годах, когда из-за политического преследования исламисты массово переселялись в страны Персидского залива, включая Катар. В этой стране они оказались востребованы в сфере исламского образования, для которой у Катара не хватало квалифицированных кадров, а потому получили поддержку от катарского руководства в преподавании, проведении исследований по исламской проблематике; Катар регулярно приглашал исламистов из-за рубежа для чтения лекций и выступления в катарских медиа⁴¹⁵.

В XXI веке Катар активизировал сотрудничество с исламистами на всем Ближнем Востоке и в Северной Африке, при этом стремясь работать с такими группами совместно с международными партнёрами и союзниками⁴¹⁶: так, например, в Сирии, поддерживая силы, выступающие против Б. Асада, военная разведка Катара с 2014 года тесно сотрудничала с турецкой, британской и американской разведками; рабочие отношения Катара с «Джабхат ан-Нусрой» были сформированы по поручению западных специальных служб с целью отвлечения этой влиятельной группы от «Аль-Каиды»; Катар работал в качестве

⁴¹⁴ Фитин В.П., Иванов С.А., Горбатова В.В., Соснов Г.И., Махмутова М.И., Тарасенко Д.А. Турция и арабский мир: проблемы взаимодействия // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 6 (57). – С. 11-51.

⁴¹⁵ Хайруллин Т.Р. Формирование катарско-турецкого альянса // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 4. – С. 30-35.

⁴¹⁶ Roberts D.B. Reflecting on Qatar's «Islamist» soft power // The Brookings Institution. 2019. URL: <https://www.brookings.edu/research/reflecting-on-qatars-islamist-soft-power/> (accessed: 16.07.2020).

посредника с движением «Талибан», действуя от имени правительства США и при поддержке правительства Германии; Катар развивал отношения с ХАМАС при содействии США и с консультативной помощью от Израиля. С точки зрения исследователя Д.Б. Робертса⁴¹⁷, прагматизм в выборе Катаром «Братьев-мусульман» в качестве основного партнёра среди исламистов обуславливается тем, что у этого движения на Ближнем Востоке практически отсутствуют сопоставимые конкуренты, имеющие такую же длительную историю, сотни тысяч членов, филиалы по всему региону, а также политической практикой Катара, на протяжении десятилетий предоставлявшего исламистам политическое убежище, объясняя это потребностью в кадрах для школ, университетов и правительственных министерств. В результате Катар, запретивший организацию «Братья-мусульмане» на своей территории еще в 1990-х годов, продолжает сотрудничать с ней в других странах Ближнего Востока и оказывать ей финансовую помощь⁴¹⁸.

Четвёртый фактор, имеющий значение для определения положения Катара в регионе, – это фактор международных обязательств. В первой главе диссертации уже рассматривалось участие Катара в работе различных организационных структур, включая учреждения под эгидой ООН, что имеет значение для позиционирования Катара как ответственного участника международных отношений, проявляющего интерес к решению проблем нарушения прав человека, обеспечения устойчивого развития, борьбы с терроризмом, борьбы с изменением климата и пр. В этом же параграфе представляется необходимым рассмотреть участие Катара в ключевой организации для региона стран Персидского залива и одной из ключевых организаций на Ближнем Востоке – Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива, а также связанные с этим участием обязательства и ограничения.

⁴¹⁷ Roberts D.B. Reflecting on Qatar's «Islamist» soft power // The Brookings Institution. 2019. URL: <https://www.brookings.edu/research/reflecting-on-qatars-islamist-soft-power/> (accessed: 16.07.2020).

⁴¹⁸ Демченко Д.А. Религиозный фактор во внешней политике стран Персидского залива: дисс... канд. полит. наук: 23.00.04. – Пятигорск, 2020.

ССАГПЗ – это институциональная структура, с 1981 года стремящаяся к обеспечению согласования деятельности государств-участников совета и к укреплению своей позиции одного из ведущих акторов в регионе⁴¹⁹. Действия членов ССАГПЗ регламентируются такими документами⁴²⁰, как Эр-Риядское соглашение 2013 года⁴²¹ (подписано лидерами Саудовской Аравии, Кувейта, Катара), Механизм реализации данного соглашения (подписан всеми министрами иностранных дел ССАГПЗ), Заявление о присоединении к Эр-Риядскому соглашению Бахрейна, Омана, ОАЭ, а также дополнительное Эр-Риядское соглашение 2014 года, одобренное всеми главами ССАГПЗ. Основными обязательствами Катара, вытекающими из указанных документов и из факта его членства в ССАГПЗ, являются следующие⁴²²:

а) отказ от вмешательства в прямой или опосредованной формах, с применением методов тайных операций и любых политических методов во внутренние дела других государств-членов ССАГПЗ;

б) отказ от материальной поддержки и поддержки с использованием средств массовой информации, органов власти, общественных организаций и активистов любых оппозиционных групп на территории государств-членов ССАГПЗ;

в) отказ от предоставления гражданства, политического убежища, материального поощрения или иной поддержки гражданам государств-членов ССАГПЗ или других государств, если они ведут оппозиционную деятельность против какого-либо из государств-членов ССАГПЗ;

г) отказ от предоставления площадки для деятельности и от финансирования иностранных организаций и партий, действующих против государств-членов ССАГПЗ;

⁴¹⁹ Мелкумян Е.С. Новые тенденции в политике ССАГЗ в период региональной трансформации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 4. – С. 55-64.

⁴²⁰ Игнатенко А. Истоки и перспективы катарского кризиса // Совет по внешней и оборонной политике. 2017. URL: <http://svop.ru/main/25300/> (дата обращения: 06.07.2020).

⁴²¹ Riyadh Agreement by Saudi Arabia, Bahrain, Kuwait, Oman, Qatar and United Arab Emirates (with Endorsement Agreement) on 24 November 2013. // United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/No%20Volume/55378/Part/I-55378-0800000280527ea2.pdf> (accessed: 27.09.2022)

⁴²² Мелкумян Е.С. Новые тенденции в политике ССАГЗ в период региональной трансформации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 4. – С. 55-64.

д) отказ от поддержки иностранных группировок, представляющих угрозу безопасности государств-членов ССАГПЗ в Йемене, Сирии или где-либо ещё, в том числе от поддержки «Братьев-мусульман».

Неисполнение любого из указанных обязательств признается нарушением всего Эр-Риядского соглашения, что позволяет руководителям государств-членов ССАГПЗ принимать любые меры против страны-нарушителя. В период с 2013 по 2020 годы в ССАГПЗ возникло два кризиса, во время которых Катар был обвинён в нарушении Эр-Риядского соглашения и взятых на себя обязательств. Так, в рамках катарского кризиса 5 марта 2014 года⁴²³ Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн отозвали своих послов из Катара, заявив, что Катар нарушает соглашение, несмотря на усилия других членов ССАГПЗ убедить Катар не поддерживать тех, кто угрожает безопасности государств-членов ССАГПЗ. В ответ на это Катар выразил «удивление» и «сожаление» по поводу этого решения и заверил всех в приверженности общему делу и общему курсу ССАГПЗ, несмотря на наличие некоторых разногласий с отдельными государствами-членами. Эта позиция Катара и посредничество Кувейта способствовали разрешению кризиса: 15 ноября 2014 года на внеочередных переговорах ССАГПЗ в Эр-Рияде Катар смог «вернуться в семью государств Залива»⁴²⁴.

Во время второго кризиса в 2017 году Катар также обвинялся в нарушении Эр-Риядского соглашения и обязательств перед ССАГПЗ (в поддержке террористических группировок во многих арабских странах, в том числе движения «Братья-мусульмане», в развитии сотрудничества с шиитским Ираном, враждебным государствам-членам ССАГПЗ, в нарушении границ с Бахрейном и т.д.⁴²⁵), при этом, как справедливо отмечает Е.С. Мелкумян⁴²⁶, этот кризис показал усиление значения национальных интересов государств ССАГПЗ по сравнению с

⁴²³ Мелкумян Е.С. Персидский залив: новые тенденции развития региональной ситуации после «арабской весны» // «Нестабильность геостратегического пространства в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока: актуальные проблемы. Ежегодник 2019. – М.: ИВ РАН, 2019. – С. 133-139.

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Ханалиев Н.У. Современные вызовы и конфликты на Ближнем Востоке: процесс фрагментации арабского мира // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 2. – С. 86-99.

⁴²⁶ Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2019. – Ч. 11. – № 1. – С. 108-137.

общими интересами и целями организации. В результате ССАГПЗ оказался расколот на обвинителей Катара во главе с Саудовской Аравией (ОАЭ, Бахрейн), обвиняемый Катар и нейтральные государства – Кувейт, Оман. В частности, Кувейт, снова взяв на себя роль посредника, оказался эффективен в областях, связанных со сдерживанием и деэскалацией, но не сумел добиться решения проблемы из-за отсутствия чёткой политической воли сторон разрешить своё противостояние – как заявил эмир Кувейта⁴²⁷, его интенсивное вмешательство в первые дни кризиса привело к нейтрализации военного варианта со стороны остальной четвёрки против Катара. После 2017 года Кувейт продолжил выступать в качестве основного посредника при дипломатической поддержке от укрепляющего связи с Катаром Омана⁴²⁸.

ССАГПЗ до кризиса 2017 года имел репутацию «первого значимого подобия» и «самого успешного примера» регионального института безопасности на Ближнем Востоке, для которого коллективное эмбарго стало «наихудшим расколом» и «самым серьёзным внутренним скандалом» с момента создания организации в 1981 году⁴²⁹. Вместе с тем, и после объявления блокады на региональном уровне комитеты ССАГПЗ продолжили функционировать и регулярно встречаться в непубличном формате, при этом многие совещания проходили в «нейтральных» условиях Кувейта и Омана, а не в Секретариате ССАГПЗ в Эр-Рияде, и Катар не отказывался от участия в них, продолжая считать своё членство и работу в ССАГПЗ важным направлением своей внешней политики.

В целом, четыре рассмотренных фактора – фактор обладания энергетическими, финансовыми и медийными ресурсами, фактор дефицита продовольственных ресурсов и военной силы, фактор сотрудничества, в том числе военно-стратегического, с такими странами, как США и Турция, и фактор

⁴²⁷ Fraihat I. Superpower and Small-State Mediation in the Qatar Gulf Crisis // *The International Spectator*. – 2020. – Vol. 55. – № 2. – P. 79-91.

⁴²⁸ Selmi R. Arab geopolitics in turmoil: Implications of Qatar-Gulf crisis for business // *International Economics*. – 2020. – Vol. 161. – P. 100-119.

⁴²⁹ Miller R. Managing Regional Conflict: The Gulf Cooperation Council and the Embargo of Qatar // *Global Policy*. – 2019. – Vol. 10. – № 52. – P. 36-45.

обязательств перед международными организациями, в первую очередь – ССАГПЗ – оказывают существенное влияние на современное положение Катара в регионе. Пятый фактор – фактор соперничества Катара с Саудовской Аравией – чрезвычайно сложен и значим, и заслуживает рассмотрения в отдельной главе данного исследования.

При этом в значительной степени внутренние и внешние факторы, определяющие положение Катара в регионе, схожи с теми, что мы могли бы проследить в случае с другими углеводородными монархиями Персидского залива – Кувейтом, Бахрейном, Оманом, ОАЭ и т.д. Однако уникальным положение Катара делает именно то, как его руководство уже на протяжении более чем 30 лет умеет использовать все эти факторы для расширения своего влияния в регионе.

2.2. Основные направления внешней политики Катара в регионе Ближнего Востока на современном этапе

Для внешнеполитического курса Катара свойственно проведение многоуровневой и разносторонней политики, призванной помочь государству в достижении целей развития, заявленных в Национальном видении – 2030. Анализ документов стратегического характера и материалов⁴³⁰ Министерства иностранных дел Катара позволяет сформулировать пять ключевых внешнеполитических приоритетов этой страны на современном этапе: 1) посредничество в спорах между конфликтующими сторонами и развитие международного сотрудничества; 2) оказание гуманитарной помощи в регионах вооружённых столкновений и войн, в сложных чрезвычайных ситуациях при содействии устойчивому развитию; 3) снижение дискриминации в отношении женщин и религиозных меньшинств, работа по обеспечению прав человека для разных категорий граждан; 4) борьба с терроризмом; 5) укрепление международного имиджа Катара инструментами «мягкой силы» и борьба с изменением климата. Рассмотрим каждый из этих приоритетов более подробно с учётом механизмов и инструментов, используемых Катаром.

1. Посредничество в спорах между конфликтующими сторонами и развитие международного сотрудничества.

Среди государств Персидского залива Катар выделяется как наиболее активно вовлечённое в посреднические усилия, характеризующиеся им как моральное обязательство и способ получения более широких стратегических

⁴³⁰ In Focus: Foreign Policy // Government Communications Office, Council of Ministers. 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/focus/foreign-policy-en/> (accessed: 13.07.2020).

преимуществ, поскольку с катарской точки зрения⁴³¹ предложение помощи в урегулировании вооружённого противостояния отражает стремление отстаивать этические нормы, основанные на глубокой религиозной убежденности и приверженности миру и стабильности⁴³². Посредничество – значимая составляющая внешней политики Катара XXI в. (только в 2008-2016 годы он выступил в этой роли в 10⁴³³ региональных и международных кризисах, прилагая дипломатические и политические усилия на региональном и международном уровнях, в средствах массовой информации по просьбе заинтересованных сторон). Так, катарское посредничество сыграло важную роль в достижении Дохинского соглашения в Дарфуре⁴³⁴ (мирного урегулирования между суданским правительством и Дарфурским движением за справедливость и равенство в 2011 году⁴³⁵), освобождении джибутийских военнопленных в Эритрее, освобождении заложников в Сирии, прогрессу в диалоге между несколькими политическими группировками в Ливане. Катар также продолжает добиваться примирения между палестинцами.⁴³⁶ Эмират участвовал в действиях миротворческих сил, направляемых Организацией Объединённых Наций, в нескольких регионах мира, включая Ливан, Эритрею, Боснию и другие страны⁴³⁷. Особенно ярко посредническая роль Катара проявилась и в начале 2020-х годов, когда эмират выступил одной из немногих, если не единственной, точкой связи западного мира сначала с новым режимом талибов в Афганистане после ухода оттуда США летом 2021 года, а потом в переговорном процессе с ХАМАСом после начала нового витка ближневосточного конфликта 7 октября 2023 года.

⁴³¹ Barakat S. Priorities and challenges of Qatar's Humanitarian Diplomacy // Chr. Michelsen Institute. 2019. URL: <https://www.cmi.no/publications/6906-priorities-and-challenges-of-qatars-humanitarian-diplomacy> (accessed: 12.07.2020).

⁴³² Preventive Diplomacy: Mediation // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/preventive-diplomacy/mediation> (accessed: 12.07.2020).

⁴³³ Barakat S. Priorities and challenges of Qatar's Humanitarian Diplomacy // Chr. Michelsen Institute. 2019. URL: <https://www.cmi.no/publications/6906-priorities-and-challenges-of-qatars-humanitarian-diplomacy> (accessed: 12.07.2020).

⁴³⁴ Doha Document for Peace in Darfur, May 2011. // UN Mission in Darfur. URL: https://unamid.unmissions.org/sites/default/files/ddpd_english.pdf (accessed: 24.09.2022)

⁴³⁵ Baabood A. Qatar's Resilience Strategy and Implications for State-Society Relations // Istituto Affari Internazionali (IAI). December 2017. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaiw1736.pdf> (accessed: 20.07.2020).

⁴³⁶ Barakat S. Priorities and challenges of Qatar's Humanitarian Diplomacy // Chr. Michelsen Institute. 2019. URL: <https://www.cmi.no/publications/6906-priorities-and-challenges-of-qatars-humanitarian-diplomacy> (accessed: 12.07.2020).

⁴³⁷ International Partnerships // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/international-cooperation/international-partnerships> (accessed: 11.07.2020).

Отдельного внимания заслуживает поддержка Катаром исламистов, обусловленная тем, что эмир страны является потомком проповедника XVIII века Мухаммеда Абд аль-Ваххаба, основателя ваххабизма⁴³⁸, что даёт возможность развивать отношения с разными радикальными исламистскими организациями (включая «Аль-Каиду», «Талибан», «Братьев-мусульман», «Джабхат ан-Нусру» и ИГИЛ⁴³⁹) и содействовать распространению ваххабитской трактовки ислама⁴⁴⁰. Тем не менее, степень вовлеченности Катара в дела исламистов (что официально не заявляется в списке приоритетов внешней политики МИД Катара, но реализуется на практике), оценивается неоднозначно. В частности, как отмечает Д.Б. Робертс⁴⁴¹, несмотря на то, что в последние десятилетия Катар взаимодействовал с широким кругом исламистских деятелей от ХАМАС до движения «Талибан» и иногда рассматривается как самодостаточный исламистский актор, стремящийся к распространению религиозной доктрины, объяснением его политики может быть и прагматизм как стремление максимизировать своё влияние во всех возможных отношениях, т.к. воздействие собственно исламских учреждений на политику Катара значительно слабее, чем, к примеру, в соседней Саудовской Аравии. Д.Б. Робертса поддерживает К. Кацман, указывая⁴⁴² на то, что, хотя катарские чиновники и утверждают, что «Братья-мусульмане» – это умеренное политическое исламистское движение, которое может способствовать стабильности в регионе посредством участия в законном политическом процессе, имеется множество свидетельств того, что катарская политика не подкрепляет собственно исламистские подходы, и Катар, сделав ставку на революционные исламистские силы во время «арабской весны», тем самым лишь продемонстрировал готовность культивировать своё влияние среди потенциальных вновь возникающих центров

⁴³⁸ Труевцев К.М. Ближний Восток: морфология конфликта и постконфликтный дизайн // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 143-166.

⁴³⁹ Организации запрещены в Российской Федерации.

⁴⁴⁰ Борисов А. Внешняя политика Катара // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 2 (260). – С. 133-141.

⁴⁴¹ Roberts D.B. Reflecting on Qatar's «Islamist» soft power // The Brookings Institution. 2019. URL: <https://www.brookings.edu/research/reflecting-on-qatars-islamist-soft-power/> (accessed: 16.07.2020).

⁴⁴² Katzman K. Qatar: Governance, Security, and U.S. Policy. CRS Report № R44533 // Congressional Research Service. March 11, 2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/R44533.pdf> (accessed: 12.07.2020).

силы и стать важной частью некоторых основных дискуссий, формирующих современный арабский мир.

Укреплению влияния Катара в рамках первого приоритета – развития международного сотрудничества – способствует и его готовность проводить масштабные международные конференции⁴⁴³. Так, например, в 2014 году проблемно-тематической повесткой таких конференций стали безопасность НАТО и Персидского залива, обсуждение работы ССАГПЗ, региональное развитие по линии Юг-Юг, межконфессиональный диалог, экономическое будущее Ближнего Востока, проведение Исламского всемирного форума. В 2015 году к уже перечисленным направлениям добавились встреча представителей ССАГПЗ с Госсекретарём США, совещание Комиссии по контролю за исполнением Дохинского документа «Мир в Дарфуре», выставка передовых и стратегических технологий высокого уровня; в 2016 году – заседание консультативной группы по Стамбульской инициативе по политике сотрудничества, 9-я Конференция по мировой политике, заседание Экономической и социальной комиссии ООН для Западной Азии; в 2017 году – Британский бизнес-форум Катара, который является конференцией высокого уровня в области устойчивого развития на период до 2030 года; в 2018 году – региональный диалог по поддержанию мира, Деловой и инвестиционный форум Катар – Германия; в 2019 г. – 140-я Ассамблея Межпарламентского союза, встреча министров государств-членов Диалога по сотрудничеству в Азии, седьмая Международная конференция парламентариев против коррупции.

В первой половине 2020 года из-за пандемии коронавируса Катар принял у себя только одну международную конференцию – для подписания Соглашения об установлении мира в Афганистане 29 февраля 2020 года⁴⁴⁴. Как сообщалось в

⁴⁴³ Conferences: Latest News // Permanent Committee for Organizing Conferences. 2020. URL: <http://www.qatarconferences.org/> (accessed: 10.07.2020).

⁴⁴⁴ Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America, February 2020. // United States Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (accessed: 28.09.2022)

редакционной статье⁴⁴⁵ журнала «Al Diplomacy», издаваемого Дипломатическим институтом Катара, соглашение между США и афганскими талибами стало возможно «благодаря мудрому руководству эмира Катара», и «Катар продолжает оказывать добрые услуги и серьезное посредничество в деле достижения мира в Афганистане и сближения точек зрения сторон в конфликте, достижения политического решения, обеспечения мира и процветания афганского народа».

2. Оказание гуманитарной помощи в регионах вооружённых столкновений и войн, а также в сложных чрезвычайных ситуациях.

Наряду с посредничеством в урегулировании отношений между конфликтующими странами Катар является постоянным донором иностранной помощи среднего размера, сопоставимым с Новой Зеландией и Португалией, за счёт высокого валового национального дохода, основанного на экспорте газа. С 2015 года Катар начал публиковать⁴⁴⁶ сводные отчёты о своей гуманитарной помощи: в частности, Катар оказывает официальную помощь в целях развития на добровольной основе в рамках поддержки программы финансирования развития, программы сотрудничества Юг-Юг, он предоставил помощь дружественным государствам в 13 различных гуманитарных секторах (70% – государственная поддержка, 30% – неправительственная поддержка), при этом в целом катарская иностранная помощь уже достигла уровня, характерного для развитых западных государств, и составляет около 2 млрд. долл. США в год.

Как следует из доклада Совета по правам человека ООН за 2019 год⁴⁴⁷, в рамках своей глобальной роли в области развития катарский Фонд Silatech уже помог обеспечить возможности трудоустройства для более 1 млн. молодых мужчин и женщин на Ближнем Востоке, Катар оказывает гуманитарную помощь людям, пострадавшим от всевозможных кризисов, финансируя деятельность соответствующих учреждений ООН, а также учредил постоянный Комитет по

⁴⁴⁵ Al-Barghothi S. International Tribute to Qatar's Conflict Resolution Efforts // Al Diplomacy. Issue 44. March 2020. URL: <https://en.calameo.com/read/005121764ee5eb79eeaca> (accessed: 10.07.2020).

⁴⁴⁶ Kharas H. Trends and Issues in Qatari Foreign Aid // Silatech Working Paper (15-11). November 2015. URL: <https://silatech.org/wp-content/uploads/2018/12/trends-and-issues-in-qatari-foreign-aid-en.pdf> (accessed: 12.07.2020).

⁴⁴⁷ National report submitted in accordance with paragraph 15 (a) of the annex to Human Rights Council resolution 5/1* // Human Rights Council United Nations. 1 March 2019. URL: https://mofa.gov.qa/docs/default-source/default-document-library/4221758_the-national-report--English.pdf (accessed: 10.07.2020).

спасению, оказанию чрезвычайной и гуманитарной помощи пострадавшим от стихийных бедствий районам дружественных государств и принял законы о гуманитарных и неправительственных организациях и учреждениях-донорах. В сентябре 2014 года Катар подписал соглашение с многосторонним целевым фондом ООН, который управляет Программой развития Организации Объединенных Наций, о предоставлении гранта в размере 88,5 млн. долл. США для целей восстановления и реконструкции, внес значительный вклад в создание Южного фонда развития и гуманитарной помощи. Между Фондом Катара (Qatar Foundation, организация, в которую входят более 50 организаций, работающих в сфере образования, исследований и развития сообществ⁴⁴⁸), ООН, гуманитарными организациями, международными и региональными донорами было заключено в общей сложности 93 соглашения о сотрудничестве и партнёрстве⁴⁴⁹.

3. Снижение дискриминации в отношении женщин и религиозных меньшинств, обеспечение прав человека.

Государство Катар является членом Совета по правам человека ООН и играет активную роль в его деятельности, использует международные и региональные механизмы, призванные укреплять и защищать права человека по всему миру. Катарское Бюро по правам человека регулярно участвует в сессиях Совета по правам человека ООН с момента его создания в 2006 году, в сессиях рабочей группы, занимающейся процедурами универсального периодического обзора, в заседаниях Постоянного комитета арабских стран по правам человека в Генеральном секретариате Лиги арабских государств, в заседаниях независимой постоянной комиссии по правам человека, подотчётной Организации Исламского сотрудничества, а также в периодических совещаниях правительственных органов, занимающихся вопросами прав человека в странах ССАГПЗ⁴⁵⁰. К тому же в 2019 году Катар наконец подписал соглашение с программой развития ООН

⁴⁴⁸About Qatar Foundation // Qatar Foundation. 2020. URL: <https://www.qf.org.qa/about> (accessed: 10.07.2020).

⁴⁴⁹ National report submitted in accordance with paragraph 15 (a) of the annex to Human Rights Council resolution 5/1* // Human Rights Council United Nations. 1 March 2019. URL: https://mofa.gov.qa/docs/default-source/default-document-library/4221758_the-national-report--English.pdf (accessed: 10.07.2020).

⁴⁵⁰ Human Rights: Overview // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/human-rights/overview> (accessed: 12.07.2020).

о создании офиса Программы развития ООН в Дохе⁴⁵¹. Офис сосредоточится на расширении сотрудничества между Программой ООН и правительством Катара в целях продвижения целей устойчивого развития, а также на финансовой поддержке, направленной на искоренение нищеты и сокращение неравенства. Также на территории Катара находится штаб-квартира Центра ООН по обучению и документации по правам человека в Юго-Западной Азии и арабском регионе. В практическом отношении Катар оказывает ежегодную помощь детям в получении доступа к образованию в рамках глобальной инициативы «Образование превыше всего», он поддержал Декларацию о качественном образовании для девочек, девочек-подростков и женщин в развивающихся странах и обязался предоставить образование 1 миллиону девочек к 2021 году; активно участвует в реализации 65 проектов в более чем 50 странах по программе «Воспитание ребёнка» совместно с ООН ЮНИСЕФ, финансируя треть из них. Катар также уже предоставил 5065 стипендий для студентов и отремонтировал 94 учебных заведения, а Катарский фонд развития внёс 40 млн. катарских риалов для помощи палестинскому обществу⁴⁵².

Особое внимание уделяется Катаром защите и поощрению прав трудящихся-мигрантов⁴⁵³— он уже подписал 38 двусторонних соглашений и 14 меморандумов о взаимопонимании со странами происхождения трудящихся-мигрантов, контролирует деятельность бюро по набору персонала, запустил проект по созданию электронных порталов в странах, отправляющих рабочих в Катар, заключил контракт с сингапурской компанией Biomat Singapore на завершение процедур найма в отправляющих странах путём открытия офисов в этих государствах (проект охватит восемь стран: Шри-Ланку, Филиппины, Пакистан, Непал, Индонезию, Бангладеш, Индию, Тунис).

⁴⁵¹ Agreement between the Government of the State of Qatar and the United Nations Development Program for the Establishment of an Office of the United Nations Development Program in Doha – Qatar, June 2021. (in Arabic). // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://www.almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=2605&language=ar> (accessed: 28.09.2022)

⁴⁵² National report submitted in accordance with paragraph 15 (a) of the annex to Human Rights Council resolution 5/1* // Human Rights Council United Nations. 1 March 2019. URL: https://mofa.gov.qa/docs/default-source/default-document-library/4221758_the-national-report--English.pdf (accessed: 10.07.2020).

⁴⁵³ Ibid.

С началом дипломатической блокады 5 июня 2017 года Катар регулярно заявлял о серьёзных продолжающихся нарушениях прав человека, вызванных ею, и потому создал центральный комитет, призванный требовать компенсацию за последствия блокады (он получает информацию о лицах, которым был причинён ущерб в результате блокады, рассматривает их обращения и пытается определить наилучший способ решения каждого случая; апеллирует к международным механизмам, чтобы гарантировать, что участвующие в блокаде государства понесут ответственность за нарушения прав человека – так, Катар возбудил дело против Объединенных Арабских Эмиратов в Международном суде и добился решения, в соответствии с которым катарским студентам было разрешено завершить свое образование в ОАЭ, катарцам гарантировался доступ к судебным органам ОАЭ; Катар подал жалобу на Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты в Комитет по ликвидации расовой дискриминации и в Совет по правам человека ООН).

4. Борьба с терроризмом.

На официальном уровне⁴⁵⁴ Государство Катар неоднократно выражало своё осуждение и решительное неприятие всех форм терроризма, разработало двусторонние соглашения о сотрудничестве с несколькими странами для улучшения обмена информацией, сыграло важную роль в принятии 13-м Конгрессом ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию в 2015 году «Дохинской декларации»⁴⁵⁵ – рамочной основы, в которой международное сообщество согласилось сосредоточиться на развитии образования для предотвращения экстремизма и преступности в течение следующих пяти лет; подписал четырёхлетнее соглашение о финансировании в размере 49 млн. долл. США с ООН для реализации проектов, связанных с имплементацией Дохинской декларации, включая проекты по борьбе с насильственным экстремизмом посредством реабилитации заключённых и

⁴⁵⁴ Countering Terrorism and Violent Extremism // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/preventive-diplomacy/countering-terrorism> (accessed: 12.07.2020).

⁴⁵⁵ Doha Declaration on integrating crime prevention and criminal justice. April 2015. // United Nations Office on Drugs and Crime. URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Declaration/V1504151_English.pdf (accessed: 28.09.2022)

программы социальной интеграции и просвещения молодёжи в интересах правосудия⁴⁵⁶. Катар также поддерживает Контртеррористический центр ООН, уже выделив ему 250 тыс. долл. США для финансирования его деятельности; является одним из основателей Глобального контртеррористического форума, который координирует инициативы 30 стран, включая Францию, Великобританию, Германию, Канаду и Соединённые Штаты; стал единственной страной на Ближнем Востоке, которая является членом правления Глобального фонда участия и устойчивости и внесла 5 млн. долл. США на поддержку местных инициатив на уровне сообщества, направленных на повышение устойчивости против насильственных экстремистских программ⁴⁵⁷.

Вместе с тем, несмотря на указанную финансовую помощь учреждениям, занимающимся борьбой с терроризмом, Катар постоянно обвиняется в спонсировании террористических группировок, в том числе на территории Сирии – об этом неоднократно заявляли дипломаты из России, Сирии и Ирана. Так, например, по словам представителя МИД РФ А. Лукашевича⁴⁵⁸, Катар стал одним из двух основных государств (наряду с Саудовской Аравией), поставляющим оружие сирийским повстанцам, и именно из-за его вмешательства они смогли долго сопротивляться правительственной армии.

5. Укрепление международного имиджа Катара инструментами «мягкой силы» и борьба с изменением климата.

Создание благоприятного международного имиджа (брендинг) Катара является одним из наиболее значимых приоритетов внешней политики государства, заинтересованного в асимметричных инструментах ввиду своего малого размера и недостаточной военной мощи, с одной стороны, и амбиций правящей семьи, с другой. «Мягкая сила» Катара сохраняет⁴⁵⁹ значение и после введения региональной блокады 2017 года, она реализуется с применением таких

⁴⁵⁶ Ibid.

⁴⁵⁷ Countering Terrorism and Violent Extremism // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/preventive-diplomacy/countering-terrorism> (accessed: 12.07.2020).

⁴⁵⁸ Ибрагимов И.Д. Политика Катара относительно терроризма // Университетские чтения ПГУ. – 2016. – № 5. – С. 29-33.

⁴⁵⁹ Abdulaziz M., Evren T., Gagoshidze T. Rethinking Soft Power in the Post-Blockade Times: The Case of Qatar // Digest of Middle East Studies. – 2019. – Vol. 28. – № 2. – P. 329-350.

механизмов, как спортивная дипломатия, медийная дипломатия и инвестиционная дипломатия.

В рамках спортивного направления Катар стал одним из авторов резолюции ООН о спорте в интересах развития и мира, придаёт большое значение принятию на своей территории многочисленных международных спортивных мероприятий, провёл Чемпионат мира по футболу в Дохе в 2022 году⁴⁶⁰. За период 2004-2022 годов в Катаре было проведено в общей сложности двадцать четыре турнира первого и второго порядка⁴⁶¹, которые, в том числе, ставили своей целью информирование иностранной общественности об отличиях Катара от некоторых его более нестабильных региональных партнёров, о преимуществах этой страны. Наряду с принятием в Катаре Западноазиатских игр 2005 году, Азиатских игр 2006 года, Азиатского кубка 2011 года и мужского Чемпионата мира по гандболу 2015 года, каждый год на государственном уровне проводятся открытые соревнования по гольфу, чемпионаты ATP и WTA по теннису, а также этап MotoGP в Дохе⁴⁶². Помимо этого, спортивная дипломатия Катара включает в себя его спонсорское участие в соревнованиях на других территориях: так, Катарский гоночный и конный клуб является главным спонсором престижных скачек, в 2011 году Катар приобрёл известный французский футбольный клуб «Paris Saint-Germain» (PSG), разместив на футболках игроков логотип катарского Министерства туризма⁴⁶³; в 2014 году Катарский холдинг по инвестициям и развитию проектов стал основным спонсором турнира Royal Ascot, совершив первую в истории коммерческую сделку за 303-летнюю историю турнира; ФК «Барселона» спонсировался Фондом Катара, а затем и авиакомпанией Qatar Airways.

⁴⁶⁰ Sports Diplomacy // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/international-cooperation/sports-diplomacy> (accessed: 11.07.2020).

⁴⁶¹ Grix J., Brannagan P., Lee D. Qatar's Global Sports Strategy: Soft Power and the 2022 World Cup // In: *Entering the Global Arena: Emerging States, Soft Power Strategies and Sports Mega-Events*. Ed. J. Grix, P. Brannagan, D. Lee. – L.: Springer, 2019. – P. 97-110.

⁴⁶² Rookwood J. Access, security and diplomacy: Perceptions of soft power, nation branding and the organizational challenges facing Qatar's 2022 FIFA World Cup. *Sport, Business and Management // An International Journal*. – 2019. – Vol. 9. – № 1. – P. 26-44.

⁴⁶³ Цветкова Н.А., Мужикбаев Л.А. Спортивная дипломатия Катара в 2000-е гг. как инструмент внешней политики // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2016. – № 6 (68). – Ч. 2. – С. 188-190.

Более того, стремясь позиционировать себя как «хорошего гражданина мира» в глазах международной аудитории и страну, которая стремится участвовать и вкладывать средства в ценные для человечества дела, Катар создал государственный некоммерческий Международный центр спортивной безопасности (ICSS), начал ежегодно проводить выставку *Aspire4Sport*, собирающую ведущих мировых спортивных экспертов для обмена передовыми практическими знаниями в области развития молодёжного спорта, организации мероприятий и улучшения спортивных результатов; собирать политиков на Симпозиуме по безопасности спорта и Дохийском форуме⁴⁶⁴.

На медийном уровне канал «Аль-Джазира спорт», принадлежащий Катару, объединил в себе десятки телеканалов разных стран и ведёт трансляцию многочисленных спортивных состязаний для арабского мира и Африки; он выкупил два популярных французских телеканала *BeINSport 1* и *BeINSport 2* и приобрёл права на трансляции футбольных матчей внутренних чемпионатов Испании, Франции, Лиги Чемпионов УЕФА и Лиги Европы УЕФА⁴⁶⁵. «Аль-Джазира» стал первым арабским спутниковым телеканалом, нарушившим монополию западных медиа на освещение ближневосточных событий, что получило название «эффекта Аль-Джазиры», сумевшего противостоять «эффекту CNN»⁴⁶⁶. Журналисты этого телеканала, позиционируя себя в качестве независимых корреспондентов, работающих в интересах всего арабского мира, в действительности популяризируют позицию Катара и его правящей семьи по политическим вопросам международного характера, в особенности касательно событий в регионе. С учётом того, что страны Персидского залива являют собой наиболее развитую территорию арабского мира в том, что касается

⁴⁶⁴ Rookwood J. Access, security and diplomacy: Perceptions of soft power, nation branding and the organizational challenges facing Qatar's 2022 FIFA World Cup. *Sport, Business and Management // An International Journal*. – 2019. – Vol. 9. – № 1. – P. 26-44.

⁴⁶⁵ Цветкова Н.А., Мужикбаев Л.А. Спортивная дипломатия Катара в 2000-е гг. Как инструмент внешней политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6 (68). – Ч. 2. – С. 188-190.

⁴⁶⁶ Шголь В. Катар: история успеха // *Международная жизнь*. 2014. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1044> (дата обращения: 06.07.2020).

обеспеченности семей средствами приёма телевизионного сигнала⁴⁶⁷, ставка на медиа как на инструмент политики выглядит рациональной стратегией катарского режима.

В деле формирования благоприятного имиджа Катара, помимо узнаваемого бренда «Аль-Джазира», участвует также бренд «Qatar Airways» – авиакомпании, представляющей государственный конгломерат компаний «Qatar Airways Group», известной высоким уровнем сервиса, а также тем, что ее пассажиры могут смотреть фильмы торговой марки «Made in Qatar» по актуальной политической проблематике (к примеру, «Женщина во время блокады»), о традициях и современности в Катаре («Воплощение»), катарской столице («Голоса из урбанистического пейзажа», «Миг с ветром»)⁴⁶⁸.

В инвестиционном отношении Катар активно вкладывает средства как в западные, так и в азиатские страны для повышения уровня взаимозависимости, обеспечения государственной безопасности и использования международных региональных отношений в качестве политического и военного прикрытия.

В сфере продуктовой безопасности он зависим от экспорта из стран Африки, а потому видит своей целью стабилизацию торговли и международных отношений с африканскими партнёрами, освоение новых африканских рынков⁴⁶⁹.

Инвестиции в Европу уже позволили Катару получить своевременную дипломатическую поддержку от Германии, министр иностранных дел которой был одним из первых международных дипломатов, попытавшихся разрядить кризис 2017 года в Персидском заливе.

Кроме того, в своём стремлении добиться устойчивой поддержки от США катарское руководство объявило о планах инвестировать 35 млрд. долл. в США,

⁴⁶⁷ Дубова Ю.С. Информационное пространство арабо-мусульманского мира: аспекты взаимодействия и противоборства // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 11-1 (16). – С. 233-241.

⁴⁶⁸ Сучков М.А., Седелев А.К. Национальные авиакомпании как инструмент «мягкой силы»: «Qatar Airways» И «Turkish Airlines» // Пути к миру и безопасности. – 2019. – № 2 (57). – С. 63-73.

⁴⁶⁹ McSparren J., Besada H., Saravade V. Qatar's Global Investment Strategy for Diversification and Security in the PostFinancial Crisis Era // Centre on Governance Research Paper Series. Research Paper No. 02/17/EN. 2017. URL: https://socialsciences.uottawa.ca/governance/sites/socialsciences.uottawa.ca.governance/files/cog_research_paper_02_17_en.pdf (accessed: 13.07.2020)

при этом дополнительные 10 млрд. долларов будут выделены на инфраструктурные проекты⁴⁷⁰.

Документ «Национальное видение – 2030» предписывает Катару поддержать международные усилия по смягчению негативных последствий изменения климата, особенно в регионе Персидского залива⁴⁷¹. Катар является одним из основателей Международного института по развитию зелёной экономики, подписал Парижский протокол об изменении климата от 22 апреля 2016 года и ратифицировал его, стал членом Фонда международного развития ОПЕК, поддерживаемого ООН, и участником инициативы «Устойчивая энергетика для всех», а также членом Международного агентства по возобновляемым источникам энергии, которое оказывает поддержку странам в переходе к новым формам устойчивой энергетике. Он принимал у себя сессию Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, содействовал заключению соглашения о пакете мер «Дохийские климатические рамки», предусматривающих создание новых учреждений, финансирование технологий, связанных с климатом, и доставку этих технологий в развивающиеся страны; Фонд Катара и Потсдамский институт исследований воздействия на климат объявили о партнёрстве по созданию центра исследований климата в Дохе; Катар возглавил инициативу по работе с засушливыми землями, сыгравшую важную роль в создании Глобального альянса по засушливым землям в ходе 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН⁴⁷².

Тем не менее, несмотря на перечисленные инициативы и действия Катара на международном уровне, его экологическое состояние близко к критическому, равно как и у других государств ССАГПЗ ввиду высокого уровня индустриализации, урбанизации и неэффективного использования ограниченных

⁴⁷⁰ Cherkaoui T. Qatar's public diplomacy, international broadcasting, and the Gulf Crisis // *Public Diplomacy of Rising and Regional Powers*. – 2018. – Vol. 3. – № 3. – P. 127-149.

⁴⁷¹ Climate Change // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/international-cooperation/climate-change> (accessed: 11.07.2020).

⁴⁷² National report submitted in accordance with paragraph 15 (a) of the annex to Human Rights Council resolution 5/1* // Human Rights Council United Nations. 1 March 2019. URL: https://mofa.gov.qa/docs/default-source/default-document-library/4221758_the-national-report--English.pdf (accessed: 10.07.2020).

ресурсов в регионе⁴⁷³. Катар крайне неэффективен в попытках снижения зависимости от углеводородных ресурсов, сохраняет высокий уровень выбросов парниковых газов, не участвует в выработке корпоративных стандартов экологической устойчивости, имеет неудовлетворительные показатели качества воздуха, а потому, как отмечает один из авторитетных отечественных исследователей данной проблематики А.Ш. Ниязи⁴⁷⁴, его участие в международных экологических мероприятиях, организациях, программах, спонсорская помощь и декларативные заявления имеют целью лишь укрепление собственной «зелёной репутации», получение завышенных оценок от экспертов и привлечение дополнительных инвестиций.

Рассмотренные пять приоритетов – посредничество в спорах между конфликтующими сторонами для достижения мирного разрешения; оказание гуманитарной помощи в регионах вооружённых столкновений и войн, в сложных чрезвычайных ситуациях при содействии устойчивому развитию; работа по обеспечению прав человека для разных категорий граждан; борьба с терроризмом; укрепление международного имиджа Катара инструментами «мягкой силы» и борьба с изменением климата – во многом определяют внешнеполитический курс современного Катара, использующего механизмы различных форм дипломатии, включая гуманитарную, посредническую, спортивную, медийную и инвестиционную.

⁴⁷³ Шкваря Л.В., Владимиров С.Н. Экологические проблемы в странах ССАГПЗ и возможности их решения в рамках интеграционного взаимодействия // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2019. – № 1. – С. 179-194.

⁴⁷⁴ Ниязи А.Ш. Саудовская Аравия, Катар, Норвегия, Россия в измерениях зелёной экономики // Россия и мусульманский мир. – 2018. – № 3 (309). – С. 73-82.

Выводы по главе 2

Подводя итоги, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Фактор обладания энергетическими, финансовыми и медийными ресурсами, фактор дефицита продовольственных ресурсов и военной силы, фактор сотрудничества, в том числе военно-стратегического, с такими странами, как США и Турция, фактор обязательств перед международными организациями, в первую очередь – ССАГПЗ, и фактор соперничества Катара с Саудовской Аравией оказывают наиболее существенное влияние на современное положение Катара в регионе, на его активную многовекторную внешнюю политику, призванную обеспечить безопасность государства и преодолеть негативные последствия блокады 2017 года. Вместе с тем, эти внутренние и внешние факторы не являются абсолютно уникальными – все углеводородные монархии Персидского залива в той или иной мере похожи и политически, и экономически – однако именно осознание своих сильных и слабых сторон, нивелирование негативных последствий, грамотное использование всех методов и средств катарским политическим руководством определяют особое положение Катара в регионе.

2. Внешнеполитический курс современного Катара определяют шесть приоритетов: посредничество в спорах между конфликтующими сторонами для достижения мирного разрешения; оказание гуманитарной помощи в регионах вооружённых столкновений и войн, в сложных чрезвычайных ситуациях при содействии устойчивому развитию; работа по обеспечению прав человека для разных категорий граждан; борьба с терроризмом; борьба с изменением климата и укрепление международного имиджа Катара инструментами «мягкой силы»,

способствующего политическому и экономическому сотрудничеству. Работая по этим направлениям, Катар использует механизмы различных форм дипломатии, включая посредническую, спортивную, медийную и инвестиционную.

3. Катар умело использовал свои международные связи для смягчения последствий дипломатического кризиса, лишившего Катар воздушных, военно-морских и наземных коридоров в «арабской четверке»: Саудовской Аравии, Египте, Бахрейне и Объединенных Арабских Эмиратах. На макроуровне Катар использовал свой статус важнейшего поставщика энергии, а также полученную в результате роли активного поставщика сжиженного природного газа финансовую выгоду, чтобы не допустить международного консенсуса в поддержку требований «квартета». С точки зрения микроуровня вероятности военной эскалации в Персидском заливе в период кризиса 2017-2021 годов удалось избежать благодаря связям Катара с Турцией и Соединенными Штатами. Наконец, экономические последствия кризиса были в значительной степени нивелированы связями Катара с Ираном.

ГЛАВА 3. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как одна из ключевых детерминант региональных отношений на Ближнем Востоке

В данной главе рассматриваются причины, по которым эти две страны вступили в продолжительную конфронтацию. Также анализируются механизмы, которые использует Катар для расширения своего влияния в регионе. Акцент в исследовании делается на информационной войне между Катаром и Саудовской Аравией, преимущество в которой является основной успеха внешней политики Катара в регионе.

3.1. Факторы противостояния Катара и Саудовской Аравии

Соперничество между Катаром и Саудовской Аравией, развивающееся в XXI веке, в особенности после событий «Арабской весны» и с учётом катарских кризисов 2014 и 2017 годов, можно назвать основным детерминантом современного положения Катара и на Ближнем Востоке, и среди государств Персидского залива. Во время «Арабской весны» соперничество между Катаром и Саудовской Аравией последовательно усиливалось в связи со стремлением каждого из них использовать «Арабскую весну» для расширения своего влияния на арабский мир: так, Саудовская Аравия пыталась навязать свою политику Катару, в то время как катарское руководство преследовало собственные интересы и старалось вести независимую внешнюю политику в ущерб интересам

Саудовской Аравии⁴⁷⁵. Как отмечает А.Р. Билгин⁴⁷⁶, Катар и Саудовская Аравия имели разные точки зрения, интересы и подходы к «арабской весне», и в связи с этим они поддерживали конкурирующие группы в Египте, в Ливии после революции, в Тунисе, в Палестине⁴⁷⁷. Кроме того, сохраняется значимость племенных, родовых и религиозных противоречий в катарско-саудовских отношениях, в рамках которых действующий эмир Катара как потомок основателя ваххабизма считает себя и свою семью Аль Тани более достойными правителями всего Аравийского полуострова и хранителями святынь Мекки и Медины, чем представителей саудитов⁴⁷⁸.

Для оценки положения Катара в системе региональных отношений и значения фактора катарско-саудовского соперничества представляется необходимым рассмотреть четыре основные проблемы в отношениях между Катаром и Саудовской Аравией: поддержка Катаром «Братьев-мусульман», сотрудничество Катара с Ираном, сотрудничество Катара с Турцией и использование Катаром во внешнеполитических целях своего телеканала «Аль-Джазира», а также основные арены противостояния между Катаром и Саудовской Аравией в 2010-х годах, включая Йемен, Египет, Сирию, страны Магриба и Африканского Рога.

Первая проблема – это различие в отношении Катара и Саудовской Аравии к организации «Братья-мусульмане», которую Катар поддерживает во всем регионе Ближнего Востока, в то время как Саудовская Аравия рассматривает её как идеологическую угрозу своей династии и легитимности, а также конкурента в борьбе за политическое влияние в арабских странах. События «Арабской весны» в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене были восприняты «Братьями-мусульманами» как возможность расширить своё участие в региональных политических

⁴⁷⁵ Егоров И. С. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как один из детерминирующих факторов в парадигме региональных отношений // *Международная жизнь*. — 2022. — № 4. — С. 92–102

⁴⁷⁶ Bilgin A.R. Relations Between Qatar and Saudi Arabia After the Arab Spring // *Contemporary Arab Affairs*. — 2018. — Vol. 11. — № 3. — P. 113-134.

⁴⁷⁷ Егоров И. С. Катарский дипломатический кризис: причины и последствия // *Социально-гуманитарные знания*. — 2019. — № 4. — С. 257–263.

⁴⁷⁸ Егоров И.С. Катарский дипломатический кризис: причины и последствия // *Социально-гуманитарные знания*. — 2019. — № 4. — С. 257-263.

процессах при политической и финансовой поддержке со стороны Катара. В ответ на эти действия Саудовская Аравия предпочла финансировать и вооружать группы салафитов, противостоящие «Братьям-мусульманам»⁴⁷⁹.

Вторая проблема в катарско-саудовских отношениях обуславливается неприятием Саудовской Аравией сближения и сотрудничества Катара с Турцией, а также любых действий катарско-турецкого альянса, претендующего на лидерство в регионе со времён «Арабской весны» в 2011-2012 годов. Более того, данная проблема частично связана с первой: многие исследователи справедливо писали о турецко-катарско-«ихванском»⁴⁸⁰ альянсе⁴⁸¹, при этом, конечно, сотрудничество Катара и Турции выходит далеко за пределы трека совместного влияния /контроля над движением «Братьев-мусульман».

Так, в Ливии Катар и Турция активно поддержали восстание против М. Каддафи и использовали его для укрепления позиций ливийских «Братьев-мусульман» после М. Каддафи, в том числе на Всеобщем национальном конгрессе, избранном ливийским народом в июле 2012 году.⁴⁸² Организация Объединённых Наций помогла учредить и официально одобрила созыв Правительства национального согласия Ливии в 2015 году для объединения конкурирующих администраций, которые вышли из национальных выборов 2014 года. Оно обосновалось в столице страны городе Триполи под руководством премьер-министра Фаиза аль-Сараджа и при поддержке военных и местных ополченцев, после чего начало получать значительную военную помощь от Турции и Катара.⁴⁸³ Приоритетной задачей Катара в Ливии остаётся его стремление сформировать внутри страны, в особенности в районе крупных нефтяных месторождений на западе и северо-востоке Ливии, устойчивое

⁴⁷⁹ Bilgin A.R. Relations Between Qatar and Saudi Arabia After the Arab Spring // Contemporary Arab Affairs. – 2018. – Vol. 11. – № 3. – P. 113-134.

⁴⁸⁰ «Ихванском» от названия организации «Братьев-мусульман» на арабском языке – «аль-ихван аль-муслимин».

⁴⁸¹ Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. / Отв. ред. А.М. Васильев, Л.М. Исаев, А.В. Коротаев. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 256 с.

⁴⁸² Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Турецко-катарский альянс в борьбе за региональное лидерство // В «Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте. – Волгоград, 2018. – С. 370-428.

⁴⁸³ Robinson K. Who's Who in Libya's War? // The Council on Foreign Relations (CFR). 2020. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/whos-who-libyas-war> (accessed: 16.07.2020).

прокатарское лобби из местных племён при использовании противоречий между племенами туарегов и тубу⁴⁸⁴.

На выборах в Египте 30 июня 2012 года Катар приветствовал победу «Братьев-мусульман» и поддержал президента М. Мурси в политической и финансовой сферах: в частности, при его правлении Катар выделил Египту 7,5 млрд. долларов США в виде займов и грантов для поддержки правительства⁴⁸⁵. Катарско-турецкий альянс активно использовал успех «Братьев-мусульман» для укрепления собственных позиций в регионе, оказывая Египту политическую, финансовую и техническую поддержку⁴⁸⁶. Первым из арабских стран признав законность свержения Х. Мубарака и победу «Братьев-мусульман», Катар в августе 2012 года разместил в Египте депозит на сумму 2 млрд. долларов США, сообщив⁴⁸⁷ о готовности перечислить Египту дополнительные 2,5 млрд. долларов США и инвестировать в общей сложности 18 млрд. долларов в течение следующих пяти лет, параллельно с этим выкупив контрольный пакет акций ведущего инвестиционного банка Египта EFG Hermes. В сентябре премьер-министр Катара посетил Египет с официальным визитом и заявил о намерении инвестировать в строительство крупного туристического кластера на побережье Средиземного моря (на сумму 10 млрд. долларов США), а также возведение газоперерабатывающих заводов, металлургических комбинатов и ГЭС (на сумму 8 млрд. долларов США), – одновременно с этим Турция предоставила правительству М. Мурси заем на сумму 2 млрд. долл. США.

Со своей стороны Саудовская Аравия с обеспокоенностью восприняла приход «Братьев-мусульман» к власти в Египте и поддержала военный переворот 3 июля 2013 года против первого избранного президента Египта М. Мурси и

⁴⁸⁴ Цуканов Л. «Большая игра» ливийских туарегов // Российский совет по международным делам. 11.06.2020. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/ltsukanov/bolshaya-igra-liviyskikh-tuaregov-/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 16.07.2020).

⁴⁸⁵ Bilgin A.R. Relations Between Qatar and Saudi Arabia After the Arab Spring // Contemporary Arab Affairs. – 2018. – Vol. 11. – № 3. – P. 113-134.

⁴⁸⁶ Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. / Отв. ред. А.М. Васильев, Л.М. Исаев, А.В. Коротаяев. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 256 с.

⁴⁸⁷ Цуканов Л. «Большая игра» ливийских туарегов // Российский совет по международным делам. 11.06.2020. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/ltsukanov/bolshaya-igra-liviyskikh-tuaregov-/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 16.07.2020).

«Братьев-мусульман»⁴⁸⁸. После этого переворота часть египетских представителей движения «Братья-мусульмане» нашли убежище на территории Катара, вследствие чего уже в марте 2014 года Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн отозвали своих послов из Катара. Поддержанный Саудовской Аравией А.Ф. ас-Сиси одержал победу на президентских выборах в Египте в мае 2014 года с результатом 97% голосов, что стало наиболее значимым событием т.н. «контрреволюционного марша», предпринятого Саудовской Аравией и её союзниками для противодействия усилиям катарско-турецкого альянса. Саудовская Аравия также взяла на себя роль финансового спонсора Египта, уже к началу 2017 года объем выданных Египту инвестиций достиг 7,2 млрд. долларов США⁴⁸⁹, что позволяло ей оказывать влияние на египетских политических деятелей в значимых вопросах.

Приход «Братьев-мусульман» к власти в Египте во время «арабской весны» стимулировал деятельность исламистов по всему региону: в частности, активизировалась палестинская группировка ХАМАС, выступающая против Израиля и получающая дипломатическую и финансовую поддержку от катарско-турецкого альянса. В 2012 году эмир Хамад бин Халифа Аль Тани первым из катарских правителей посетил контролируемый движением ХАМАС Сектор Газа и заявил о намерении выделить 400 млн. долларов США для восстановления территории. В 2015 году Катар подтвердил своё намерение продолжать поддерживать ХАМАС, считая это помощью всему палестинскому народу.⁴⁹⁰ Помимо Палестины, исламисты активизировались в Тунисе, где идеологически близкому «Братьям-мусульманам» движению «Ан-Нахда» («Партия

⁴⁸⁸ Bilgin A.R. Relations Between Qatar and Saudi Arabia After the Arab Spring // Contemporary Arab Affairs. – 2018. – Vol. 11. – № 3. – P. 113-134.

⁴⁸⁹ Бартнев В.И. Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – Ч. 19. – № 4. – С. 566-582.

⁴⁹⁰ Бартнев В.И. Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – Ч. 19. – № 4. – С. 566-582.

возрождения») при финансовой поддержке Катара и Турции удалось одержать победу на выборах в октябре 2011 году и сформировать правительство⁴⁹¹.

Катарско-турецкий альянс был активен и в Сирии, где стремился усилить и поддержать местный филиал движения «Братья-мусульмане», чтобы он пришёл на смену режиму Б. Асада. При содействии Катара в Стамбуле в августе 2011 г. был сформирован Сирийский национальный совет из сирийских оппозиционеров в эмиграции. 11 ноября 2012 года правопреемницей этой организации стала Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС) со штаб-квартирой в Египте, которая после военного переворота в этой стране была перенесена в Катар, что усилило его влияние на эту организацию. Следует отметить, что на начальном этапе гражданской войны в Сирии катарско-турецкий альянс и Саудовская Аравия преследовали общие цели, испытывая общую заинтересованность в ослаблении позиций Сирии в регионе⁴⁹² – они вместе пытались свергнуть режим Б. Асада, что было необходимо и Саудовской Аравии (стремившейся устранить иранское влияние на Сирию), и Катару с Турцией (желавшим привести к власти «Братьев-мусульман»), а потому они совместно поддерживали вооружённые формирования, сражающиеся против сил Б. Асада: Катар помогал финансами и вооружением исламистам, Саудовская Аравия – группировкам, разделяющим ее политические интересы и исповедовавшим ислам близкого к саудовскому ваххабизму варианта. Вместе с тем, периодически между группировками, получавшими поддержку от Саудовской Аравии, и теми, кого финансировал Катар, происходили вооружённые столкновения⁴⁹³.

Для влияния на Сирию Катар активно использовал свой телеканал «Аль-Джазира», финансировал и поставлял оружие группировкам, ведущим бои с

⁴⁹¹ Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Турецко-катарский альянс в борьбе за региональное лидерство // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте. – Волгоград, 2018. – С. 370-428.

⁴⁹² Джаззан Ф.З. Отношения Сирийской Арабской Республики со странами Персидского залива (1990-2017 гг.): дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.15. – М., 2018.

⁴⁹³ Долгов Б.В. Сирийский конфликт на новом этапе: международное измерение // Перспективы. – 2018. – № 3 (15). – С. 86-99. Егоров И.С. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как один из детерминирующих факторов в парадигме региональных отношений // Международная жизнь. — 2022. — № 4. — С. 92–102.

сирийскими правительственными войсками, стремясь создать предпосылки и для послевоенного политического влияния на эту страну. Во время сирийской гражданской войны Катар предоставил этим группировкам помощь на сумму более 3 млрд. долларов США⁴⁹⁴, при этом значительная часть данной финансовой помощи была использована для закупки турецких вооружений и боеприпасов, а также для строительства и обустройства тренировочных лагерей на территории Турции⁴⁹⁵. 10 декабря 2015 года на конференции в Эр-Рияде НКСРОС заменила новая структура – Высший комитет по переговорам (ВКП), в котором произошло разделение на радикальную часть, ориентированную на Катар и его интересы, и на умеренную часть, поддерживаемую Саудовской Аравией, что существенно препятствовало любым переговорным процессам⁴⁹⁶. Вместе с тем, в 2017 году, воспользовавшись катарским кризисом, Саудовская Аравия способствовала вытеснению из ВКП многих прокатарских и протурецких элементов, ориентированных на идеологию движения «Братьев-мусульман».

Катарско-турецкий альянс был активен и в Марокко: Партия справедливости и развития, поддерживавшая тесные связи с «Братьями-мусульманами», сумела добиться успехов во время «арабской весны». Совершая официальные визиты в Марокко, Катар оказывал государству финансовую поддержку, в том числе выделив 136 млн. долларов США в 2014 году; правительство Катара оказало финансовую помощь Партии справедливости и развития на парламентских выборах 2016 году, при этом катарские гранты направлялись целенаправленно в те районы и города, где эта партия пользовалась широкой популярностью, – так, около 100 млн. долларов США через благотворительные фонды получили Марракеш, Сафи и Эс-Сувейра, что позволило получить места в законодательных органах власти⁴⁹⁷. Помимо

⁴⁹⁴ Фитин В.П., Иванов С.А., Горбатова В.В., Соснов Г.И., Махмутова М.И., Тарасенко Д.А. Турция и арабский мир: проблемы взаимодействия // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 6 (57). – С. 11-51.

⁴⁹⁵ Агасарян В.К. Роль Катара в сирийском кризисе // Вестник Российско-армянского (славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 3. – С. 178-182.

⁴⁹⁷ Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Турецко-катарский альянс в борьбе за региональное лидерство // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте. – Волгоград, 2018. – С. 370-428.

Марокко, некоторых успехов при катарско-турецкой поддержке «Братьям-мусульманам» удалось добиться и в Иордании в первые месяцы событий «Арабской весны».

Третья проблема катарско-саудовских отношений связана с развитием отношений между Катаром и Ираном, которое началось во время правления эмира Хамада бин Халифа Аль Тани (1995-2013 годах), и после него, поскольку экспансионистская политика Ирана по отношению к шиитскому населению, проживающему в арабском мире, и его попытки усилить собственное влияние на Ближнем Востоке являются причиной постоянной напряженности в отношениях между ним и Саудовской Аравией. При Хамаде бин Халифе Аль Тани Катар, действуя в качестве временного члена Совета Безопасности ООН, выступал против резолюции № 1696⁴⁹⁸, требующей от Ирана приостановить обогащение урана под угрозой экономических и дипломатических санкций в 2006 году. Кроме того, подписал с Ираном соглашение о сотрудничестве в целях борьбы с терроризмом и содействия сотрудничеству в области безопасности в 2010 году⁴⁹⁹. При его сыне Тамиме бин Хамаде Аль Тани Катар и Иран активизировали переговоры по эксплуатации разделённого между двумя странами месторождения природного газа⁵⁰⁰; Катар приветствовал заключение ядерной сделки с Ираном – Совместного комплексного плана действий, соглашения о ядерной программе 2015 года⁵⁰¹, согласованного постоянными пятью членами Совета Безопасности ООН, Германией и Ираном. Эта сделка усилила опасения Саудовской Аравии по поводу региональных устремлений Ирана, стала поводом для обвинений в адрес руководства этой страны в организации гражданских протестов в арабском мире, ведении прокси-войны с саудовскими силами и союзниками в Йемене, Сирии,

⁴⁹⁸ Resolution 1696, Adopted by the Security Council at its 5500th meeting, on 31 July 2006 // United Nations Security Council. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/450/22/PDF/N0645022.pdf?OpenElement> (accessed: 27.09.2022)

⁴⁹⁹ Security Cooperation Agreement between the Government of the State of Qatar and the Government of the Islamic Republic of Iran, March 9, 2010 (in Arabic). // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://www.almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=1733&language=ar> (accessed: 27.09.2022)

⁵⁰⁰ Bilgin A.R. Relations Between Qatar and Saudi Arabia After the Arab Spring // Contemporary Arab Affairs. – 2018. – Vol. 11. – № 3. – P. 113-134.

⁵⁰¹ Joint Comprehensive Plan of Action implementation and verification and monitoring in the Islamic Republic of Iran in light of United Nations Security Council Resolution 2231, December 2015 // International Atomic Energy Agency. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/gov-2015-72.pdf> (accessed: 27.09.2022)

Ливане и Бахрейне⁵⁰², в попытках убедить шиитское население, проживающее в разных арабских странах, выступить против законных правительств, поддерживаемых Саудовской Аравией⁵⁰³.

Со своей стороны, Катар не воспринимает Иран как угрозу национальной безопасности, считая эту страну значимым игроком для решения проблем безопасности в регионе Персидского залива, а потому неоднократно предпринимал попытки сбалансировать свои отношения с Саудовской Аравией и Ираном одновременно, но не добился в этом успеха, так как Саудовская Аравия требовала абсолютной лояльности от Катара. Следует отметить, что, воспринимая Иран как важного союзника для обеспечения своей национальной безопасности в регионе Персидского залива, Катар игнорирует заявления об опасности влияния Ирана на шиитов, даже имея собственное шиитское меньшинство, составляющее около 10% населения. Это объясняется тем, что шииты в Катаре практически неотличимы от граждан-суннитов: они одеваются и говорят одинаково, в отличие от Бахрейна или Саудовской Аравии, где существуют заметные различия в одежде и акценте; ведут тот же образ жизни и разделяют общие культурные ценности с катарскими суннитами; интегрированы с остальным обществом и не создают проблем в области безопасности для правительства Катара, сочетая в себе мусульманскую веру шиитов и катарскую идентичность⁵⁰⁴. В Саудовской Аравии, Кувейте, Бахрейне и ОАЭ шиитское меньшинство не интегрировано с остальным населением и подчёркивает свою идеологическую и религиозную близость с шиитским Ираном⁵⁰⁵.

На протяжении 2010-х годов последовательно ухудшались и отношения между Саудовской Аравией и Ираном, и отношение Саудовской Аравии к Катару вследствие его сотрудничества с Ираном. Так, в 2016 году Саудовская Аравия

⁵⁰² Егоров И.С. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как один из детерминирующих факторов в парадигме региональных отношений // *Международная жизнь*. — 2022. — № 4. — С. 92–102.

⁵⁰³ Joint Comprehensive Plan of Action implementation and verification and monitoring in the Islamic Republic of Iran in light of United Nations Security Council Resolution 2231, December 2015 // International Atomic Energy Agency. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/gov-2015-72.pdf> (accessed: 27.09.2022)

⁵⁰⁴ Bilgin A.R. Relations Between Qatar and Saudi Arabia After the Arab Spring // *Contemporary Arab Affairs*. – 2018. – Vol. 11. – № 3. – P. 113-134.

⁵⁰⁵ Егоров И.С. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как один из детерминирующих факторов в парадигме региональных отношений // *Международная жизнь*. — 2022. — № 4. — С. 92–102.

объявила о разрыве дипломатических отношений с Ираном, назвав его своим основным региональным противником. Поводом для разрыва послужила казнь шиитского проповедник Нимр ан-Нимра саудовскими властями, за которой последовало нападение на посольство Саудовской Аравии в Тегеране⁵⁰⁶. В качестве ответной меры на разрыв отношений Иран обратился с призывом к мусульманам всего мира оспорить контроль Саудовской Аравии над святыми местами Мекки и Медины и поддержать введение над ними международного режима управления⁵⁰⁷.

В ноябре 2017 году король Саудовской Аравии обвинял Иран в том, что воспользовавшись смутой в арабском мире, Иран фактически установил контроль над столицами Сирии, Йемена, Ирака и Ливана, при этом Саудовская Аравия ставила своей целью преодолеть возникший в арабском мире раскол и создать общий фронт для противодействия экспансии Ирана, поскольку любые дипломатические меры, направленные на умиротворение этого агрессивного государства, не могут быть успешными⁵⁰⁸.

22 сентября 2018 года в результате нападения на военную церемонию в городе Ахвазе на юго-западе Ирана погибли 25 человек и многие получили ранения, в том числе члены Корпуса стражей революции Ирана. Верховный лидер Ирана аятолла Хаменеи обвинил в этом Саудовскую Аравию и ОАЭ, заявив: «Этот трусливый акт был совершён теми же людьми, которых спасают американцы, когда они оказываются в ловушке в Сирии и Ираке, и чьи руки находятся в карманах Саудовской Аравии и ОАЭ»⁵⁰⁹. Ирано-саудовское соперничество, усилившееся после военного вторжения США в Ирак в 2003 году вследствие удаления иракского режима С. Хусейна из уравнения региональной политики, отражает разное видение этими двумя странами организации

⁵⁰⁶ Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Дорофеев Ф.А. Суннитско-шиитское противостояние. Иран и Саудовская Аравия в борьбе за региональное лидерство // Свободная мысль. – 2019. – № 1 (1673). – С. 169-180.

⁵⁰⁷ Чикризова О.С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – Ч. 19. – № 4. – С. 545-565.

⁵⁰⁸ Косач Г.Г. Саудовская Аравия сегодня // Свободная мысль. – 2018. – № 2 (1668). – С. 83-96.

⁵⁰⁹ Mabon S. Introduction: Saudi Arabia, Iran and the struggle to shape the Middle East // The Foreign Policy Centre. 2018. URL: <https://fpc.org.uk/introduction-saudi-arabia-iran-and-the-struggle-to-shape-the-middle-east/> (accessed: 16.07.2020).

безопасности в Персидском заливе: для Саудовской Аравии безопасность в Персидском заливе должна поддерживаться посредством ее давнего союза с Соединёнными Штатами, однако с позиции Ирана безопасность должна обеспечиваться исключительно теми государствами, которые территориально расположены в регионе Персидского залива.

Находясь в состоянии блокады с 2017 года, одним из условий снятия которой заявлен разрыв любых отношений между Катаром и Ираном⁵¹⁰, Катар продолжил официально поддерживать право Ирана на использование ядерной энергии в мирных целях, высокопоставленные представители катарского оборонного ведомства регулярно призывают восстановить иранское ядерное соглашение 2015 года, Катар заявляет, что не присоединится и не поддержит никакие враждебные меры против Ирана⁵¹¹. Помимо этого, Иран заявил о готовности экспортировать продовольствие в Катар воздушным и морским путём и предоставил компании Qatar Airways право использовать своё воздушное пространство (около 80 катарских рейсов ежедневно)⁵¹².

Вместе с тем, после разрешения Катарского дипломатического кризиса 5 января 2021 года Саудовская Аравия начала постепенно пересматривать подход к своим отношениям с Ираном. Этому способствовал целый ряд факторов. Во-первых, позиция КНР, так как выстраивание долгосрочных деловых отношений между Саудовской Аравией и Китаем требовало смягчения противоречий между саудитами и одним из ключевых партнёров Китая на Ближнем Востоке – Ираном. Во-вторых, элементарная логика подсказал руководителям в Эр-Рияде контрпродуктивность такого подхода, когда другие члены ССАГПЗ (прежде всего, Катар и ОАЭ) пытаются извлечь дополнительную выгоду из сотрудничества с Ираном, а Саудовская Аравия – нет. В-третьих, это йеменский кризис, выйти из которого с наименьшими потерями и последствиями Саудовская

⁵¹⁰ Зинин Ю.Н. Суннитско-шиитская эскалация как фактор нарастания террористической угрозы // Международная аналитика. – 2017. – № 4. – С. 53-61.

⁵¹¹ Егоров И.С. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как один из детерминирующих факторов в парадигме региональных отношений // Международная жизнь. — 2022. — № 4. — С. 92–102.

⁵¹² Бакалинский М. Остракизация Катара: ситуация и расстановка сил (обзор региональных СМИ и СМИ ведущих международных акторов) // Международная жизнь. 2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17711> (дата обращения: 16.07.2020).

Аравия могла, договорившись с хуситами через Иран. И, наконец, это российско-украинский конфликт, который показал и несостоятельность США как глобального полицейского, и якобы эффективность иранского оружия, прежде всего, беспилотных летательных аппаратов и ракет, и необходимость рассчитывать исключительно на собственные силы в рамках выстраивания региональной безопасности в многополярном мире. Таким образом, в 2023 году были подписаны соглашения между Ираном и Саудовской Аравией о возобновлении дипломатических отношений. Вместе с тем, данная нормализация не снимает самой фундаментальной проблемы недовольства Саудовской Аравии особыми отношениями между Катаром и Ираном, учитывая, что ирано-катарский альянс потенциально обладает огромным влиянием на все группы граждан Королевства: иранцы распространяют свою пропаганду на шиитов, проживающих в нефтеносной Восточной провинции Саудовской Аравии, а катарцы – через «Братьев-мусульман» – на основное суннитское населения, которое с каждым годом становится всё больше склонным пересмотреть старый общественный договор с правящей династией Аль-Сауд и, вполне возможно, на основе салафитских подходов.

Четвертая проблема катарско-саудовских отношений – это поддерживаемая Катаром деятельность телеканала «Аль-Джазира» и его критика в отношении Саудовской Аравии. Репортажи критического характера, выпускаемые в эфир журналистами «Аль-Джазиры», воспринимаются Саудовской Аравией как угроза выживанию саудовского режима. «Аль-Джазира» уже стала одним из наиболее влиятельных инструментов «мягкой силы» Катара, сыграла значимую роль в освещении протестов арабском мире во время «арабской весны», чем стимулировала их, приводя в пример другие страны. Деятельность «Аль-Джазиры» стала одним из главных побуждающих и мотивирующих компонентов для революционных движений по всему Ближнему Востоку, при этом Катар использовал ее для управления своим влиянием в регионе⁵¹³, для поддержки

⁵¹³ Егоров И.С. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как один из детерминирующих факторов в парадигме региональных отношений // Международная жизнь. — 2022. — № 4. — С. 92–102.

революционных движений в Тунисе, Ливии, Египте и Сирии, что вызывало негативную реакцию у Саудовской Аравии⁵¹⁴.

В качестве ответной меры Саудовская Аравия усилила поддержку созданного в 2003 году в ОАЭ телеканала «Аль-Арабия» – он, как отмечает О.С. Чикризова⁵¹⁵, является частью публичной дипломатии и результатом согласованных усилий Саудовской Аравии и ОАЭ по доминированию в сфере спутникового и кабельного телевидения в арабском мире⁵¹⁶, охватывает вещанием арабские общины в разных странах и регионах мира, транслируется по сети Dish и Direct TV в США.

Проблемы в отношениях между Катаром и Саудовской Аравией усугубляются соперничеством между этими двумя странами не только в медийной сфере и в ряде уже описанных в этом параграфе стран, но также и на территории Йемена. Катар имеет тесные связи с проживающими на территории Йемена хуситами, развивающиеся с 2004-2007 годов, когда Катар помог им заключить перемирие с правительственными войсками. При политической, финансовой и медийной поддержке Катара йеменская политическая партия «Ислах», имевшая идеологическую связь с движением «Братьев-мусульман», к концу правления А.А. Салеха стала одной из наиболее влиятельных оппозиционных групп на территории Йемена и в 2011 году совместно с кланом Ахмаров стала одним из организаторов протестов против действующего режима А.А. Салеха⁵¹⁷. Обвиняемый Саудовской Аравией в поддержке хуситов Катар на протяжении нескольких лет оказывал Йемену гуманитарную помощь, в том числе занимаясь строительством школ, больниц, жилья для бездомных.

⁵¹⁴ Bilgin A.R. Relations Between Qatar and Saudi Arabia After the Arab Spring // Contemporary Arab Affairs. – 2018. – Vol. 11. – № 3. – P. 113-134.

⁵¹⁵ Чикризова О.С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – Ч. 19. – № 4. – С. 545-565.

⁵¹⁶ Егоров И.С. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как один из детерминирующих факторов в парадигме региональных отношений // Международная жизнь. — 2022. — № 4. — С. 92–102.

⁵¹⁷ Егоров И.С. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как один из детерминирующих факторов в парадигме региональных отношений // Международная жизнь. — 2022. — № 4. — С. 92–102.

В 2017 году катарский Красный Полумесяц завершил строительство домов в районе Моха-Таиз для 160 бедных йеменских семей⁵¹⁸. Зная об этом, после объявления блокады Катара в 2017 года йеменская активистка и лауреат Нобелевской премии Т. Карман написала о Саудовской Аравии и ее союзниках, что «те, кто сейчас осаждают Катар, уже долгое время осаждают Йемен и убивают его граждан, стремясь расколоть страну», а потому из-за их незаконных действий Катар вынужден расплачиваться «за свою поддержку борьбы йеменских граждан за свободу и достоинство»⁵¹⁹.

Основной причиной противостояния между Катаром и Саудовской Аравией в Йемене является многолетнее представление Саудовской Аравии о Йемене как об исключительно своей сфере интересов, а потому она обвиняет Катар во вмешательстве во внутренние дела Йемена, в саботаже всех попыток Саудовской Аравии разрешить кризис в Йемене политико-дипломатическими методами и в усиливающейся вследствие этого фрагментации страны⁵²⁰.

Ареной противостояния между Саудовской Аравией и Катаром, в основном – политико-экономическими методами, выступают государства африканского Магриба. Нестабильность на этой территории в 2000-е годы создала возможности⁵²¹ для монархий Персидского залива – в первую очередь, для Саудовской Аравии и Катара – использовать свои финансовые ресурсы для приобретения и расширения регионального влияния, создания стратегических альянсов, получения экономических дивидендов. Магриб уже стал значимой территорией, где интересы стран Персидского залива могут существовать параллельно друг другу либо сталкиваться, что происходит, когда Катар открыто продвигает политические изменения и поддерживает исламистские движения, в

⁵¹⁸ Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Турецко-катарский альянс в борьбе за региональное лидерство // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте. – Волгоград, 2018. – С. 370-428.

⁵¹⁹ Демченко Д.А. Религиозный фактор во внешней политике стран Персидского залива: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – Пятигорск, 2020.

⁵²⁰ Егоров И.С. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как один из детерминирующих факторов в парадигме региональных отношений // Международная жизнь. — 2022. — № 4. — С. 92–102.

⁵²¹ Malka H. Maghreb Neutrality: Maghreb-Gulf Arab Ties Since the GCC Split // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/maghreb-neutrality-maghreb-gulf-arab-ties-gcc-split-0> (accessed: 15.07.2020).

то время как Саудовская Аравия в союзе с ОАЭ поддерживает контрреволюционные силы и существующую правящую элиту в попытке ослабить позиции исламистов. При этом, если Ливия и Тунис стали основными аренами для политической конкуренции стран Персидского залива, то в Марокко и Алжире Саудовская Аравия и Катар в большей степени ориентируются на инвестиции и деловые возможности, а также на расширение возможностей по оказанию влияния на лиц, принимающих политические решения.

Кроме того, не менее значимы в контексте опосредованного соперничества между Саудовской Аравией и Катаром страны Африканского Рога. Как отмечает Г. Верховен, если двадцать лет назад для арабских государств Африканский Рог являлся внутренней территорией, на которой они могут стремиться расширить свою власть и влияние, то в 2010-е годы Африканский Рог воспринимается уже не внутренним районом для ключевых государств Персидского залива, а продолжением регионального порядка, который они стремятся построить⁵²². Катар, Саудовская Аравия, другие государства Персидского залива и Турция активно демонстрируют своё стремление к обретению союзников и влиянию в регионе Африканского Рога, вследствие чего две основные политические линии раскола Ближнего Востока – между Ираном и арабскими государствами, и между членами ССАГПЗ – становятся видимыми и на Африканском Роге. Катар и Саудовская Аравия видят в Африке новую арену для конкуренции и создания альянсов, особенно в связи с тем, что Африканский Рог потенциально готов к быстрому экономическому росту.

Обладая значительными финансовыми ресурсами, Катар и Саудовская Аравия рассматривают возможность скорректировать будущий экономический и политический ландшафт бассейна Красного моря в свою пользу, расширяют своё физическое и политическое присутствие для создания новых партнёрских отношений, вследствие чего становятся особенно заметными политико-

⁵²² Verhoeven H. The Gulf and the Horn: Changing Geographies of Security Interdependence and Competing Visions of Regional Order // *Civil Wars*. – 2018. – Vol. 20. – № 3. – P. 333-357.

идеологические расхождения⁵²³: так, Саудовская Аравия в союзе с ОАЭ рассматривает гражданские беспорядки в африканских странах как нечто, что нужно контролировать, чтобы регион не стал площадкой для суннитских исламистских политических движений или Ирана; предпочитает краткосрочную стабильность в сфере безопасности, навязанную сильным государством; призывает союзников открыть свои рынки для инвестиций, но при этом не поддерживает жёсткие реформы, которые могут угрожать её статус-кво. Со своей стороны Катар в союзе с Турцией в большей степени склонен рассматривать народные восстания как способ расширения прав и возможностей таких групп, как «Братья-мусульмане», которые, по его мнению, способны продвигать его интересы в долгосрочной перспективе⁵²⁴.

Тем не менее, несмотря на обширный спектр имеющихся проблем в двусторонних отношениях, с момента снятия дипломатической блокады с Катара стороны приступили к налаживанию диалога – с января 2021 года в отношениях между Дохой и Эр-Риядом произошли позитивные сдвиги после подписания соглашения о примирении в Аль-Уле. В частности, еще с начала января 2021 года страны открыли наземные границы, закрытые с июня 2017 года после разрыва дипломатических отношений. Уже в декабре 2021 года эмир Катара шейх Тамим бин Хамад Аль Тани и принц Саудовской Аравии Мухаммед ибн Салман провели раунд переговоров, чтобы обсудить региональные и международные вопросы и двусторонние возможности, имеющиеся в политической, военной областях, сфере безопасности, экономической, коммерческой, инвестиционной, промышленной, культурной, спортивной сферах. Эмир и наследный принц сопредседательствовали на 6-м заседании Координационного совета Саудовской Аравии и Катара и заявили, что они «удовлетворены тем, что было достигнуто в

⁵²³ Intra-Gulf Competition in Africa's Horn: Lessening the Impact // Report № 206 International Crisis Group. 2019. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/206-intra-gulf-competition-africas-horn-lessening-impact> (accessed: 16.07.2020).

⁵²⁴ Intra-Gulf Competition in Africa's Horn: Lessening the Impact // Report № 206 International Crisis Group. 2019. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/206-intra-gulf-competition-africas-horn-lessening-impact> (accessed: 16.07.2020).

ходе заседания»⁵²⁵. В совместном заявлении, опубликованном после визита, отмечается, что стороны договорились укреплять сотрудничество по всем политическим вопросам и выработать общие позиции, которые сохранят безопасность и стабильность обеих стран в регионе⁵²⁶. Они также договорились продолжать военное сотрудничество, укреплять обмен информацией, пользоваться двусторонним опытом в специализированных областях и активировать подписанные между ними соглашения о безопасности. Саудовская Аравия и Катар заявили, что они стремятся развивать экономическое и коммерческое сотрудничество, увеличивать объем внутренней торговли, облегчать торговые потоки и использовать экономические, коммерческие и промышленные возможности. Стоит обозначить, что примеру Саудовской Аравии последовали и ОАЭ, когда на первой после окончания кризиса в Персидском заливе встрече лидеров стран делегации обсудили совместные механизмы и процедуры для реализации соглашений, достигнутых в Аль-Уле, и сформулировали важность укрепления отношений между двумя странами и развития совместной работы для достижения их общих интересов⁵²⁷.

В целом, можно сделать вывод о том, что четыре основные проблемы в отношениях между Катаром и Саудовской Аравией: поддержка Катаром «Братьев мусульман», сотрудничество Катара с Турцией, сотрудничество Катара с Ираном и использование Катаром во внешнеполитических, в том числе антисаудовских целях телеканала «Аль-Джазира» – оказывают существенное влияние на положение Катара и на Ближнем Востоке, и среди стран Персидского залива, поскольку невозможность урегулировать эти вопросы приводит к политическим кризисам, блокаде Катара другими странами Персидского залива с 2017 года, а также к финансовому и политическому противостоянию между Катаром и Саудовской Аравией на территории многих арабских государств, включая Египет,

⁵²⁵ Saudi Arabia and Qatar to strengthen cooperation, unify positions. // Arab News. 2021. URL: <https://www.arabnews.com/node/1984136/saudi-arabia> (accessed: 23.09.2022)

⁵²⁶ Joint Statement Issued at Conclusion of HRH Crown Prince's Visit to Qatar. // Saudi Press Agency. 2021. URL: <https://www.spa.gov.sa/2311348> (accessed: 23.09.2022)

⁵²⁷ Qatar and UAE leaders meet for first time since Gulf crisis ended // Al Jazeera. 2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/2/6/qatar-and-uae-leaders-meet-for-first-time-since-gulf-crisis-ended> (accessed: 30.09.2022)

Ливию, Тунис, Сирию, Йемен и пр., к информационному противоборству между телеканалами «Аль-Джазира» и «Аль-Арабия», а также к конкуренции в борьбе за американскую поддержку⁵²⁸ на уровне найма лоббистских структур в Вашингтоне⁵²⁹.

Расширяя своё влияние в регионе, Катар предпочитает действовать совместно с преследующей те же цели Турцией, в то время как основным региональным союзником Саудовской Аравии по противодействию деятельности Катара выступают экономически тесно связанные с ней Объединенные Арабские Эмираты. Страны ССАГПЗ также ожидали, что кризис и блокада нанесет ущерб легитимности региональной роли Катара и ослабит его внутреннюю стабильность. Эти цели должны были иметь решающее значение для восстановления гегемонии Саудовской Аравии, с одной стороны, и прекращения предполагаемой угрозы со стороны «Братьев-мусульман», с другой. Но поскольку позиция официальной Дохи была вполне четкой и не предусматривала выполнения ультиматумов, то увековечивание регионального раскола наносило ущерб абсолютно всем сторонам бойкота, включая и Саудовскую Аравию, а его прекращение стало коллективным благом для региона в целом. Таким образом, исходя из прагматических расчетов, Саудовская Аравия пришла к выводу, что убрать Катар с политической карты региона невозможно, поэтому в ближайшее десятилетие предстоит действовать с учётом этой новой константы.

Отдельно следует отметить ещё одну тенденцию уже в отношении Катара к Саудовской Аравии, которая стала всё четче проявляться после 2021 года, а именно: смещение фокуса с непримиримой борьбы с Саудовской Аравией любыми средствами и силами на ослабление этого Королевства и его позиций в регионе, но не уничтожение. Дело в том, что в значительной мере для региональной системы арабских монархий Персидского залива именно Саудовская Аравия являются ключевым стабилизирующим фактором,

⁵²⁸ Егоров И.С. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как один из детерминирующих факторов в парадигме региональных отношений // *Международная жизнь*. — 2022. — № 4. — С. 92–102.

⁵²⁹ Егоров И. С. Катар в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива: развитие дипломатического кризиса // *Социально-гуманитарные знания*. — 2020. — № 5. — С. 364–370.

фундаментом. Последствия исламской или демократической революции в этой стране, раскола страны по сирийскому или ливийскому сценарию могут привести к падению или по крайней мере серьезнейшей дестабилизации всех монархий Персидского залива. Именно поэтому Катар начинает занимать более прагматичную и осторожную позицию, тем более, что у самой Саудовской Аравии впереди время самого серьезного преобразования. Если в 2017-2022 годах эксперты активно обсуждали перспективы передачи власти от поколения сыновей основателя Третьего саудовского государства Абдель Азиза Аль Сауда к его внукам (в частности к наследному принцу Мухаммеду ибн Сальману), то сейчас перед Саудовской Аравией встает гораздо более фундаментальный вопрос трансформации из малого монархического государства, где лояльность граждан покупается перераспределением углеводородных доходов, к среднестатистическому государству, где граждане платят налоги и имеют больше прав, пусть даже не политических, но экономических, и карьерных возможностей. Методы управления новой, выросшей во всех отношениях Саудовской Аравией должны принципиально отличаться от подходов других стран ССАГПЗ, которые ещё долго могут поддерживать углеводородный статус-кво. Подобная «линька» даже без внешнего вмешательства может закончиться серьезнейшими потрясениями, поэтому в ближайшие годы политика Катара относительно Саудовской Аравией будет (во всяком случае – должна) отличаться всё большей дихотомией борьбы и помощи в критические моменты.

3.2. Информационная война как эффективный инструмент внешней политики Катара в противостоянии с Саудовской Аравией

В современном мире информационная война стала одним из особых видов ведения войны, военных операций и кампаний, причём кроме традиционных акторов – государств – в этих мероприятиях оказываются активно задействованы и новые: транснациональные корпорации, международные и региональные организации. Именно поэтому изучение особенностей информационной войны на текущем этапе представляется одним из ключевых направлений для теоретических и практических исследований по проблемам международной и региональной политики.

Прежде чем проанализировать ход и особенности информационной войны между Катаром, с одной стороны, и Саудовской Аравией, ОАЭ, с другой, представляется необходимым разграничить и дать определения терминам, которые будут использоваться в данном параграфе, и начертить абрис истории развития информационных войн (и расширения их арсенала) в мире, в целом, и на Ближнем Востоке, в частности.

Рассматривая обозначенную проблему, исследователь сталкивается со следующими понятиями, которые следует различать и разграничивать: «пропаганда», «военная пропаганда», «информационная операция», «информационная война»⁵³⁰.

Прежде всего, следует отметить, что информационная война является наиболее широким термином и в значительной мере включает в себя (но не

⁵³⁰ Подразумевается изначально англоязычный термин «information and psychological warfare», который дословно с английского языка можно перевести как «информационное противоборство» или как «информационная и психологическая война».

ограничивается ими) остальные понятия: она состоит из множества информационных операций, которые происходят на фоне постоянно действующей пропаганды или военной пропаганды.

В военной науке создание концепций информационной операции и информационной войны относится к 1970-м годам, а сами термины были впервые употреблены в отчёте Томаса Рона «Системы оружия и информационная война» (*Weapon Systems and Information War*), подготовленном в 1976 году для компании Boeing⁵³¹. Таким образом, информационная операция — это «комплекс взаимосвязанных по цели, месту и времени мероприятий и акций, направленных на инициализацию и управление процессами манипулирования информацией, с целью достижения и удержания информационного превосходства над противником»⁵³². Сегодня информационные операции часто нацелены на то, чтобы нарушить адекватное восприятие действительности небольшой группы или даже одного лица, которые имеют полномочия для принятия критически важных решений в политической, экономической, военной или культурной системе внешнего врага, и тем самым служат триггером совершения действий, направленных против собственных же интересов.

Другой важной составляющей информационной войны является пропаганда⁵³³. Точное и остающееся релевантным для XXI в. определение термина «пропаганда» представлено в Большой Советской Энциклопедии: «это

⁵³¹ Rona Thomas P. *Weapon Systems and Information War*. – Seattle: Boeing Aerospace Co., 1976.

⁵³² Макаренко С.И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. – СПб: Научные технологии, 2017.

⁵³³ «Пропаганда» и как слово, и как явление появилось в Ватикане и происходит от названия католической организации *Congregatio de Propaganda Fide* (Конгрегация распространения веры), которая была создана папой Григорием XV в 1622 г. Конгрегация, созданная для пропаганды христианства по всему миру, формально «отгородилась» от других католических организаций и предписала папским нунциям разъяснять, что будет действовать не насильственными методами, а проповедью, молитвой и распространением образования. Был создан целый аппарат по подготовке кадров, знающих языки и обычаи местных народов. Была значительно расширена деятельность папского издательства «*Turographia Polyglotta*», издававшего пропагандистскую литературу на множестве языков, включая языки стран Дальнего Востока. Эта централизованная пропагандистская машина осуществляла контроль над деятельностью духовных миссий во всем мире, вплоть до Индии и Японии. Огромная успешность католического прозелетизма объясняется, в том числе, ноу-хау католической пропаганды: опираясь на принципы сверхтерпимости, компромиссности и готовности к адаптации, проповедники принимали в лоно Церкви и объявляли католиками народы и племена с любыми (даже самыми экзотическими) верованиями, обрядами и обычаями и временно включали эти практики в число католических ритуалов. Таким образом, неофиты не испытывали никакого дискомфорта, но в течение 1-2 поколений превращались в самых обычных католиков. Необходимо отметить, что похожие пропагандистские организации в национальных государствах и империях появились только в конце XIX – начале XX вв.

распространение политических, философских, научных, художественных и других взглядов и идей с целью их внедрения в общественное сознание и активизации массовой практической деятельности. Основные элементы процесса пропаганды: её субъект (социальная группа, интересы которой выражает пропаганда), содержание, формы и методы, средства или каналы пропаганды (радио, телевидение, печать, система лекционной пропаганды и так далее), объект (аудитория или социальные общности, на которые направлена пропаганда). Решающим для понимания процесса пропаганды являются социальные интересы её субъекта, их соотношение с интересами общества в целом и отдельных групп, к которым обращена пропаганда. Это определяет её содержание и оказывает существенное влияние на выбор форм, методов и средств пропаганды»⁵³⁴.

Таким образом, пропаганда может быть направлена как на собственное население, так и на население предполагаемого противника, а её специфика, формы и методы должны учитывать не только культурные, интеллектуальные и моральные качества объекта, но и состояние дипломатических отношений, военно-политическую обстановку между странами, которые оказываются в орбите этого воздействия.

Именно поэтому различают пропаганду и военную пропаганду. Вторая обычно совпадает с ведением вооружённых действий «на земле» и не предполагает сохранения формально дружеских или нейтральных отношений между странами (в отличие от обычной пропаганды), опирается на методы войны, где допустимы все средства, в том числе, ложь, безосновательные обвинения, подлоги и тотальные фальсификации. Здесь необходимо отметить, что эффективность более «грубых» методов военной пропаганды связана с увеличением во время войны суггестивности – одной из характеристик человеческой психики. В узком понимании специалистов психологической борьбы и военной пропаганды суггестивность означает уровень подверженности индивида внушению, который значительно возрастает, если человек сталкивается

⁵³⁴ Пропаганда // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.

с экономическими проблемами, голодом, нестабильностью, бомбардировками и прочее. Именно поэтому информационная война, обычно не предполагающая горячего конфликта, чаще связана с более искусной и интеллектуальной (относительно) пропагандой.

Таким образом, переходя к дефиниции современной информационной войны, необходимо отметить, что она представляет собой комплексное явление, состоящее из отдельных информационных операций, пропаганды (военной пропаганды), и других мероприятий. Согласно профессору А.В. Манойло, информационная война, является «особым видом вооружённого конфликта, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия»⁵³⁵. Главная задача информационных войн – «разделить и поляризовать общество, разорвать его на множество клочков и фрагментов, заставить эти фрагменты искренне ненавидеть друг друга с тем, чтобы затем столкнуть их между собой, инициировав борьбу на уничтожение, или объединить их агрессию в единый поток и направить его против действующей власти. При этом цель информационной войны – сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле»⁵³⁶.

Вместе с тем, информационные войны (или, вернее сказать, прото-информационные) имеют длинную историю, в ходе которой их арсенал постепенно расширялся. Изначально они были тесно связаны с проведением обычных военных кампаний и являлись вспомогательным (но от этого не менее важным и эффективным) элементом. Так, стоит упомянуть о типичной ещё для античности операции: кратное завышение численности собственных войск, которое должно было деморализовать войска противника и облегчить подкуп вражеских официальных лиц под предлогом неизбежного поражения их страны или полиса (например: поход Ксеркса I на греческие полисы)⁵³⁷. Более того, говоря об истории этого явления, нельзя не упомянуть о том, что современная

⁵³⁵ Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2021. – № 1. – С. 100-131.

⁵³⁶ Там же.

⁵³⁷ Holland T. Persian Fire: The First World Empire and the Battle for the West – Hamburg: Anchor, 2006.

концепция информационных войн США восходит к Трактату о военном искусстве, написанном в IV в. до н.э. китайским полководцем и государственным деятелем Сунь-Цзы⁵³⁸.

Однако в современном понимании информационные войны начинают становиться значимым явлением лишь в конце XVIII – XIX веков. Это, например, и информационная война Наполеона I в Египте, направленная против турецкого правительства, и английская операция по дискредитации власти короля Франции Луи-Филиппа I, ставшая одной из причин революции 1848 года, и масштабная информационная кампания, направленная против института царской власти и государственности в Российской Империи.

Новый шаг в развитии теории и практики информационных войн произошёл в преддверии и во время Первой мировой войны. Во-первых, вместе с появлением массовых армий эпохи империалистических войн критически важной стала пропаганда и контрпропаганда, направленные на максимальную мобилизацию собственного населения и срыв мобилизации в государстве противника, общую дискредитацию или сакрализацию действующей власти. Во-вторых, правительства государств пришли к выводу о необходимости создания отдельных специализированных органов для ведения информационной войны: Бюро военной пропаганды и Министерство информации в Великобритании, Комитет общественной информации в США, Дом прессы во Франции, Центр военной прессы в Германии и т.д.⁵³⁹ И именно в Великобритании (где к пропаганде было самое серьёзное отношение, что видно уже из ранга ответственного органа) были разработаны новые принципы ведения и задачи информационной войны, которые остаются актуальными и сегодня.

Прежде всего, речь идёт о комплексном и всеобъемлющем подходе к ведению войны. Так, в информационных операциях должны быть задействованы все имеющиеся у государства (или другого актора) силы и активы (средства массовой информации, диверсионные операции, финансовые интервенции,

⁵³⁸ Конрад Н.И. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002.

⁵³⁹ Paddock T. World War I and Propaganda. – Leiden: Brill. 2014. – P. 7-117.

агенты влияния в странах противника, популярные писатели, артисты и актёры, художники, философы, проповедники, учёные).

Кроме того, была окончательно определена основная цель информационной войны: расколоть и фрагментировать общество противника, полностью дискредитировать действующую власть и заменить реальные цели общества на ложные, сделать невозможным или затруднительным сотрудничество страны-противника с третьими странами.

Наконец, важнейшим новым принципом, который был внедрён Альфредом Хамсвортом, 1-м виконтом Нортклиффа, создателем современной популярной журналистики и медиа магнатом, фактически отвечавшим за всю британскую пропаганду в годы Первой мировой войны, стала максима бульварной прессы: «операции информационной войны могут, но не обязательно должны опираться на реальные факты»⁵⁴⁰. Так, образцовой операцией информационной войны является изданный 12 мая 1915 года «Отчет Комитета о предполагаемых немецких безобразиях», подготовленный Бюро военной пропаганды Великобритании. Согласно этому документу, который ещё называют «Отчёт Брайса»⁵⁴¹: «жестокое обращение с населением достигло высот, невиданных ранее в войнах цивилизованных наций»⁵⁴². Американский исследователь Г. Мессингер отмечал, несмотря на то, что почти все факты, приводимые в отчёте были сфабрикованы и вымышлены, немецкое командование сначала «вообще не понимало, что происходит», а потом «так и не нашло успешного ответа на британскую пропаганду в Первой мировой войне»⁵⁴³. Подобные «отчёты брайса» стали неким универсальным приёмом большинства информационных войн. Последние десятилетия они широко используются США для установления международной изоляции неугодных режимов и военных операций против

⁵⁴⁰ Campbell S. *Secrets of Crewe house: the story of a famous campaign*. – London; N.Y.: Hodder and Stoughton, 1921.

⁵⁴¹ Bryce Report into German Atrocities in Belgium, 12 May 1915. First World War. URL: <https://www.firstworldwar.com/source/brycereport.htm> (accessed: 11.05.2021)

⁵⁴² В докладе подробно описывались отдельные случаи как пример общей тенденции. Так, в «Отчёте Брайса» шла речь о том, что немецкие офицеры и солдаты жестоко изнасиловали 20 бельгийских девушек, давали детям играть с боевыми гранатами, закалывали младенцев штыками, расчленили, поджигали, распяли нескольких военнопленных и т.д.

⁵⁴³ Messinger G.S. *British Propaganda and the State in the First World War*. – Manchester: Manchester University Press, 1992.

независимых государств по всему миру: от вторжения в Панаму в 1989 году, чей лидер – М. Норьега – был обвинён в организации международной наркоторговли, и Ирак в 2003 году (под предлогом наличия в стране оружия массового поражения) до последних санкционных атак и попыток полной изоляции Российской Федерации («дело Скрипалей», обвинения во вмешательстве в выборы в 2016 и 2020 годах, обвинения во взрыве складов в Чехии в 2014 году, обвинения в массовых убийствах в Буче в ходе российско-украинского конфликта).

Уже после Первой мировой войны британский дипломат лорд Понсонби окончательно сформулировал 8 основных нарративов военной пропаганды, которые актуальны и для современных информационных войн, особенно сопровождающихся реальными боевыми действиями: 1) «мы не хотели войны»; 2) враг воплощается в конкретной личности; 3) «мы действуем, исходя из самых высоких принципов гуманизма»; 4) «враг действует с неоправданной и нечеловеческой жестокостью, вызывающей ужас»; 5) «мы действуем с опорой на международное право и легитимные решения»; 6) гиперболизация собственных успехов и потерь противника; 7) опора на распространение дезинформации, слухов и фальсифицированных данных; 8) использование, так называемой, чёрной пропаганды, источником которой выступает лицо или организация де-юре лояльная противнику⁵⁴⁴. Все эти принципы чётко прослеживаются в информационной войне между Катаром и Саудовской Аравией, ОАЭ, что будет показано далее в исследовании.

Важными вехами в истории развития информационных войн стали: Вторая мировая война (успехи и методы «геббельсовской пропаганды» в отношении собственного населения)⁵⁴⁵, «холодная война» между СССР и США (борьба идеологий, постановка долгосрочных и стратегических целей)⁵⁴⁶.

⁵⁴⁴ Ponsonby A. Falsehood in War-Time: Containing an Assortment of Lies Circulated Throughout the Nations During the Great War. – L.: Garland Publishing Company. 1928. – P. 72-89.

⁵⁴⁵ Герцштейн Р. Война, которую выиграл Гитлер. – Смоленск: Русич, 1996. – С. 13-112.

⁵⁴⁶ Как известно, информационная война против СССР оказалась успешной, проигрыш в ней стал одним из возможных факторов распада этого государства. Однако долгосрочные последствия индоктринации научного,

Наконец, так называемые, информационные войны новой эпохи, которые, как указывают многие эксперты, начались с операции США на Ближнем Востоке «Буря в Пустыне»⁵⁴⁷, включают в себя войну в киберпространстве, как одно из подмножеств.

За прошедшие 30 лет информационные войны прошли огромный путь развития и сегодня представляют собой комплексное явление, включающее кроме упомянутых в начале пропаганды (или военной пропаганды), отдельных информационных операций, диверсионных действий (которые могут служить предлогом, «крючком» для начала всей войны или отдельных операций), также новую технологию – sharp power, которую можно определить, как «совокупность информационных операций влияния и методов информационного кибертерроризма. Она включает в себя манипулирование данными, формирование фальсифицированного контента новостного и событийного потока, осуществление информационных операций и проектов»⁵⁴⁸. Последнее особенно актуального для текущего исследования, так как манипулирование общественным мнением, оправдание собственных действий через создание многочисленных ботов в социальных сетях, через «фабрики троллей» стало важной особенностью информационной войны между Катаром и Саудовской Аравией, ОАЭ в 2017-2020 годах.

Кроме того, необходимо отметить такое важное и новое явление XXI века как «хактивизм». Этот термин можно определить как «политически мотивированную единичную онлайн операцию или кампанию, предпринятую негосударственными субъектами против государств или транснациональных компаний, чтобы выразить неодобрение или привлечь внимание к проблеме,

политического и медиа истеблишмента США левыми идеями отчётливо наблюдаются в XXI в., что может привести к непрогнозируемым последствиям для американской государственности.

⁵⁴⁷ Schreier F. On cyber warfare. Geneva Center for the Democratic Control of Armed Forces Horizon 2015 Working Paper No. 7. 2015. URL: <https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/OnCyberwarfare-Schreier.pdf> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁴⁸ Леонова О.Г. Sharp power – новая технология влияния в глобальном мире. // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 2. – С. 21-28.

отстаиваемой активистами»⁵⁴⁹. Прежде всего, речь идёт о таких известных проектах, как группа хакеров Anonymous и портале WikiLeaks, которые раскрыли большое количество конфиденциальной и чувствительной информации для ведущих мировых держав. И хотя многие западные исследователи указывают на то, что появление и активная деятельность этих групп является «реакцией на глобализацию, попыткой анархической революции, действиями «онлайн-робингутов»⁵⁵⁰, представляется, что это верно лишь отчасти и в значительной мере эти проекты созданы и направляются разведслужбами конкурирующих стран, являются инструментом для легализации полученной разведывательной информации. Опубликованные на WikiLeaks данные, в особенности дипломатическая переписка государственных чиновников и уполномоченных лиц США, стала одной из важных составляющих исследуемой информационной войны, так как содержала данные о контактах между арабскими странами и Израилем, Ираном, что является темой постоянных взаимных обвинений Катара и Саудовской Аравии, ОАЭ.

Вместе с тем, более подробное изучение всего арсенала и методов современных информационных войн, военных доктрин и регулирующих эту сферу документов разных стран мира выходит за рамки данной диссертации.

Изучив значительный объем исследований и работ по тематике информационных войн, представляется возможным перейти к выявлению особенностей информационной войны между Катаром и Саудовской Аравией, ОАЭ.

Информационное противостояние по степени интенсивности и важности можно разделить на 4 этапа:

⁵⁴⁹ Vegh S. Classifying forms of online activism: The case of cyberprotests against the World Bank. // In: M. McCaughey and M.D. Ayers eds. *Cyberactivism: Online Activism in Theory and Practice*. – N.Y.: Routledge, 2003. – P. 71-96.

⁵⁵⁰ Taylor P.A. From hackers to hacktivists: Speed bumps on the global superhighway? *New Media Society*. – 2005. – Vol. 7. – № 5. – P. 625-646; Fuchs C. The Anonymous Movement in the context of liberalism and socialism. // *A Journal For and About Social Movements*. 2013. Vol. 5. № 2. URL: <http://fuchs.uti.at/wp-content/Interface.pdf> (accessed: 11.05.2021); Wong W.H., Brown P.A. E-bandits in global activism: WikiLeaks, Anonymous, and the politics of no one. // *American Political Science Association*. 2013. Vol. 11. № 4. URL: <http://politics.utoronto.ca/wp-content/uploads/2013/12/wong-and-brown-2013.pdf> (accessed: 11.05.2021)

1) 1996-2011 годы. 15-ти летний период постепенной эскалации, который характеризовался отдельными информационными операциями и созданием генеральной линии взаимной пропаганды. В 1996 году в Катаре был создан телеканал «Аль-Джазира», открывший новую эру в медиа-сфере арабского мира. «Аль-Джазира» сфокусировалась на журналистике, связанной с расследованиями наиболее актуальных и значимых проблем, освещении социальных и политических проблем арабских стран, в том числе союзных государств, входящих в ССАГПЗ, что стало большой новацией для арабского мира, так как до этого основным источником всех проблем изображались страны Запада и Израиль, а не социально – экономические факторы, присущие данным странам: авторитаризм и недостаток демократии, высокий уровень коррупции, управленческие ошибки местных элит.

В 2004 году в ОАЭ заработал телеканал «Аль-Арабия», представляющий и защищающий, прежде всего, точку зрения Саудовской Аравии и ОАЭ. На этом этапе можно говорить о пропаганде (страны обвиняли друг друга в контактах и поддержке Израиля и Ирана, отходе от канонов ислама, служении Западу), отдельных информационных конфликтах, использовании «мягкой силы» на территории третьих стран, лоббистских усилиях в Европе и США для создания благоприятных условий для информационных операций и войны в будущем.

2) 2011-2017 годы. В этот период Катар, по точной и уже устоявшейся метафоре арабских журналистов, сбросил «информационную ядерную бомбу» на Ближний Восток. Влияние телеканала «Аль-Джазира» и, в целом, всей подконтрольной Катару медиа-сети, превзошло все ожидания, в значительной мере способствовало восстаниям и революциям от Атлантического Океана до Персидского залива. Однако этот период характеризуется ещё не прямой информационной войной между Катаром и Саудовской Аравией, ОАЭ, а военно-политическими и информационными столкновениями на территории третьих стран. Так, например, в Египте Катар активно поддерживал исламистов во главе с Мухаммедом Мурси, а Саудовская Аравия и ОАЭ – военных во главе с Абдель Фаттахом ас-Сиси. Более того, совместные действия (в том числе и

информационные операции) против режима Башара аль-Асада в Сирии и участие Катара на первом этапе в коалиции против йеменских хуситов останавливали эти страны от полномасштабной информационной войны. К этому времени стоит отнести первые значимые кибератаки в Персидском заливе. Так, национальная нефтяная компания Саудовской Аравии Saudi Aramco в августе 2012 года была атакована компьютерным вирусом Shamoon, который повредил 30 тыс. компьютеров. Цифровой блицкриг против Aramco был настолько жёстким, что бывший министр обороны США Леон Панетта сказал, что это, вероятно, «самая разрушительная кибератака на частный бизнес»⁵⁵¹. Ответственность за атаку взяли на себя хактивисты их группы «Cutting Sword of Justice», выступив с обвинениями Саудовской Аравии в преступлениях и зверствах против мусульман в Сирии и Бахрейне⁵⁵². В свою очередь в 2016 году был атакован один из крупнейших на Ближнем Востоке банков – Национальный банк Катара. Было украдено и размещено в интернете почти полмиллиона учётных записей с личными и контактными данными⁵⁵³. Хотя эти атаки и были чувствительными для режимов противоборствующих стран, они носили характер отдельных информационных операций, которые не получили дальнейшего развития. Поэтому в период 2011-2017 годы, самым значимым мероприятием на информационном фронте стала успешная катарская пропаганда исламистских идей среди молодёжи Саудовской Аравии, подробно о последствиях которой будет рассказано ниже.

3) 2017-2021 годы. Это период полноценной информационной войны между Катаром и Саудовской Аравией, ОАЭ.

⁵⁵¹ Perloth N. In Cyberattack on Saudi Firm, U.S. Sees Iran Firing Back. // The New York Times. 2012. URL: <https://www.nytimes.com/2012/10/24/business/global/cyberattack-on-saudi-oil-firm-disquiets-us.html> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁵² Saudi Arabia says cyber-attack aimed to disrupt oil, gas flow. // Reuters. 2012. URL: <https://www.reuters.com/article/saudi-attack/saudi-arabia-says-cyber-attack-aimed-to-disrupt-oil-gas-flow-idUSL5E8N91UE20121209> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁵³ Finn T. Qatar National Bank investigating alleged data hack. // Reuters. 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-qatar-ntl-bank/qatar-national-bank-investigating-alleged-datahack-idUSKCN0XO22S> (accessed: 11.05.2021).

4) 2021 год – по настоящее время. Период «холодной» информационной войны, характеризующийся подготовкой каждой из сторон к новому интенсивному противостоянию.

В начале «Арабской весны» мухабараты⁵⁵⁴ Саудовской Аравии и ОАЭ недооценили угрозу дестабилизации, которую несут радикальные исламистские идеи и движения не только для светских режимов с большим количеством накопившихся социально-экономических и демографических проблем, но и для монархических. В итоге, Катаром была проведена блестящая информационная операция, которая привела к получению контроля над «Братьями-мусульманами» и «Джебхат Ан-Нусрой»⁵⁵⁵.

Так, исторически Саудовская Аравия, в первую очередь, и ОАЭ, во вторую, являлись одними из основных спонсоров исламистских движений по всему миру, активно поддерживали «Братьев-мусульман»⁵⁵⁶. Во время начала «Арабской весны» не препятствовали своим гражданам участвовать в качестве наёмников или добровольцев в «джихаде» на территории Сирии и других стран. Однако молодые люди по возвращении из горячих точек сильно радикализировались и задавались вопросами соответствия монархического прозападного режима исламской доктрине. Формулировать и систематизировать эти вопросы им помогала медиа-империя Катара во главе с «Аль-Джазирой» и одним из самых авторитетных исламских религиозных деятелей Юсуфом аль-Кардави, который уже много десятилетий проживает в Катаре. Более того, «Братья-мусульмане» в Саудовской Аравии, как выяснил её мухабарат, в значительной мере направлялись из центров в Катаре и Турции. В итоге, в 2014 году Саудовская Аравия была вынуждена пойти на административные меры и внести в список террористических организаций «Братьев-мусульман», «Джебхат Ан-Нусру» и ряд других движений, начать репрессии и аресты их сторонников, отозвать своего посла из Катара. Фактически это означало не только признание собственного

⁵⁵⁴ Мухабарат – общее название для разведок арабских стран, аналог всеобщепотребимого Intelligence Service для обозначения специальных служб в Великобритании.

⁵⁵⁵ Данные организации являются террористическими и запрещены на территории Российской Федерации.

⁵⁵⁶ Террористическая организация, запрещённая на территории РФ.

поражения в сфере идеологии и пропаганды, но и окончательный разрыв с этими влиятельными и международными движениями, переход полного контроля над ними в руки Катара и Турции.

Катар в доктринально-идеологическом плане сделал ставку на политический ислам (прежде всего, «Братьев-мусульман»⁵⁵⁷) и народно-освободительную риторику (адаптированная для арабского мира вариация общемирового тренда на борьбу за «демократические ценности»), что принесло значительные результаты во время «Арабской весны». В то же время Саудовская Аравия и ОАЭ не смогли выработать последовательного нарратива своей пропаганды и действий: с одной стороны, они выступали за сохранение статус-кво в регионе, что означало поддержку светских режимов (Тунис, Египет.), с другой, Саудовская Аравия традиционно являлась основным идеологом ваххабитского течения в исламе (в середине 2010-х начался постепенный отход от этой парадигмы в сторону национализма), с третьей стороны, в гражданской войне в Сирии Саудовская Аравия и ОАЭ вместе с Катаром выступили против режима Башара аль-Асада, наконец, в Бахрейне и Йемене они выступили как «жандарм» Аравийского полуострова⁵⁵⁸.

Таким образом, Саудовская Аравия и ОАЭ под давлением США (прежде всего, администрации Д. Трампа) сделали основой антикатарской пропаганды суннитско-шиитское противостояние и отношения Катара с Ираном, что в реальности не в полной мере отражает общественные настроения и мнение элит в странах Персидского залива, на Ближнем Востоке, а является продолжением искусственной конструкции, которую пытался создать Госдеп США в 2016-2020 годах: арабо-израильский блок против Ирана.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению попытки информационного блицкрига против Катара в 2017 году, необходимо отметить, что власти «арабской четвёрки», прежде всего, ОАЭ и Саудовской Аравии, приняли защитные законодательные и административные меры, понимая, что ответ медиа

⁵⁵⁷ Организация запрещена на территории РФ.

⁵⁵⁸ В Бахрейне массовые протестные движения в 2011 г. Были подавлены силами Саудовской Аравии и ОАЭ. В Йемене силами коалиции во главе с Саудовской Аравии с 2015 г. продолжается операция против хуситов.

империи и пропаганды Катара может оказаться не менее сильным. Так, в ОАЭ опционально ввели возможность тюремного заключения сроком до 15 лет для любого, кто критикует правительство или выражает сочувствие Катару «посредством социальных сетей или в любой письменной, визуальной или устной форме»⁵⁵⁹. В Саудовской Аравии правительство ввело практически аналогичные меры (срок заключения за поддержку Катара в социальных сетях до 5 лет)⁵⁶⁰.

Кроме того, к 2017 году Саудовская Аравия и ОАЭ подготовили обширную базу для ведения кибервойны. Так, в соответствии с глобальным трендом – вести основные боевые действия через формально независимые фирмы и частные военные компании – ОАЭ решили действовать через организацию DarkMatter, которая, как выяснила журналист-расследователь Дженна Маклафлин, отвечала за целый ряд киберопераций в Персидском заливе и на Ближнем Востоке, в целом⁵⁶¹. Вместе с тем, последствием «Арабской весны» и потери влияния на «Братьев-мусульман», стал более внимательный подход к обороне в информационной войне со стороны «арабской четвёрки». К 2017 году, Саудовская Аравия и ОАЭ, как показано в ряде исследований, разработали методологию и наняли западных экспертов для борьбы с провокациями и инакомыслием на своей территории⁵⁶². ОАЭ сотрудничали с рядом израильских компаний и испытывали шпионское программное обеспечение на своих гражданах⁵⁶³, Саудовская Аравия, в свою

⁵⁵⁹ DeYoung. Bahrain and UAE criminalize 'sympathy' for Qatar. // The Washington Post (Online). 2017. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/bahrain-and-uae-criminalize-sympathy-for-qatar/2017/06/08/ce74a666-4c70-11e7-9669-250d0b15f83b_story.html (accessed: 11.05.2021).

⁵⁶⁰ Йикав Ассаудия Тавдых Укубат Альмутаатыфин маа Катар. Саудовская Аравия ужесточает наказание сочувствующим Катару (до 10 лет тюрьмы). // El Watan News. 07.07.2017. URL: <https://www.elwatannews.com/news/details/2176402> (дата обращения: 11.05.2021).

⁵⁶¹ McLaughlin J. Spies for hire: How the UAE is recruiting hackers to create the perfect surveillance state. // The Intercept. 2016. URL: <https://theintercept.com/2016/10/24/darkmatter-united-arab-emirates-spies-forhire/> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁶² How the government of Bahrain acquired hacking team's spyware. // Bahrain Watch. 2015. URL: <https://bahrainwatch.org/blog/2015/11/13/how-the-government-of-bahrain-acquired-hackingteams-spyware/> (accessed: 11.05.2021); Jones M.O. Social media, surveillance and social control in the Bahrain uprising. // Westminster Papers in Communication and Culture. – 2013. – Vol. 9. – № 2. – P. 69-92; Marczak W., Scott-Railton J., Paxson V., Marquis-Boire M. When governments hack opponents: A look at actors and technology. Paper presented at the 23rd USENIX Security, 2013.

⁵⁶³ Marczak W., Scott-Railton J. The million-dollar dissident: NSO group's iPhone zero-days used against a UAE human rights defender. Citizen Lab. 2016. URL: <https://citizenlab.ca/2016/08/million-dollar-dissident-iphone-zero-day-nso-group-uae/> (accessed: 11.05.2021).

очередь, сосредоточилась над информационным контролем за отдельными религиозными группами и общинами⁵⁶⁴.

Переходя к событиям Катарского дипломатического кризиса, который начался 5 июня 2017 года, необходимо отметить, что ему предшествовали полтора месяца информационной войны и «артподготовки». Так, 19 апреля 2017 года хакерам удалось обнаружить ошибку в коде официального сайта Qatar News Agency (далее – QNA) и получить доступ к публикации информации. Однако этой возможностью хакеры воспользовались лишь 23 мая 2017 года, когда разместили на данном портале ложные цитаты из выступления главы Катара эмира Тамима бин Хамада Аль Тани⁵⁶⁵. В этом выступлении эмир якобы хвалил Иран как исламскую державу, а Хезболлу и ХАМАС как движения сопротивления.

Такая точка зрения резко расходилась как с официальной позицией президента США Дональда Трампа, который выступил с жёсткой критикой Ирана на саммите в Эр-Рияде 20 – 21 мая 2017 года, так и с официальной публичной позицией, принятой в ССАГПЗ.

Несмотря на то, что взлом и публикация «фейковых» комментариев произошли внезапно, в студиях просаудовских каналов «Аль-Арабия» и Sky News Arabia уже присутствовали гости и эксперты, которые сразу начали критиковать Катар в качестве главного нарушителя спокойствия в регионе и требовать самого решительного и агрессивного ответа на опубликованные заявления. На Sky News Arabia были показаны кадры выступления эмира Тамима Аль Тани на выпускном вечере в военном учреждении, однако сама речь не транслировалась, а «выдержки» из неё были зачитаны комментатором⁵⁶⁶. Более того, СМИ стран «арабской четвёрки» обеспечили информационный вакуум и не пропустили ни одного прокатарского комментария, отвергли историю взлома и осудили Катар за его предполагаемую поддержку терроризма и действия против стран-союзников

⁵⁶⁴ Marczak W. (Interviewee), O’Kane J. (Director). Episode 3: Interview by the BBC [Series 1, episode 3]. // In J. O’Kane (Producer) House of Saud: A family at war. London, UK: BBC Current Affairs. 2013.

⁵⁶⁵ Salisbury P. The fake-news hack that nearly started a war this summer was designed for one man: Donald Trump. // Quartz, 2017. URL: <https://qz.com/1107023/the-inside-story-of-the-hack-that-nearly-started-another-middle-east-war/> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁶⁶ Watch the speech of the emir of Qatar on state television (in Arabic). // Sky News Arabia, 2017. URL: <https://tinyurl.com/yb2bogu5> (accessed: 11.05.2021).

по ССАГПЗ⁵⁶⁷ (с резко критическими статьями выступили, в том числе, уважаемые саудовские газеты Asharq Al Awsat, Al Hayat, Al Eqtisadiah, Okaz и Saudi Gazette)⁵⁶⁸. Так, например, во время эфира на канале «Аль-Арабия» связь с учёным из Саудовской Аравии Халедом М. Батарфи была прервана, как только он упомянул само существование официального опровержения Катаром текущих заявлений⁵⁶⁹.

Эта хакерская атака с размещением «фейкового» заявления от лица эмира Катара, открывшая прямую конфронтацию между странами, и, тем более, формальное начало самого Катарского дипломатического кризиса 5 июня 2017 года дали карт-бланш всем СМИ Саудовской Аравии и ОАЭ на создание антикатарских сюжетов любого содержания и правдоподобности, что оставалось нормой вплоть до начала 2021 года. Для понимания общей картины необходимо привести ряд типичных заголовков статей и новостных сюжетов медиа-холдинга «Аль-Арабия», темы которых утвердились в начале кризиса как ядро пропаганды и продолжали оставаться актуальными на протяжении более чем трёх лет⁵⁷⁰: «Катар поддерживает политику Ирана по вмешательству в кризисные ситуации в регионе»⁵⁷¹, «В чём политическое сходство Катара и сторонников жёсткой линии в Иране»⁵⁷², «Хезболла и Катар – история запретной любви?»⁵⁷³, «Хафтар

⁵⁶⁷ Emirati, Saudi media slammed for propagating Qatar 'fake news'. // The New Arab 2017. URL: <https://www.alaraby.co.uk/english/blog/2017/5/24/emirati-saudi-media-slammed-for-propagatingqatar-fake-news> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁶⁸ Ibish H. Qatar cannot be allowed to sabotage the region. // The National. 2017. URL: <https://www.thenational.ae/opinion/qatar-cannot-be-allowed-to-sabotage-the-region-1.65083> (accessed: 11.05.2021); Al-Marjan A. Qatar in the world's spotlight (Arabic). // Okaz. 2017. URL: <http://www.okaz.com.sa/article/1553036/> (accessed: 11.05.2021); Al-Marjan A. Qatar explains a hack with a hack (Arabic). // Okaz. 2017. URL: <http://www.okaz.com.sa/article/1559359> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁶⁹ Suleiman H. Abdullah bin Hamad al-Athbah: The awareness of gulf citizens has stopped the spread of fake news (in Arabic). // TinyURL 2017. URL: <https://tinyurl.com/y7gxctmy> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁷⁰ Далее следует авторский перевод с английского языка примеров заголовков.

⁵⁷¹ Qatar following Iran's policy of interference in the region's crises. English Al Arabiya. // Al Arabiya. 2017. URL: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2017/05/31/DNP-Qatar-following-Iran-s-policy-of-interference-in-the-region-s-crises> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁷² How Qatar and Iran's hardliners are very much alike politically. English Al Arabiya. // Al Arabiya. 2017. URL: <https://english.alarabiya.net/features/2017/05/29/ANALYSIS-How-Qatar-and-the-Khomeinis-are-very-much-alike-politically> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁷³ Hezbollah and Qatar – a story of forbidden. English Al Arabiya. // Al Arabiya 2017. URL: <https://english.alarabiya.net/features/2017/05/27/Hezbollah-and-Qatar-a-story-of-forbidden-love-> (accessed: 11.05.2021).

обвиняет Катар в поддержке терроризма в Ливии»⁵⁷⁴, «Основатель катарской разведки: «Доха сошла с ума»⁵⁷⁵.

В своих действиях Саудовская Аравия и ОАЭ использовали весь современный набор медиа (печатные СМИ, спутниковые каналы, интернет-издания, социальные сети). Что характерно, важной частью этой информационной войны являлся астротурфинг⁵⁷⁶, который стал идеальным дополнением основных нарративов пропаганды, приведённых выше («мы не хотели войны»; «мы действуем, исходя из самых высоких принципов гуманизма»; «мы действуем с опорой на международное право и легитимные решения»), так как он создавал эффект широкой общественной поддержки действий «арабской четвёрки» против режима Аль Тани внутри Катара и, в целом, в Персидском заливе.

Представляется необходимым более подробно проанализировать и выявить особенности применения этого метода информационной войны в противостоянии между Катаром и Саудовской Аравией, ОАЭ.

В целом, использование методов астротурфинга, применение ботов для пропаганды в интернете стало крайне распространено в XXI веке⁵⁷⁷.

Так, например, в социальной сети Twitter ещё в начале 2010-х годов по разным оценкам количество учётных записей-ботов составляло от 10,5% до 36,2%⁵⁷⁸. Кроме того, исследования показали, что даже небольшая группа скоординированных ботов может создавать тренды и влиять на настроения в

⁵⁷⁴ Haftar accuses Qatar of supporting terrorism in Libya. // Al Arabiya. 2017. URL: <https://english.alarabiya.net/News/north-africa/2017/05/29/Haftar-accuses-Qatar-of-supporting-terrorism-in-Libya> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁷⁵ Qatari intelligence founder: 'Doha has lost its mind'. // Al Arabiya. 2017. URL: <https://english.alarabiya.net/features/2017/05/29/Qatari-intelligence-founder-Doha-has-lost-its-mind-> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁷⁶ Метод имитации широкой общественной поддержки определённых инициатив, взглядов, убеждений. Нашёл широкое применение в интернете в сфере бизнеса и в политике. Впервые был использован американским сенатором Ллойдом Бентсеном, когда он высказался о массе якобы пришедших ему писем от широкой общественности, но на самом деле написанных одной лоббистской компанией. Сенатор сказал: «A fellow from Texas can tell the difference between grass roots and «AstroTurf», что можно перевести, как: «Парень из Техаса может понять разницу между низовой инициативой и «AstroTurf». Низовая инициатива в дословном переводе – «корни травы», а «AstroTurf» – это крупная компания, занимавшаяся искусственными травяными покрытиями. Игра слов, применённая сенатором, оказалась настолько удачной, что термин «астротурфинг» сначала начал использоваться в журналистике, а потом и в научных работах. Получил широкое распространение в академических кругах

⁵⁷⁷ Shorey S., Howard P. Automation, big data and politics: A research review. // International Journal of Communication. – 2016. – № 10. – P. 5032-5055.

⁵⁷⁸ Chu Z., Gianvecchio S., Wang H., Jajodia S. Detecting automation of Twitter accounts: Are you a human, bot, or cyborg? // IEEE Transactions on Dependable and Secure Computing. – 2012. – Vol. 9. – № 6. – P. 811-824.

социальных сетях, разрушать коммуникации между реальными пользователями, создавать панические настроения⁵⁷⁹.

Вместе с тем, если стороны, в данном случае Катар и Саудовская Аравия, ОАЭ, в ходе информационной войны обычно выступают с заявлениями, что все негативные комментарии и мнения против них в социальных сетях созданы ботами, а против их противников – реальными людьми, то в научном исследовании необходимо опираться на более верифицируемые методы идентификации «искусственных» аккаунтов. Для этих целей существует большое количество подходов и методик, специальных программ и утилит⁵⁸⁰, однако, когда необходимо работать с большим массивом информации, а в данном исследовании рассматривается именно такая ситуация, наиболее эффективны современные методы анализа метаданных⁵⁸¹, анализ закономерностей, настроений⁵⁸².

Следует отметить, что в научной среде (как на Западе, в самих странах Востока, так и в России) тема применения астротурфинга в военно-политических противостояниях на Ближнем Востоке и в Северной Африке слабо изучена. Один из ведущих учёных – специалистов в данной области в целом (проводит как теоретические, так и прикладные исследования) – профессор из Гарвардского университета Алексей Абрахамс⁵⁸³. Кроме того, непосредственно на тему использования ботов в социальной сети Twitter во время первого этапа информационной войны между Катаром и Саудовской Аравией, ОАЭ в 2017-2018 годах, было проведено репрезентативное исследование М. Джонсом из катарского Университета Хамада бин Халифы⁵⁸⁴. Данный раздел параграфа вводит в научный

⁵⁷⁹ Gilani Z., Farahbakhsh R., Crowcroft J. Do bots impact Twitter activity? In WWW '17 companion: Proceedings of the 26th International Conference on the World Wide Web. – Switzerland: International World Wide Web Conferences Steering Committee Republic and Canton of Geneva, 2017. – P. 781-782.

⁵⁸⁰ Pozzana I., Ferrara E. Measuring bot and human behavioral dynamics. // e-Print archive. 2018. URL: <https://arxiv.org/pdf/1802.04286.pdf> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁸¹ Chavoshi N., Hamooni H., Mueen A. Identifying correlated bots in Twitter. // In: E. Spiro & Y.Y. Ahn (Eds.), Social informatics. Lecture notes in computer science. – Bellevue: SocInfo, 2016. – P. 14-21.

⁵⁸² Dickerson J. P., Kagan V., Subrahmanian V. S. Using sentiment to detect bots on Twitter: Are humans more opinionated than bots? // John P. Dickerson Publications. 2014. URL: <http://jpdickerson.com/pubs/dickerson14using.pdf> (accessed: 11.05.2021)

⁵⁸³ Абрахамс А. Личная интернет-страница учёного с основными работами. // Google Sites. URL: <https://sites.google.com/site/alexeiabrahams/> (дата обращения: 11.05.2021).

⁵⁸⁴ Jones M. Propaganda, Fake News, and Fake Trends: The Weaponization of Twitter Bots in the Gulf Crisis.

оборот на русском языке основные результаты этих исследований, дополняет и анализирует их, таким образом, выявляет вклад и важность астротурфинговых операций в общем информационном противостоянии между Катаром и Саудовской Аравией, ОАЭ⁵⁸⁵.

Для анализа были выбраны наиболее популярные в Катаре, Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейне хэштеги⁵⁸⁶, связанные с вербальной атакой против катарских физических и юридических лиц. Они начали массово появляться ещё апреле 2017 года и, как оказалось, предвосхищали 13 требований «арабской четвёрки»⁵⁸⁷, которые были выдвинуты Катару в виде ультиматума после начала Катарского дипломатического кризиса⁵⁸⁸ (таблица № 1).

Таблица 1. Основные хэштеги и количество их упоминаний (в том числе ботами)⁵⁸⁹.

Образец поискового запроса (хэштег)	Общий размер выборки (количество упоминаний)	Количество упоминаний ботами	Дата выборки
«Аль-Джазира» оскорбляет короля Салмана»	33 000	4 375	28.06.2017
«Катар»	29 444	5 000	27.05.2017
«Катар»	9 786	1 769	01.01.2018
«Катар – спонсор терроризма»	15 000	1 500	20.05.2017
«Сокращение выплат катарским солдатам»	22 627	5 000	07.07.2017
«Мы требуем	8 107	7 542	23.06.2017

// Qatar International Journal of Communication. – 2019. – № 13. – P. 1389-1415.

⁵⁸⁵ Здесь и далее представлен авторский перевод исследования М. Джонса, с комментариями, анализом и доработкой основных итогов, представленных в подготовленных автором таблицах.

⁵⁸⁶ Хэштег (англ. hashtag от hash — знак решётки (#) и tag — метка) — ключевое слово или несколько слов сообщения, используемый в социальных сетях. Помогает осуществлять тематический поиск.

⁵⁸⁷ Ibish H. Qatar cannot be allowed to sabotage the region. // The National. 2017. URL: <https://www.thenational.ae/opinion/qatar-cannot-be-allowed-to-sabotage-the-region-1.65083> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁸⁸ Arab states issue 13 demand to end Qatar–Gulf crisis. // Al Jazeera. 2017. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2017/06/arab-states-issue-list-demands-qatar-crisis-170623022133024.html> (accessed: 11.05.2021).

⁵⁸⁹ Таблица № 1, а также Таблицы № 2 и 3 составлены автором на основе анализа эмпирических данных, приведённых в работе М. Джонса - Jones M. Propaganda, Fake News, and Fake Trends: The Weaponization of Twitter Bots in the Gulf Crisis // Qatar International Journal of Communication. – 2019. – № 13. – P. 1389-1415.

закрытия канала свиней»			
«Катараель и его предательство»	15 712	2 000	29.05.2017
«Наши сердца с Тамимом но не с двумя Хамадами» ⁵⁹⁰	2 050	1 050	12.01.2018
«Тамима в отставку»	11 054	2 100	22.08.2017

Эти данные свидетельствуют о том, что как минимум от 10 до 50% всех популярных в Twitter постов с хэштегами, связанными с негативной информацией, направленной против Катара, в этот период были размещены ботами. Более того, М. Джонс проанализировал историю и «биографию» 234 аккаунтов из приведённой выше выборки: оказалось, что почти все они были созданы по единому шаблону (таблица № 2) в апреле 2017 года, предвосхищали обвинения «арабской четвёрки»⁵⁹¹ и, главное, ограничивались только этой тематикой. В сообщениях ботов активно использовались одни и те же иллюстративные материалы: рисунки с лицом Тамима Аль Тани, наложенным на флаг Ирана⁵⁹², изображения «Катарской медиа-змеи»⁵⁹³ и прочее.

При этом, чтобы повлиять на поведение, взгляды, настроения всей группы или общества достаточно от 5 до 25% её членов, выражающих чётко артикулированное и направленное мнение⁵⁹⁴.

⁵⁹⁰ Выражение «Два Хамада» относится к Хамаду бин Халифе аль Тани и его родственнику, и давнему союзнику, премьер-министру Хамаду бин Джассиму аль Тани. На арабском языке «Два Хамада» звучит как «Хамадаян», эта грамматическая конструкция двойственного числа может иметь уничижительную коннотацию, в данном случае является повторяющимся элементом антикатарских дискурсов.

⁵⁹¹ Jones M. Propaganda, Fake News, and Fake Trends: The Weaponization of Twitter Bots in the Gulf Crisis. // Qatar International Journal of Communication. – 2019. – № 13. – P. 1389-1415.

⁵⁹² См. Приложение № 5.

⁵⁹³ См. Приложение № 6.

⁵⁹⁴ Noonan D. The 25% Revolution – How Big Does a Minority Have to Be to Reshape Society? // Scientific American. 2018. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/the-25-revolution-how-big-does-a-minority-have-to-be-to-reshape-society/> (accessed: 11.05.2021); Gilens M, Page B. Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens. // American Political Science Association. 2014. URL: https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/mgilens/files/gilens_and_page_2014_testing_theories_of_american_politics.doc.pdf (accessed: 11.05.2021)

Таблица 2. Типовая «биография» аккаунта-бота из выборки

Основные смысловые нарративы	
1.	Гражданин Катара. Использую Twitter как платформу, чтобы защитить свою землю и страну. Борюсь с продажными предателями из семьи Аль Тани.
2.	Катарская оппозиция против авторитарного правления. Положим конец правлению Аль Тани.
3.	Являюсь специалистом по стратегическим и политическим вопросам, защите прав граждан.
4.	Положим конец диктатуре Тамима.
5.	Спецслужбы Египта предоставили доказательства, что Катар спонсирует «Братьев-мусульман» / террористов.

Таким образом, реальные жители Катара должны были, как минимум, понять, что в их стране существует большой процент оппозиционно настроенных сограждан, которые активно критикуют правительство страны по всем направлениям, а, как максимум, быть индоктринированы антигосударственной идеологией.

Важный акцент эта кампания астротурфинга делала на дискредитации прокатарских источников информации, прежде всего, всей сети меди-империи «Аль-Джазира». Так, например, Саудовской Аравии и ОАЭ 28 мая 2017 года удалось вывести в тренды хэштег: «Аль-Джазира оскорбляет короля Салмана»; 23 июня 2017 года в тренде был хэштег: «Мы требуем закрытия канала свиней»; 19 июля 2017 года: «Аль-Джазира – источник лжи»⁵⁹⁵.

Исследование других сообщений, которые были опубликованы аккаунтами ботов, однажды использовавших один из самых популярных хэштегов – «Аль-Джазира оскорбляет короля Салмана», достаточно репрезентативно раскрывает,

⁵⁹⁵ Jones M. Propaganda, Fake News, and Fake Trends: The Weaponization of Twitter Bots in the Gulf Crisis. // Qatar International Journal of Communication. – 2019. – № 13. – P. 1389-1415.

что боты заранее использовали те обвинения, которые были предъявлены Катару в ходе Катарского дипломатического кризиса (таблица № 3)⁵⁹⁶.

Таблица № 3. Тематический анализ твитов⁵⁹⁷ ботов, однажды использовавших хэштег «Аль-Джазира» оскорбляет короля Салмана».

Примерное количество сообщений на тему	Тема	Пример
357	Катар поддерживает терроризм	Катар поддерживает террористов через канал свиней («Аль-Джазира»).
161	Критика Катара за поддержку Израиля	Катарцы – единственные, кто встречают израильтян под фанфары.
106	Обвинения Катара в поддержке «Братьев-мусульман»	«Братья-мусульмане» – преступники, которые получают много поддержки от Катара.
57	Обвинения Катара в поддержке Исламского государства	Исламское государство покупает оружие на деньги Катара.
52	Критика Катара за поддержку Ирана	Катар поддерживает иранских террористов.
55	Критика Катара за поддержку «евреев», обычно против «арабов»	Правительство Катара – предатели, которые имеют повадки «еврейских собак»
9	Критика Катара за поддержку сионизма	«Аль-Джазира» – инструмент в руках сионизма.
27	Критика Катара как источника противоречий	Цель «Аль-Джазиры» распространять раздор между арабами

Типичным продолжением астротурфинговой операции является распространение СМИ и популярными медиа-персонами пропаганды и «фейковых» новостей с опорой на уже массово опубликованные сообщения ботов, имитирующие широкий общественный резонанс определённой темы. Что особенно важно, зачастую, нейтральные издания и порталы не могут отличить реальных пользователей от ботов и, таким образом, невольно становятся участниками информационной войны.

Так, в мае 2017 года телеканал и интернет-портал BBC Arabic отметил хэштег «Аль-Джазира оскорбляет Короля Салмана» как самый популярный в

⁵⁹⁶ Ibid.

⁵⁹⁷ Твит – специальное название для сообщений в социальной сети Twitter.

регионе⁵⁹⁸. 7 июля 2017 года BBC Arabic опубликовал сообщение о сокращении зарплат катарским военнослужащим, ссылаясь на популярность в Twitter хэштега: «Сокращение выплат катарским солдатам»⁵⁹⁹.

В свою очередь для психологического давления на чиновников Катара в топ Twitter в регионе был выведен скриншот⁶⁰⁰ новости с портала информационного агентства Reuters с заголовком «Правительство Катара снижает зарплаты государственным служащим на 35% из-за бойкота, объявленного «арабской четвёркой»⁶⁰¹. Хотя на первый взгляд скриншот выглядит как настоящая статья Reuters, на сайте Reuters этой истории не было. Подобный подлог – это один из классических приёмов астротурфинговой операции (и информационной войны в целом)⁶⁰². И, конечно, тот факт, что данный хэштег также был подхвачен и опубликован на BBC Arabic, указывает на полезность ботов в проецировании фальшивого новостного контента за пределы Twitter.

Кроме того, продолжением психологического давления через Twitter на граждан и официальных лиц Катара в самый острый момент Катарского дипломатического кризиса (летом 2017 года) было «издевательство» над маленькими размерами Катара. Так выглядело одно из типичных сообщений с угрозами: «Район Ас-Сувейди [в Эр-Рияде] больше Катара. Это всего лишь вопрос недель, и он [Катар] станет саудовским городом»⁶⁰³. Были и другие твиты, нацеленные на ослабление морального духа населения Катара, например, активно раскручивались сообщения с утверждением, что «ОАЭ вырвут чемпионат мира по футболу 2022 года у Катара»⁶⁰⁴.

⁵⁹⁸ Anger after Uighar students arrested in Egypt. BBC Arabic trending. // BBC. 2017. URL: <http://bbc.com/arabic/trending-40080221> (accessed: 12.05.2021).

⁵⁹⁹ Al Jazeera insults King Salman “the Gulf Crisis rages on Twitter”. BBC Arabic trending. // BBC. 2017. URL: <http://www.bbc.com/arabic/trending-40531760> (accessed: 12.05.2021).

⁶⁰⁰ Снимок экрана – изображение, полученное устройством и показывающее в точности то, что видит пользователь на экране монитора или мобильного телефона.

⁶⁰¹ См. Приложение № 7.

⁶⁰² Wardle C. Fake news: It’s complicated. // First Draft. 2017. URL: <https://firstdraftnews.org/fake-news-complicated/> (accessed: 12.05.2021).

⁶⁰³ Harding D. Qatar crisis turns hostile on social media. AFP International Text Wire in English. // ABS-CBN News. 2017. URL: <http://news.abs-cbn.com/trending/06/13/17/qatar-crisis-turns-hostile-on-socialmedia> (accessed: 12.05.2021)

⁶⁰⁴ Ibid.

На основе проделанного анализа астротурфинговой операции против Катара можно сделать ряд выводов: использование ботов в социальных сетях (прежде всего, в Twitter) было распространено на протяжении всего Катарского дипломатического кризиса; по ряду хэштегов до 70-80% активных учётных записей оказались ботами; большинство ботов распространяли пропаганду, отражающую требования «арабской четвёрки» в отношении Катара; боты и созданные ими тенденции использовались некоторыми комментаторами для создания иллюзии антиправительственных настроений среди граждан Катара; тенденции, создаваемые ботами, иногда «подхватывались» СМИ и популярными медиа-персонами, что увеличивало влияние и охват пропаганды; астротурфинговая операция стала одним из элементов легитимации требований «арабской четвёрки»; «фейковые» новости и тренды, созданные ботами, создавали дискурсы, которых не было раньше (или которые были мало популярны), тем самым влияя на последующие обсуждения реальных людей.

Таким образом, прежде чем перейти к анализу основных ответных действий Катара, представляется возможным подвести предварительные выводы по форме и содержанию информационной войны против Катара.

В 2011-2017 годах Саудовская Аравия и ОАЭ создали общий нарратив антикатарской пропаганды, интенсивность которой зависела от тактической целесообразности. В 2017 году оформилась «арабская четвёрка» – Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет, которая приняла решение остановить рост влияния Катара в регионе любыми методами, возможно, вплоть до военной интервенции. Информационная война против Катара началась весной 2017 года по трём направлениям: активизация традиционных форм пропаганды через подконтрольные СМИ, астротурфинговая операция в социальных сетях, кибервойна. Взлом официального портала Катара и публикация на нём «фейковых» цитат эмира Катара Тамима Аль Тани стали началом наиболее активной фазы информационной войны и предлогом для выдвижения ультиматума «арабской четвёрки» из 13 требований к Катару. Массовое использование ботов в социальных сетях предвосхитило и усилило эти

требования. Мировые и региональные СМИ частично солидаризировались с искусственно созданным и «фейковым» «народным движением» за свержение режима Аль Тани. В связи с тем, что летом-осенью 2017 года Катару удалось стабилизировать экономическую обстановку и минимизировать последствия блокады, в значительной мере отразить информационные атаки (что будет разобрано далее в параграфе), а силовая операция на «земле» не состоялась, информационное противостояние перешло в стадию позиционной войны, участие в которой к январю 2021 года стало нести, прежде всего, для Саудовской Аравии неприемлемые риски и потери⁶⁰⁵.

Вместе с тем, Катар оказался гораздо более готов к кризису, блокаде⁶⁰⁶ и информационной войне, чем изначально предполагали Саудовская Аравия и ОАЭ, в целом, «арабская четвёрка».

В информационной войне Катар решил действовать асимметрично и не отвечать на прямые атаки такими же методами. Имея значительную поддержку среди части западных элит, большие связи и возможности в юридическом международном поле, лоббистов в ключевых странах ЕС и США, эмират стал действовать в рамках норм международного права.

Катарский национальный комитет по правам человека (далее – Комитет по правам человека) выпустил заявление о незаконности блокады и том, что меры «арабской четвёрки» против Катара представляют собой вопиющее нарушение всех норм международного права⁶⁰⁷, организовал серию международных мероприятий для распространения этой информации. Среди них следует отметить

⁶⁰⁵ Абылгазиев И.И., Васецова Е.С., Егоров И.С. Роль информационной войны в гибридном конфликте между государством Катар и королевством Саудовская Аравия // *Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов.* — 2023. — Т. 45, № 1. — С.58–72.

⁶⁰⁶ Военный союз с Турцией и решительность, проявленная турецким руководством в первые дни кризиса, которое почти сразу отправило военные подразделения в эмират, поддержка внутри США (прежде всего, со стороны госсекретаря Рекса Тиллерсона), исключили вероятность военного нападения Саудовской Аравии. Кроме того, сильные финансовые резервы Дохи смягчили непосредственные последствия осады. Бесперебойный экспорт газа из Катара клиентам за пределами региона Персидского залива имел решающее значение для противодействия дополнительному внешнему финансовому давлению. Открытый в 2016 г. порт Хамад обеспечил жизненно важный доступ к морской торговле, а договорённость с Ираном, чтобы Qatar Airways выполнял рейсы к основным пунктам назначения по всему миру, была чрезвычайно ценной. Все эти факторы сыграли решающую роль в серьёзном снижении эффективности блокады.

⁶⁰⁷ Office of the High Commissioner for Human Rights. OHCHR Technical Mission to the State of Qatar. 17-24 November 2017. Geneva, Switzerland. // National Human Rights Committee. URL: <http://nhrcqa.org/wp-content/uploads/2018/01/OHCHR-TM-REPORT-ENGLISH.pdf> (accessed: 12.05.2021).

крупную конференцию «Свобода выражения: противостояние угрозе» (24-25 июля 2017 года), которая была организована в сотрудничестве с Международным институтом прессы и Международной федерацией журналистов. Кроме того, Комитет по правам человека направил материалы по блокаде в Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (далее – УВКПЧ). И уже в июне 2017 года УВКПЧ выступило с заявлением для прессы, в котором призвали «все вовлечённые государства решить этот спор как можно быстрее путём диалога, воздерживаться от любых действий, которые могут повлиять на благополучие, здоровье, занятость и жизни их жителей»⁶⁰⁸.

В ноябре 2017 года УВКПЧ выпустила доклад «О влиянии кризиса в Персидском заливе на права человека», который оказался критическим по отношению к «арабской четвёрке»⁶⁰⁹. Кроме того, Катар подал широкомасштабную юридическую жалобу во Всемирную торговую организацию (далее – ВТО), чтобы оспорить экономическую блокаду⁶¹⁰.

Обращение к нормам международного права стало некоторой неожиданностью для стран-противников, так как сам Катар имел серьёзные проблемы с их соблюдением, прежде всего, в отношении трудовых мигрантов. Однако эмират во время кризиса смог оперативно продвинуться в решении этих проблем и провёл ряд реформ, которые получили позитивную оценку со стороны ведущих международных организаций в этой области – Amnesty International, Human Rights Watch⁶¹¹. Кроме того, Международная организация труда закрыла дело против Катара по поводу обращения с трудовыми мигрантами⁶¹².

⁶⁰⁸ UN rights chief urges dialogue among Qatar and countries involved in diplomatic dispute. // UN News. 2017. URL: <https://news.un.org/en/story/2017/06/559462-un-rights-chief-urges-dialogue-amongqatar-and-countries-involved-diplomatic> (accessed: 12.05.2021).

⁶⁰⁹ Office of the High Commissioner for Human Rights. OHCHR Technical Mission to the State of Qatar. 17-24 November 2017. Geneva, Switzerland. // National Human Rights Committee. URL: <http://nhrcqa.org/wp-content/uploads/2018/01/OHCHR-TM-REPORT-ENGLISH.pdf> (accessed: 12.05.2021).

⁶¹⁰ Gulf crisis: Qatar makes legal complaint to WTO over trade boycott. // DNA India. 2017. URL: <https://www.dnaindia.com/world/report-gulf-crisis-qatar-makes-legal-complaint-to-wto-over-trade-boycott-2519826> (accessed: 12.05.2021).

⁶¹¹ Qatar: Year of crisis spurred rights reforms. Human Rights Watch. // Targeted News Service, 2018. URL: <https://search.proquest.com/docview/1988946581> (accessed: 12.05.2021).

⁶¹² ILO drops Qatar migrant workers complaint after reforms. // BBC News. 2017. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-41919692> (accessed: 12.05.2021).

Также следует отметить эффективный ответ Катара на одно из главных требований «арабской четвёрки» о закрытии телеканала «Аль-Джазира». Во-первых, эмирату удалось спровоцировать «яростную» критику международных неправительственных организаций (включая Комитет защиты журналистов, Репортёры без границ и Human Rights Watch) относительно этого ультиматума, который затрагивал одну из главных западных ценностей – свободу слова. Во-вторых, Катар использовал эту ситуацию для увеличения аудитории и доверия к «Аль-Джазире», которые несколько пострадали после осознания в арабском мире последствий «Арабской весны». И, если Саудовская Аравия и ОАЭ рассчитывали, что Катар введёт такую же тотальную пропагандистскую цензуру, которая была принята на подконтрольных им СМИ, то эмират выбрал обратную тактику, которая когда-то и завоевала телеканалу его репутацию объективного и независимого издания: новостные репортажи «Аль-Джазиры» транслировали заявления «арабской четвёрки» и излагали обвинения в адрес Катара без цензуры, а на передачи приглашались эксперты с полярными точками зрения.

Более того, «Аль-Джазира» дополнила свой эфир сатирической программой «Above Power»⁶¹³, которая в пародийном жанре «деконструировала» действия «арабской четвёрки», а также рядом других коротких информационных передач⁶¹⁴. Катарский дипломатический кризис стал отправной точкой критики военной операции в Йемене, которая изначально имела сомнительное обоснование. Так, «Аль-Джазира» предоставила значительное эфирное время для освещения тяжёлого положения гражданского населения, тех ужасов, к которым приводят бомбардировки городов⁶¹⁵. Значительно усилилась критика в адрес наследного принца Мухаммада ибн Салмана⁶¹⁶.

⁶¹³ Beyond Authority. Al Jazeera. URL: <https://www.aljazeera.net/program/beyond-authority> (accessed: 12.05.2021).

⁶¹⁴ Azzouz S. Kill Qatar and Trump will be all yours [in Arabic]. // Al Quds. 2017. URL: <http://www.alquds.co.uk/?p=738770> (accessed: 12.05.2021).

⁶¹⁵ Changing the channel: Al Jazeera. // The Economist. 2017. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2017/07/01/why-al-jazeera-is-under-threat> (accessed: 12.05.2021).

⁶¹⁶ Mazzetti M., Hubbard N. Rise of Saudi prince shatters decades of royal tradition. // The New York Times, 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/10/16/world/rise-of-saudi-prince-shatters-decades-of-royal-tradition.html> (accessed: 12.05.2021).

Что касается взлома портала Катарского информационного агентства, то властям эмирата удалось организовать чрезвычайно эффективный ответ благодаря связям в правительственных структурах США. Так, в Катар было направлено подразделение Федерального бюро расследований США для анализа произошедшей ситуации, которое уже в середине июля 2017 года выпустило совместное заявление с генеральным прокурором Катара, что «хакерская атака на портал Катарского информационного агентства была инициирована странами, осаждающими Катар»⁶¹⁷. В это же время газета The Washington Post опубликовала статью, которая подтвердила историю взлома со ссылкой на источники в разведке США и в которой утверждалось, что «ОАЭ организовали взлом государственных новостных сайтов Катара и социальных сетей с целью размещения в конце мая заведомо ложных цитат, приписываемых эмиру Катара, которые спровоцировали продолжающийся конфликт между Катаром и его соседями»⁶¹⁸.

Другим нарративом ответного удара в информационной войне стала высокоморальная и гуманистическая позиция Катара. Она проявилась в том, что эмират не предпринял ответных мер против граждан стран «арабской четвёрки», даже если дипломатические нормы допускали такие действия. 14 ноября 2017 года на открытии 46-й сессии Консультативного совета Тамим бин Хамад Аль Тани выступил с речью, в которой особо подчеркнул, что Катар «стремится поддерживать братские отношения между народами Персидского залива», призвал к диалогу, основанному на взаимном уважении⁶¹⁹. В начале 2018 года представитель министерства иностранных дел Катара в свою очередь отметил, что Катар, в отличие от стран «арабской четвёрки» «не приказывал гражданам

⁶¹⁷ Adly A. Qatar presents proof of UAE role in QNA website hacking. // New Gulf Times. 2017. URL: <http://www.gulfimes.com/story/557315/Qatar-presents-proof-of-UAE-role-in-QNA-website-ha> (accessed: 12.05.2021).

⁶¹⁸ Nakashima K., DeYoung E. UAE orchestrated hacking of Qatari government sites, sparking regional upheaval, according to US intelligence officials. // The Washington Post. 2017. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/uae-hacked-qatari-government-sites-sparking-regional-upheaval-according-to-us-intelligence-officials/2017/07/16/00c46e54-698f-11e78eb5-cbccc2e7bfbf_story.html (accessed: 12.05.2021).

⁶¹⁹ Qatar moving ahead irrespective of blockade: Emir. // Gulf Times. 2018. URL: <https://search.proquest.com/docview/1963621923> (accessed: 12.05.2021).

стран арабской четверки покидать его территорию, отметив, что те, кто работал до кризиса, остались на своих местах даже сейчас»⁶²⁰.

Этот подход дал Катару значительные дипломатические и политические преимущества. Вместе с тем, из такой стратегии вытекает ещё одна особенность коммуникационного ответа Катара, а именно: принятие роли жертвы региональной агрессии. Так, Д. Кафиеро, генеральный директор американской компании Gulf State Analytics, которая специализируется на анализе геополитических рисков, отмечал, что: «несмотря на большие усилия, арабской четверке не удалось успешно продать свой антикатарский нарратив дипломатическому и оборонному истеблишменту в Вашингтоне», а «блокада Катара под руководством Саудовской Аравии / ОАЭ, возможно, дала Дохе ценный инструмент в Вашингтоне, которого у него не было до 5 июня 2017 года: карта жертвы»⁶²¹.

Наконец, на стороне Катара выступила группа хактивистов Global Leaks, которая взломала электронную почту посла ОАЭ в США Юсефа аль-Отейбы и передала полученные письма интернет-изданию The Intercept, посвящённому журналистским расследованиям⁶²². В них были данные о серьёзных лоббистских усилиях ОАЭ по формированию негативного образа Катара в истеблишменте США. Эта публикация сыграла свою роль в разоблачении и дискредитации антикатарской пропаганды⁶²³.

Продолжая тему лоббистских усилий Катара, Саудовской Аравии, ОАЭ в США, ещё раз отметим её важность и укажем на то, что эта специфическая арена соперничества стала одной из ключевых частей информационной войны.

⁶²⁰ Qatar not to retaliate against siege countries. // Gulf Times. 2018. URL: <http://www.gulftimes.com/story/577721/Qatar-not-to-retaliate-against-siege-countries> (accessed: 12.05.2021).

⁶²¹ Cafiero G. Qatar's anti-bullying narrative. // LobeLog. 2018. URL: <https://lobelog.com/qatars-anti-bullying-narrative/> (accessed: 19.07.2020)

⁶²² Grim R. Diplomatic underground: The sordid double life of Washington's most powerful ambassador. // The Intercept. 2017. URL: <https://theintercept.com/2017/08/30/uae-ambassador-yousef-al-otaiba-double-life-prostitutes-sex-work/> (accessed: 18.07.2020)

⁶²³ Dorsey J.M. UAE Ambassador's hacked mails feed crucial policy debates. // LobeLog. 2017. URL: <https://lobelog.com/uae-ambassadors-hacked-mails-feed-crucial-policy-debates/> (accessed: 19.07.2020)

Исследователи отмечают⁶²⁴, что вышеупомянутые монархии Персидского залива ежегодно тратят десятки миллионов долларов на фирмы, которые предоставляют лоббистские услуги в Вашингтоне, в особенности с начала катарского кризиса 2017 года. В частности, благодаря усилиям лоббистов, нанятых Саудовской Аравией, ей удалось убедить (хотя частично и временно) руководство США в том, что Катар действует как основной спонсор международного терроризма. В результате коалиция стран ССАГПЗ во главе с Саудовской Аравией первоначально получила одобрение блокады Катара со стороны администрации Д. Трампа. В финансовом отношении это потребовало от Саудовской Аравии затрат на сумму более 18 млн. долларов США на услуги американских лоббистов-консультантов и увеличения числа зарегистрированных в США «иностранных агентов» с 25 до 145 за 2015-2017 годы⁶²⁵ (так, в 2016 году регистрацию в качестве лоббистской организации в Вашингтоне получил Американо-саудовский комитет по общественным связям, и она потратила 1,6 млн. долларов США на производство материалов для телевизионного эфира, негативно представляющих политику Катара).

Катар приступил к найму собственных лоббистов в Вашингтоне уже через два дня после начала блокады 2017 года, обратился к таким компаниям, как Stonington Strategies, Nelson Mullins, Audience Partners Worldwide, привлек Lexington Strategies для укрепления контактов с еврейскими консервативными кругами, включая Zionist Organisation of America⁶²⁶. Нанятая правительством Катара компания BlueFront Strategies разработала для него специальную информационную кампанию⁶²⁷, включавшую следующие элементы:

– оплату создания видеороликов с призывами прекратить блокаду Катара;

⁶²⁴ Cook S.A. The Other Gulf Conflict: How the Qatar Crisis Is Playing Out in D.C. Back Rooms // The Council on Foreign Relations. 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/other-gulf-conflict-how-qatar-crisis-playing-out-dc-back-rooms> (accessed: 16.07.2020).

⁶²⁵ Фроловский Д. Лоббистские войны. Как арабские монархи борются за поддержку Вашингтона // Московский центр Карнеги. 27.02.2019. URL: <https://carnegie.ru/commentary/78455> (дата обращения: 06.07.2020).

⁶²⁶ Nassar T., Abunimah A. Qatar funded Zionist Organization of America. // The Electronic Intifada. 2018. URL: <https://electronicintifada.net/content/qatar-funded-zionist-organization-america/24936> (accessed: 12.09.2022)

⁶²⁷ Lift the Blockade Against Qatar. BlueFront Strategies 6466-Informational-Materials-20170924-5. // DocumentCloud. 2017. URL: <https://www.documentcloud.org/documents/4064091-6466-Informational-Materials-20170924-5.html> (accessed: 22.09.2022)

- разработку специального сайта с материалами о блокаде Катара и ущербе, который она наносит мирным гражданам;
- проведение рекламно-информационной кампании в международных социальных сетях;
- публикацию призывов прекратить блокаду Катара в популярных газетах (The New York Times, Financial Times и пр.)⁶²⁸.

В качестве ответных действий Саудовская Аравия оплатила собственную информационную кампанию: производство специальных видеороликов, разработку интернет-сайта The Qatar Insider, разъясняющего преступные связи правительства Катара с экстремистами и террористами, распространение в социальных сетях термина «катаризм» («qatarism») как понятия, указывающего на двойные стандарты государства в сфере безопасности. В целом, для противодействия Саудовской Аравии после начала блокады Катар оплатил работу более 250 влиятельных экспертов в США, израсходовав в 2017-2019 годах около 20 млн. долларов США на лоббистов (в то время как расходы Саудовской Аравии на те же цели составили около 24 млн. долларов США). По результатам своей лоббистской деятельности Катар в январе 2018 года был назван Д. Трампом «ответственным борцом с терроризмом»⁶²⁹, в чем не последнюю роль сыграло намерение Катара взять на себя часть расходов на содержание американской военной базы «Аль-Удейд». Кроме того, уже в июле Катар объявил о намерении приобрести американские военные самолёты 36 F-15QA на сумму 12 млрд. долларов США, расширив территорию базы «Аль-Удейд». В июле 2019 года Д. Трамп, отмечая значимость американо-катарских политических и экономических отношений, назвал эмира Катара «уважаемым человеком и прекрасным лидером, вкладывающим значительные средства в экономику США»⁶³⁰.

⁶²⁸ Там же.

⁶²⁹ Туголукова Л. Американский фактор в «Игре престолов» Катара и Саудовской Аравии // Российский совет по международным делам. 23.09.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/amerikanskiy-faktor-v-igre-prestolov-katara-i-saudovskoy-aravii/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 06.07.2020).

⁶³⁰ Там же.

Таким образом, можно говорить о том, что в свете почти абсолютного господства Саудовской Аравии в арабском медиапространстве на рубеже веков, в противовес ему Катар запустил канал «Аль-Джазира», как первый арабский спутниковый канал, специализирующийся на новостях. Выявлено, что, удовлетворив острую потребность в новостном канале с широкой свободой действий и разнообразием мнений, «Аль-Джазира» приобрела большую популярность, в частности, во время освещения войн в Афганистане и Ираке. Определено, что Канал стал важным измерением катарской «мягкой силы», будучи ключевым инструментом не только в региональном контексте, но и на международной арене. В результате большинство арабских режимов очень плохо относились к каналу, считая, что он распространяет ценности, чуждые региону. В том числе, деятельность «Аль-Джазиры» спровоцировала несколько дипломатических кризисов между Катаром и различными арабскими странами. На данный момент канал остается неотъемлемой частью плана развития «мягкой силы» и публичной дипломатии эмира Катара шейха Хамада бин Халифы по развитию эмирата и обеспечению его собственной амбициозной региональной роли.

Катар выдержал первоначальный удар летом-осенью 2017 года, когда существовала опасность, что эта информационная война является «диатрибой»⁶³¹ жёсткого военного вторжения в Катар. Действительно, Саудовская Аравия и ОАЭ (а вместе с ними – Бахрейн и Египет) обладали наступательным преимуществом, обеспеченным эффектом внезапности, направляли кибератаки по информационным узлам Катара, параллельно с этим для продвижения антикатарской пропаганды в киберпространстве использовались тролли и боты, весь инструментарий астротурфинга. Эти враждебные действия в СМИ и киберпространстве происходили на фоне экономической блокады и тотального дипломатического наступления на Катар.

⁶³¹ Егоров И. С. Катарский дипломатический кризис: причины и последствия // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 4. – С. 257-263.

Вместе с тем, Катар не случайно стоит у истоков современных информационных войн и операций на Ближнем Востоке, поэтому, как только была ликвидирована опасность «силового варианта»⁶³², эмират последовательно разрушил или сильно дискредитировал все главные нарративы антикатарской пропаганды и перешёл в постепенное контрнаступление по всем фронтам. Однако оно не могло закончиться окончательным успехом до тех пор, пока в кресле Президента США оставался Д. Трамп с его идеей об арабо-израильской коалиции против Ирана и готовностью закрывать глаза на нарушения прав человека со стороны Саудовской Аравии (например, убийство журналиста Джамала Хашогги). Победа демократов во главе с Д. Байденом на выборах в США, тем не менее, стала «чёрным лебедем» для Саудовской Аравии, которая фактически была вынуждена признать свою неготовность продолжать противостояние с Катаром, прежде всего, в информационном поле, и убедить остальные страны «арабской четвёрки» пойти на нормализацию отношений, что и произошло в январе 2021 года на очередном саммите ССАГПЗ в Саудовской Аравии.

Также стоит отметить и то, что активная роль Катара в информационном секторе прослеживается и в свете актуальных событий 2022 года. В частности, это активная поддержка Катаром позиции стран Запада в рамках «украинского кризиса» и Специальной военной операции России на Украине. Так, например, «Аль-Джазира», которая освещает конфликт на территории Украины гораздо лучше (оперативнее, продуктивнее) большинства украинских и российских СМИ, доносит правильную, выверенную «прозападную» позицию до арабских целевых аудиторий (что особо важно на фоне роста влияния медиа на формирование общественного мнения по украинскому вопросу). Это косвенно подтверждает тезис о наличии широкой сети развитого информационного присутствия СМИ Катара и использования информационного вектора во внешней политике в ключевых повестках не только регионального, но и глобального масштаба. При этом «Аль-Джазира» пользуется своими фирменными приёмами и оставляет

⁶³² Tibon A. With Tillerson out, Qatar and Saudis left sweating on where Pompeo stands on Gulf crisis. // Haaretz. 2017. URL: <https://www.haaretz.com/us-news/.premium-qatar-and-saudis-left-sweating-on-where-pompeo-stands-on-gulf-crisis-1.5909914> (accessed: 12.05.2021).

место для разных мнений и некоторой объективности, что, с одной стороны, делает их материалы более убедительными и правдоподобными, а, с другой, даёт возможность в будущем достаточно быстро поменять вектор освещения российско-украинского кризиса в случае получения подобных указаний от руководства.

3.3. Перспективы Катара как регионального лидера Ближнего Востока

За первые два десятилетия XXI века Катару удалось существенно расширить своё влияние на Ближнем Востоке и в Персидском заливе, проводя многоуровневую и многовекторную внешнюю политику, подразумевающую развитие отношений с широким кругом государств Ближнего Востока и Северной Африки, включая сотрудничество с претендующими на региональное лидерство Ираном и Турцией, и использование политических, финансовых и информационных методов и ресурсов. Устойчивость выбранного Катаром внешнеполитического курса, его способность сохранить за собой позиции одной из лидирующих экономик в регионе и одного из наиболее влиятельных государств в современных политических процессах Ближнего Востока (наряду с Ираном, Турцией, Саудовской Аравией, Израилем) во многом зависят от рассмотренных в предыдущих параграфах внутренних и внешних факторов.

Несмотря на объявленную в 2017 году блокаду, Катар продолжал сохранять значимые объёмы энергетических и финансовых ресурсов, поддерживает работу телеканала «Аль-Джазира» вопреки требованиям Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна о закрытии данной медиакомпания. Уже в 2019 году Катар опубликовал⁶³³ данные о профиците национального бюджета впервые за три года. Как один из лидеров в сфере экспорта природного газа в мире, Катар реагирует на ухудшившуюся⁶³⁴ в результате пандемии COVID-19 ситуацию на рынке СПГ (проявившуюся в виде падения цен на спотовый СПГ, роста складских запасов и избытка поставок СПГ) тем, что ускоряет собственные газовые мегапроекты,

⁶³³ Wellesley L. How Qatar's Food System Has Adapted to the Blockade // Chatham House. 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/how-qatar-s-food-system-has-adapted-blockade> (accessed: 16.07.2020).

⁶³⁴ Hasaj G., Schreiber T. U.S. Natural Gas: Once Full of Promise, Now in Retreat // The Council on Foreign Relations (CFR). 2020. URL: <https://www.cfr.org/blog/us-natural-gas-once-full-promise-now-retreat> (accessed: 16.07.2020).

чтобы закрепить свою долю на мировом рынке, как минимум, на следующее десятилетие. В частности, Катар заявил, что не станет замедлять расширение эксплуатации месторождения Северное, которое позволит увеличить производство СПГ до 110 млн. тонн в год уже к 2024 году⁶³⁵. В дополнение к этому стратегическому решению долгосрочного характера Катар продолжает наращивать объёмы поставок СПГ в европейские порты, чтобы увеличить свою долю на этом рынке на фоне падения цен.

В отношении фактора дефицита ресурсов необходимо отметить, что блокада 2017 года стала стимулом для пересмотра внутренней политики Катара в пользу большего внимания вопросам устойчивости и самообеспеченности страны: объявляя о профиците бюджета в 2019 году, эмир Катара заявил о том, что этот успех связан с успехом разработки и реализации долгосрочного плана диверсификации экономики страны, при этом ключевым достижением стало быстрое развитие отечественной пищевой промышленности Катара, призванное решить проблему продовольственной зависимости⁶³⁶. Резкое закрытие границ со стороны Саудовской Аравии привело к поступлению значительных объёмов частных инвестиций в пищевую промышленность Катара, за 3 года внутреннее производство продуктов питания увеличилось в четыре раза с момента введения блокады. Кроме того, если до блокады Катар импортировал 85% овощей, то в период 2020-2023 годов он уже обеспечил производство 60% овощей на собственной территории. Катар также стал самодостаточной страной в молочной промышленности, в то время как до блокады импортировал до 72% всех молочных продуктов⁶³⁷.

Внутренние факторы обладания и дефицита ресурсов не дают оснований для ожидания радикального пересмотра внешнеполитического курса Катара и его места в регионе. Катар сохраняет устойчивую политическую систему, развивает

⁶³⁵ Hasaj G., Schreiber T. U.S. Natural Gas: Once Full of Promise, Now in Retreat // The Council on Foreign Relations (CFR). 2020. URL: <https://www.cfr.org/blog/us-natural-gas-once-full-promise-now-retreat> (accessed: 16.07.2020).

⁶³⁶ Barakat S., Milton S., Elkahlout G. The impact of the Gulf crisis on Qatar's humanitarian sector // Disasters. – 2019. – Vol. 44. – № 1. – P. 63-84.

⁶³⁷ Wellesley L. How Qatar's Food System Has Adapted to the Blockade // Chatham House. 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/how-qatar-s-food-system-has-adapted-blockade> (accessed: 16.07.2020).

экономику вопреки блокаде, не характеризуется высоким уровнем социальной напряжённости, не отказывается от своих ценностей, внешнеполитических приоритетов и претензий на роль значимого актора в арабском мире, публично позиционируя себя как друга всех арабов и всех мусульман.

В том, что касается внешних факторов и перспектив роли Катара в регионе, представляется необходимым выделить и рассмотреть три основных тенденции:

1) ослабление соперничающей с Катаром Саудовской Аравии (и его причины);

2) демонстрируемую Катаром в регионе тактику малых шагов в виде стремления отслеживать и использовать благоприятные для него ситуации в каждой ближневосточной стране по отдельности (особенно это заметно на примере Иордании);

3) продолжающееся сближение Катара с внешними акторами, включая США, Европейский союз и Россию.

Ослабление Саудовской Аравии – это процесс, исследуемый в научной литературе, в основном, с середины 2010-х годов и обусловленный широким кругом причин, многие из которых связаны с региональной активностью Ирана, при этом наиболее значимыми из этих причин можно назвать следующие шесть:

1. Внутренняя нестабильность в Саудовской Аравии вследствие межконфессиональной напряжённости между суннитами и шиитами, а также комплекса реформ, начатого руководством страны. Саудовская Аравия сталкивается с проблемами в отношениях между правительством и шиитским меньшинством из-за его дискриминации и внешней поддержки шиитов со стороны Ирана⁶³⁸. Кроме того, весной 2016 года наследный принц Мухаммед ибн Салман Аль Сауд представил долгосрочную стратегию развития Саудовской Аравии с целью ликвидации нефтяной зависимости и диверсификации экономики, что было неоднозначно воспринято саудовским обществом. Молодёжь, доля которой составляет около 60%, преимущественно поддержала

⁶³⁸ Бибикова О.П. Реформы в Королевстве Саудовская Аравия // Россия и мусульманский мир. – 2019. – № 2 (312). – С. 88-103.

курс на расширение доступа к западной культуре и продукции, в то время как старшее поколение негативно воспринимает попытки наследного принца уменьшить влияние религии на политику страны и его инициативы по либерализации общества. Критику общества вызывают и военные неудачи Саудовской Аравии в Йемене. Так, например, О.С. Чикризова⁶³⁹ считала маловероятным сценарием долговременное сохранение власти у Мухаммеда ибн Салмана, поскольку против него объединились многие влиятельные саудовские принцы, они могут свергнуть его уже после смерти короля, что приведёт к изменению внутривластного и внешнеполитического курса Саудовской Аравии. Вместе с тем, хотя к 2024 году многие эксперты стали полагать, что Мухаммед ибн Салман в полной мере укрепил свои позиции в качестве наследника, ликвидировав всю внутрисемейную и бизнес оппозицию в течение 2017-2022 гг. в серии арестов, задержаний и уголовных дел, и обеспечил себе комфортную и надёжную процедуру передачи власти, перед Саудовской Аравией встали гораздо более фундаментальные проблемы, связанные со сменой «агрегатного» состояния этого государства. Саудовская Аравия окончательно переходит из ранга малых нефтеносных монархий Персидского залива в категорию средних государств с населением более 30 млн. человек, в котором невозможно действие прежнего общественного договора, где граждане продают свои экономические, политические и карьерные возможности за часть углеводородной ренты. Саудовская Аравия в силу объективных причин не сможет поддерживать старый статус-кво (в отличие от Катара) и вынуждена будет искать новую форму государственного устройства, что грозит катастрофическими потрясениями.

2) Затянувшийся кризис в Йемене – его связывают и с неудачами Мухаммеда ибн Салмана как военного лидера, и с активностью Ирана, оказывающего всестороннюю поддержку йеменским хуситам, против которых ведут борьбу Саудовская Аравия и ОАЭ. Иран оказывает все большее влияние на

⁶³⁹ Чикризова О.С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – Ч. 19. – № 4. – С. 545-565.

ситуацию, отправляя комплексы баллистических ракет хуситам, использующим затем ракетные системы для атак против Саудовской Аравии⁶⁴⁰. На территории Йемена сложилась ситуация политического, военного и гуманитарного кризиса, который сложно разрешить дипломатическими методами ввиду вовлеченности большого количества сторон и нежелания политических группировок идти на компромисс в распределении власти, при этом неспособность урегулировать данный кризис подрывает авторитет Саудовской Аравии и внутри неё, и в регионе Ближнего Востока, вызывает сомнения в её лидерстве, что имеет значение для Катара. Более того, нормализация отношений между Саудовской Аравией и Ираном, которая имела место в 2023 году благодаря изменившейся региональной и международной обстановке, а также усилиям КНР, опять находится под большим вопросом из-за нового витка ближневосточного конфликта и действий хуситов в Красном море.

3) Общее расширение влияния Ирана в регионе за счёт развития отношений с союзниками и поддержки дружественных ему, в первую очередь – шиитских группировок. Помимо хуситов в Йемене, Иран также поддерживает «Хезболлу» в Ливане, палестинскую борьбу в Секторе Газа, совместно с Россией режим Б. Асада в Сирии, широкий круг военизированных политических элементов в Ираке, часть полевых командиров и политических посредников в Афганистане, экстремистские группировки в Бахрейне, причём все они могут использоваться Ираном в борьбе против тех режимов и группировок, которые поддерживает Саудовская Аравия, что увеличивает её военные расходы⁶⁴¹. Следует отметить, что, расширяя региональное влияние против Саудовской Аравии и её союзников, действуя через шиитов, Иран не использует их для борьбы с суннитским Катаром благодаря партнёрским отношениям с ним.

4) Всестороннее укрепление военного потенциала Ирана. В сравнительной перспективе Саудовская Аравия выглядит все менее сильной из-за усилий Ирана

⁶⁴⁰ Laub Z., Robinson K. Yemen in Crisis // The Council on Foreign Relations (CFR). 2020. URL: <https://www.cfr.org/background/yemen-crisis> (accessed: 16.07.2020).

⁶⁴¹ Cordesman A.H. Military Spending: The Other Side of Saudi Security // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/military-spending-other-side-saudi-security> (accessed: 15.07.2020).

по наращиванию своих военных возможностей, включая действия по разработке ядерного оружия. В 2010-х годах, заявив о наличии химического оружия, Иран возобновил программу создания ядерного оружия, он наращивает производство баллистических и крылатых ракет, а также вооружённых беспилотников, применяемых йеменскими союзниками Ирана против объектов на территории Саудовской Аравии. Помимо этого, Иран развивает и военно-морской флот, включая такие средства ведения борьбы на море, как наземные, морские и воздушные противокорабельные ракеты, умные мины, подводные лодки, тренирует морскую пехоту и военно-морской спецназ⁶⁴². Более того, реальная военная мощь Ирана стала понятна после начала российско-украинского конфликта, в котором якобы применяются иранские беспилотные летательные аппараты и ракеты, показавшие свою высокую эффективность даже против самых современных западных систем противовоздушной обороны.

5) Состояние неопределённости в политике США на Ближнем Востоке, намерение Соединённых Штатов ограничить своё присутствие в регионе для сокращения расходов, а также противоречивость позиции США по отношению к внутрирегиональным противостояниям, таким как катарский кризис 2017 года. Это беспокоит Саудовскую Аравию, которая тесно зависит от Соединённых Штатов и американского присутствия на своей территории как от ключевого партнёра по безопасности для противодействия Ирану.

6) Ухудшение отношения к Саудовской Аравии со стороны стран Европейского союза, с которыми она сотрудничает в политической сфере и сфере безопасности. Со стороны ведущих стран ЕС усиливается критика в адрес руководства Саудовской Аравии, в основном – по поводу войны в Йемене и катарского кризиса 2017 года. ЕС также осудил убийство оппозиционного саудовского журналиста Джамалия Хашогги в октябре 2018 года в консульстве Саудовской Аравии в Стамбуле, в ответ на которое 242 депутата Европейского

⁶⁴² Ibid.

парламента проголосовали за приостановление поставок европейских вооружений в Саудовской Аравии, назвав убийство «преступлением против человечности»⁶⁴³.

Ослабление Саудовской Аравии закономерно укрепляет позиции соперничающего с ней Катара в регионе, при этом он не является пассивным наблюдателем, постоянно изучает политическую ситуацию в разных странах Ближнего Востока и использует её для сближения с отдельными государствами. В качестве примера можно привести Иорданию, с которой Катар восстановил официальные дипломатические отношения спустя всего два года после кризиса и блокады 2017 года, во время которых Иордания поддержала требования Саудовской Аравии. Для вывода Иордании из враждебного блока Катар использовал инвестиционную дипломатию – обещания оказать экономическую и финансовую помощь Иордании, имеющей проблемы в экономической сфере (они обусловлены многолетними затратами на приём и содержание беженцев, высокой безработицей, в особенности в молодёжной среде (более 40%), и большим государственным долгом (95% от ВВП Иордании)). Воспользовавшись задержками в предоставлении помощи и инвестиций Иордании от Саудовской Аравии, Катар в 2018 году согласился оказать Хашимитскому Королевству финансовую помощь для создания новых рабочих мест на сумму 500 млн. долларов США⁶⁴⁴, что крайне важно для Иордании как возможность устранения внутреннего источника политического и экономического давления, а также для получения нового источника регулярных поступлений в бюджет за счет денежных переводов от рабочих.

Ситуативная политика малых шагов не всегда приводит к положительному для Катара результату: к примеру, она привела к дипломатическому столкновению между Катаром и Бахрейном в 2020 году по поводу репатриации бахрейнских граждан из Ирана. Поскольку число случаев заражения вирусом COVID-19 в Иране в начале марта 2020 года резко возросло, Бахрейн прекратил

⁶⁴³ Шумилин А. Саудовский кризис для Евро-Атлантики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 5. – С. 165-172.

⁶⁴⁴ Rubin L. Jordan and Qatar restore diplomatic ties, but why now? // International Institute for Strategic Studies (IISS). 2019. URL: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2019/07/jordan-qatar-restore-ties> (accessed: 16.07.2020).

полеты в Иран, оставив сотни паломников-бахрейнских шиитов на его территории при крайне ограниченных попытках их возвращения. Оценив эти попытки, Катар проявил инициативу и заявил о готовности организовать бесплатный вывоз бахрейнских граждан из Ирана частным чартерным рейсом. 27 марта десятки паломников из Бахрейна прибыли в Доху рейсом Qatar Airways из Ирана, однако министр иностранных дел Бахрейна обвинил Катар во вмешательстве во внутренние дела: «То, что сделал Катар, является предосудительным и требует четкой международной позиции против него. Доха должна прекратить использовать гуманитарную проблему, такую как пандемия COVID-19, в своих планах и постоянных заговорах против стран и народов»⁶⁴⁵. Он также заявил, что Бахрейн и сам уже организовал специальные рейсы из иранских аэропортов в Бахрейн в соответствии с процедурами по охране труда и технике безопасности, и что решение Катара перевести граждан Бахрейна на коммерческий рейс в Доху подвергло их риску, поскольку Катар не соблюдает необходимые санитарные меры по отношению к здоровью путешественников и экипажей⁶⁴⁶.

Особый случай в катарской политике малых шагов – это его отношение к Сирии. После нескольких лет поддержки оппозиции режиму Б. Асада и фактически финансирования эскалации гражданской войны, Катар стал рассматривать разрешение сирийского кризиса как возможность для развития послевоенного экономического сотрудничества с Сирией, расширения своего влияния в ней за счёт участия в её восстановлении. Для реализации этой стратегии у него есть несколько стимулов: а) небольшое число региональных конкурентов из-за опасений попасть под режим санкций со стороны США, при этом данный риск для Катара минимален ввиду его стратегического военного партнёрства с США; б) отказ США и их союзников от участия в восстановлении Сирии; в) ограниченные возможности других стран ССАГПЗ, занятых войной в Йемене. Катар уже начал оказывать «щедрую» (по определению посла сирийской

⁶⁴⁵ Fakhro E. COVID and Gulf Foreign Policy // POMEPS Studies. 2020. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/covid-and-gulf-foreign-policy> (accessed: 16.07.2020).

⁶⁴⁶ Ibid.

оппозиции в Катаре Н. Аль-Хараки) помощь Сирии, в ней работает около двух тысяч совместных катарско-сирийских компаний⁶⁴⁷.

Во внешней политике Катара после объявления блокады наблюдалась тенденция к сближению не только с отдельными государствами Ближнего Востока, но также и с внешними акторами, участвующими в событиях в регионе. Основная цель взаимодействия Катара со всеми внешними партнёрами на современном этапе заключается, по убеждению Р. Миллера⁶⁴⁸, в продвижении своих интересов в двух приоритетных областях: социально-экономическое развитие и безопасность и оборона. Сотрудничество в сфере обороны и безопасности остаётся приоритетом в отношениях между Катаром и США, тогда как в отношениях между Катаром и Европейским союзом они вторичны по сравнению с партнёрством в сфере социально-экономических отношений. ЕС как ведущий региональный экономический блок мира и главный торговый партнёр ССАГПЗ, а также многие государства-члены ЕС по отдельности уже являются важными партнёрами для Катара. Имеются основания ожидать сохранения этой тенденции, поскольку Катар стремится укрепить свои долгосрочные связи с ключевыми заинтересованными сторонами, особенно в связи с тем, что его модель оптимальной социально-экономической практики подвергается давлению в связи с блокадой⁶⁴⁹. Со своей стороны Европейский союз готов поддерживать Катар и участвовать в разрешении катарского кризиса, в том числе из-за опасений по поводу того, что перебои в производстве или отгрузке катарского СПГ могут оказать существенное негативное влияние на европейские экономики, вынудив их вместо этого полагаться на российский природный газ, чего из-за напряжённых

⁶⁴⁷ Тагиров Т. Перспективы сотрудничества Катара и Сирии после окончания гражданской войны // Российский совет по международным делам. 08.04.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/perspektivy-sotrudnichestva-katara-i-sirii-posle-okonchaniya-grazhdanskoy-voyny/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 6.07.2020).

⁶⁴⁸ Miller R. Qatar's Foreign Policy Engagement with the European Union: Evolving Priorities of a Small State in the Contemporary Era // *Comillas Journal of International Relations*. – 2016. – № 5. – P. 46-64.

⁶⁴⁹ Ibid.

отношений с Россией после 2014 года и режима санкций им хотелось бы избежать⁶⁵⁰.

Сближение Катара с внешними акторами включает и развитие отношений с Россией, имеющей как экономические и политические интересы на Ближнем Востоке, так и многолетние связи со странами Персидского залива, при этом её приоритетами в регионе, по определению М.С.М. Аль-Макбали⁶⁵¹, являются: а) посредничество и укрепление системы региональной безопасности; б) стимулирование инвестиционного и технологического сотрудничества со странами ССАГПЗ; в) расширение гуманитарной дипломатии, в том числе посредством конфессиональных связей. Российские нефтегазовые компании, договорившись о сотрудничестве с Саудовской Аравией, Египтом, ОАЭ, Ливаном, Сирией, Алжиром, Ираком, совершают сделки и с Катаром: так, в сентябре 2018 года нефтетрейдер «Glencore» завершил сделку по продаже 14,16% акций «Роснефти» Суверенному фонду Катара (Qatar Investment Authority) – в результате 19,5% акций оказались во владении созданного на паритетных началах консорциума «Glencore» и Суверенного фонда Катара.

С начала военной операции в Сирии в 2015-2016 годах Россию посетили главы Катара, Кувейта и Бахрейна, пытавшиеся убедить российское руководство отказаться от поддержки Б. Асада⁶⁵². Несмотря на это различие в позициях России и Катара по сирийской ситуации, исследователи Е.С. Мелкумян, Г.Г. Косач и Т.В. Носенко считают⁶⁵³, что значение России в регионе и во внешнеполитических приоритетах ССАГПЗ будет возрастать ввиду взаимной заинтересованности сторон в политическом, экономическом и энергетическом взаимодействии. С

⁶⁵⁰ Bouoiyour J., Selmi R. The Qatar-Gulf Crisis and Risk Management in Oil and Gas Markets // HAL. 2019. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02101633/document> (accessed: 12.07.2020).

⁶⁵¹ Аль-Макбали М.С.М. Новый геополитический вектор России в странах Персидского залива // Русская политология. – 2018. – № 3 (8). – С. 64-70.

⁶⁵² Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Роль России на Ближнем Востоке и интенсификация ее отношений с арабскими монархиями залива // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2019. – № 2. – 2019. – С. 61-75.

⁶⁵³ Мелкумян Е.С., Косач Г.Г., Носенко Т.В. Россия во внешнеполитических приоритетах Совета сотрудничества арабских государств залива после событий «арабской весны» // Вестник МГИМО университета. – 2017. – № 4 (55). – С. 139-153.

ними солидарен и Г.Г. Зайнуллин⁶⁵⁴, по мнению которого, заключив крупные сделки с катарскими, эмиратскими и кувейтскими компаниями, Россия сосредоточится на мирном урегулировании катарского кризиса и разногласий по сирийскому вопросу, при этом Катар устраивает позитивно-нейтральный статус России в рамках этого кризиса, и он не нуждается в посреднических услугах для разрешения катарского кризиса⁶⁵⁵.

Тем не менее, в то время как Катар сохраняет свою традиционную балансирующую внешнюю политику, события, связанные со Специальной военной операцией России на Украине в 2022 году, дали ему возможность использовать свою «мягкую силу». По крайней мере, на словах Катар был одним из немногих членов ССАГПЗ, которые рассуждали о территориальной целостности Украины с самого начала СВО. Например, в выступлении на 49-й сессии Совета по правам человека в Женеве, главный дипломат Катара шейх Мохаммед бин Абдулрахман Аль Тани подчеркнул «уважение Катаром суверенитета, независимости и территориальной целостности Украины в ее международно-признанных границах»⁶⁵⁶. Это не стало первым разом, когда официальная Доха выступает против Кремля, так как в арабском мире Россия имеет интересы в Сирии, Ливии и других местах, которые часто совпадают с интересами Объединенных Арабских Эмиратов и противоречат внешнеполитическим усилиям Катара. И хотя между Россией и Катаром никогда не было и нет открытой враждебности в отношениях, они противостоят друг другу в различных конфликтах на Ближнем Востоке и Северной Африке. И в этом контексте проактивная позиция Катара в российско-украинском конфликте не стала чем-то неожиданным⁶⁵⁷.

⁶⁵⁴ Зайнуллин Г.Г. Развитие отношений России и арабских стран Персидского залива с 2011 г. по настоящее время // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2017. – № 5 (28). – С. 44-51.

⁶⁵⁵ Кузнецов А.А. Энергетическое сотрудничество России и Катара: политические и экономические аспекты // Постсоветский материк. – 2018. – № 3 (3). – С. 103-116.

⁶⁵⁶ Deputy Prime Minister and Minister of Foreign Affairs Affirms Qatar's Support for UNHRC in Facing Global Challenges. // Doha Information Office. 2022. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/all-mofa-news/details/1443/07/27/deputy-prime-minister-and-minister-of-foreign-affairs-affirms-qatar%27s-support-for-unhrc-in-facing-global-challenges> (accessed: 28.09.2022)

⁶⁵⁷ Беликова Е.А., Егоров И.С. Перспективы возобновления Катарского дипломатического кризиса в свете российско-украинского конфликта // Вопросы политологии. — 2022. — Т. 12, № 88. — С. 4285–4296.

Но несмотря на напряженность между Катаром и Россией в 2022 году, страны нашли пути прагматичного сотрудничества, особенно в сферах спорта, туризма, инфраструктуры и инвестиций. Например, на точку зрения Катара о том, как реагировать на конфликт и усилия Запада по экономическому давлению на Россию, существенно влияет инвестиционное партнерство Катарского инвестиционного управления с российской нефтяной компанией «Роснефть» (Катар владеет 19% акций российской компании)⁶⁵⁸. В этом контексте Катар старается избегать такой реакции на этот конфликт, которая могла бы вызвать серьезное недовольство российского правительства. Безусловно, находясь в постоянной балансировке между крупными акторами, позиция Катара в защите территориальных претензий Украины является двоякой. С одной стороны, Катар не желает навредить сотрудничеству с Россией, с другой – он склонен держать позицию более близкую к Западу, чтобы продемонстрировать внешнеполитическому истеблишменту США, что недавнее присвоение эмирату администрацией Д. Байдена статуса «главного союзника, не входящего в НАТО»⁶⁵⁹, было заслуженным. Однако в то же время Катар воздерживается от поддержки санкционной войны Запада против России. Объяснить почему эмират не присоединяется к западным странам в выборе окончательной позиции по конфликту можно не только инвестиционными и финансовыми интересами, но и, по всей видимости, заинтересованностью Катара в том, чтобы сыграть дипломатическую роль в усилиях по его прекращению⁶⁶⁰. Соответственно, Катар, как и многие страны Персидского залива, находятся в трудном положении, когда речь идет об их стратегических интересах, общих как с США, так и с Россией, а также об их традиционной внешней политике хеджирования и балансирования между региональными и глобальными державами.

⁶⁵⁸ Qatar Investment Authority cannot exit Russian market // Reuters. 2022. URL: <https://www.reuters.com/business/qatar-investment-authority-cannot-exit-russian-market-2022-05-24/> (accessed: 28.09.2022)

⁶⁵⁹ Shear M.D. Biden Designates Qatar as a Major Non-NATO Ally // The New York Times. 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/01/31/us/politics/biden-qatar-nato.html> (accessed: 29.09.2022)

⁶⁶⁰ Cafiero G. Russian-Ukrainian conflict: What does it mean to Qatar? // TRT World. 2022. URL: <https://www.trtworld.com/opinion/russian-ukrainian-conflict-what-does-it-mean-to-qatar-55415> (accessed: 29.09.2022)

Отдельно следует сказать о влиянии Катара на новый виток ближневосточного конфликта, который разгорелся после атаки ХАМАСа на Израиль 7 октября 2023 года. Катар выступил в качестве одного из основных посредников в непрямых переговорах между противоборствующими сторонами, способствовал установлению режима перемирия в конце ноября 2023 года и, в целом, оказался той силой, которая может хотя бы в какой-то мере выступать в качестве медиатора данного конфликта, что, конечно, получило свою высокую оценку не только в США, но и во всём мировом сообществе.

Положение Катара на Ближнем Востоке и среди стран Персидского залива, его перспективы изучаются в отечественной и зарубежной литературе, при этом с начала катарского кризиса 2017 года в ней значительное внимание стало уделяться прогнозам и вариантам его разрешения. Рассмотрим некоторые из таких прогнозов в порядке их появления. Так, в 2017 году А.А. Кузнецов опубликовал статью⁶⁶¹, в которой рассмотрел перспективы разрешения катарско-саудовских противоречий. По его мнению, они носят стратегический и долговременный характер, что отменяет перспективу полной нормализации отношений между Катаром и Саудовской Аравией, а в числе возможных вариантов развития ситуации просматриваются следующие: а) углубление противоречий с расколом организации ССАГПЗ и выходом из неё Катара; б) присоединение Катара к саудовской политической антииранской линии, что повлечёт для Катара значительные риски в экономике, политике и сфере безопасности; в) решение Катара пойти на значительные уступки, чтобы опереться на позицию Соединённых Штатов в противостоянии с Саудовской Аравией и заручиться их поддержкой; г) капитуляция Катара перед Саудовской Аравией и отказ от поддержки движения «Братья-мусульмане», что сделает невыполнимыми долгосрочные внешнеполитические стратегические планы Катара; д) полный разрыв отношений Катара с Саудовской Аравией и создание военно-политического альянса с коалицией из Ирана, Сирии и Ирака. Как видим, в этом

⁶⁶¹ Кузнецов А.А. Разногласия между государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива как фактор изменения политической ситуации в регионе Ближнего Востока // Международная аналитика. – 2017. – № 2 (20). – С. 69-77.

прогнозе А.А. Кузнецова рассматриваются, в основном, радикальные варианты с окончательным выбором Катара той или иной стороны (Саудовской Аравии или Ирана), в то время как уже выявленные в рамках данного исследования обстоятельства и приоритеты катарской внешней политики скорее указывают на стремление Катара к балансированию между крайними вариантами, к сохранению определённой дистанции для обеспечения независимости собственного внешнеполитического курса, к взаимодействию с максимально широким кругом региональных участников и посреднической деятельности по их примирению.

Следующий прогноз в 2018 году опубликовал И.О. Ермаков⁶⁶², указав в нем низкую вероятность урегулирования катарского кризиса в краткосрочной перспективе. По его мнению, такая перспектива обусловлена тремя обстоятельствами: 1) разногласиями, разделяющими организацию ССАГПЗ на протяжении нескольких лет; 2) бескомпромиссной позицией Саудовской Аравии, Бахрейна, ОАЭ и Египта по отношению к Катару и к списку выдвинутых ему требований, по поводу которого они не желают идти на уступки и сокращать их количество; 3) самим характером и содержанием требований, имеющих вид практически невыполнимого ультиматума для любого государства с независимой внешней политикой. С прогнозом И.О. Ермакова следует согласиться в части его оценки потенциальной невыполнимости предъявленного Катару ультиматума, поскольку выдвинутый Саудовской Аравией, Бахрейном и ОАЭ список требований фактически перечёркивает всю внешнюю политику, цели и приоритеты Катара последних десятилетий и не предлагает взамен достаточных гарантий безопасности катарскому режиму. Выполнение этих требований низвело бы Катар до роли второстепенного и малозначимого участника региональных отношений и поставило бы под сомнение его выживание. Вместе с тем, признавая невыполнимость требований к Катару, не следует исключать вероятность отказа от них со стороны авторов ультиматума, как минимум, на некоторое время для нормализации отношений с Катаром, как это уже было, к примеру, в ходе

⁶⁶² Ермаков И.О. Дипломатический кризис вокруг Катара и перспективы его урегулирования // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2018. – № 1 (15). – С. 117-125.

катарского кризиса 2014 года, когда подобные требования Катару уже предъявлялись Саудовской Аравией и её союзниками.

В качестве примера прогнозов, публиковавшихся исследователями отношений на Ближнем Востоке и между странами Персидского залива в 2019 году, можно привести прогноз Д. Киннинмонта⁶⁶³, считающего разделение и внутреннюю напряжённость долговременной перспективой для ССАГПЗ. По его мнению, даже если блокада Катара будет отменена, имеющиеся глубокие разногласия и недоверие между странами Персидского залива сохранятся в региональной политике, что принесёт дополнительные сложности региону, который уже сталкивается с гражданскими войнами, обострением напряжённости в отношениях между Ираном и Саудовской Аравией и несколькими мятежниками. Как следствие этого, для стран ССАГПЗ эта организация не будет являться основным региональным альянсом, так как они будут стремиться к формированию множественных коалиций для решения многочисленных возникающих проблем. В свете уже полученных в данной диссертации выводов прогноз Д. Киннинмонта, в целом, выглядит обоснованным, Катар и другие члены ССАГПЗ не могут в полной мере полагаться на эту организацию для решения региональных проблем, в особенности, если они обусловлены разногласиями между членами внутри организации, однако в периоды разрядки напряжённости и примирения ССАГПЗ вполне способен действовать как значимый региональный политический актор и защищать интересы всех своих членов.

В 2020 году Н.У. Ханалиев⁶⁶⁴, рассуждая о возможностях регионального лидерства Катара, отмечал неуязвимость Катара перед давлением Саудовской Аравии, прогнозировал его победу в этом противостоянии, но отмечал, что она не сделает Катар новым лидером ССАГПЗ и арабского мира. По мнению Н.У. Ханалиева, в перспективе Катар будет становиться все более независимым государством Ближнего Востока и Персидского залива, при этом Саудовская

⁶⁶³ Kinninmont J. The Gulf Divided: The Impact of the Qatar Crisis // Chatham House. 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/gulf-divided-impact-qatar-crisis> (accessed: 16.07.2020).

⁶⁶⁴ Ханалиев Н.У. Проекция ближневосточной нестабильности на регион Персидского залива // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 1 (62). – С. 109-114.

Аравия будет вынуждена смириться с его политикой в регионе. Он так же обоснованно не считает, что какое-либо ещё государство региона последует примеру Катара: ОАЭ образуют устойчивый консенсуальный тандем с Саудовской Аравией даже несмотря на разность подходов к событиям в Йемене, а у остальных государств Персидского залива нет достаточных возможностей для реализации настолько независимого внешнеполитического курса. Признаки приближения разрешения катарского кризиса отмечал в первой половине 2020 года и К. Кацман⁶⁶⁵, указывая на то, что катарские вооружённые силы и командиры участвуют в военных учениях ССАГПЗ «Щит Залива» («Gulf Shield»), в командных встречах в Саудовской Аравии и других государствах ССАГПЗ; спортсмены из стран-участниц блокады возобновили соревнования в матчах в Катаре.

Необходимо отметить, что наиболее точными оказались те прогнозы относительно Катарского дипломатического кризиса, которые указывали на возможность его разрешения или частичного разрешения без снятия фундаментальных противоречий между противоборствующими сторонами. В январе 2021 года в Саудовской Аравии состоялся саммит ССАГПЗ, на котором де-юре был урегулирован Катарский дипломатический кризис. Однако это было вызвано тактической необходимостью: «арабская четвёрка» не смогла заставить Катар выполнить какие-либо требования, в целом, уступила в информационной войне, и, более того, Саудовская Аравия оказалась в сложной ситуации в связи с приходом к власти в США Д. Байдена, который предпринимает шаги по нормализации отношений с Ираном и по защите прав человека на Ближнем Востоке. Катар, в свою очередь, спокойно согласился на формальную нормализацию отношений, которая фактически представляла собой поражение «арабской четверки»⁶⁶⁶. Более того, эмират готовился к проведению Чемпионата мира по футболу в 2022 году, что требовало временного перемирия.

⁶⁶⁵ Katzman K. Qatar: Governance, Security, and U.S. Policy. CRS Report № R44533 // Congressional Research Service. 2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/R44533.pdf> (accessed: 12.07.2020).

⁶⁶⁶ Егоров И. С. Прогресс в нормализации отношений между Катаром и арабской четвёркой во главе с Саудовской Аравией: причины и перспективы // Вопросы политологии. — 2021. — Т. 11, № 2 (66). — С. 522–531.

Вместе с тем, определение более долгосрочных региональных перспектив Катара тесно связано с более общими тенденциями, касающимися перспектив и ССАГПЗ, и Ближнего Востока в целом. К таким тенденциям относятся: сохраняющийся интерес научного сообщества и политических деятелей к парадигме секьюритизации⁶⁶⁷, когда укрепление и углубление интеграции в рамках ССАГПЗ тесно связывается с созданием общего пространства безопасности в регионе Персидского залива; замедление развития ССАГПЗ из-за многочисленных препятствий, внутренних споров и кризисов, когда основными факторами⁶⁶⁸, препятствующими сплочённости ССАГПЗ, будущему сотрудничеству и интеграции, выступают разность в восприятии внешних угроз, опасения перед гегемонией Саудовской Аравии, низкий уровень экономической совместимости, взаимозависимости и диверсификации. Кроме того, модель интеграции ССАГПЗ основана на межправительственном и лидерском сотрудничестве, а не на реальной и глубокой интеграции, а потому в ней отсутствуют эффективные наднациональные региональные институты и механизмы оперативного разрешения возникающих разногласий. Катарский дипломатический кризис 2017 года подтвердил распространённую точку зрения о том, что Саудовская Аравия, являясь крупнейшим и наиболее влиятельным членом ССАГПЗ, использует эту организацию для доминирования над меньшими членами (в начале этого кризиса решение о блокаде Катара не принималось на уровне ССАГПЗ, Саудовская Аравия не консультировалась с членами организации Кувейтом и Оманом, принимая его⁶⁶⁹).

Вместе с тем, несмотря на кризисы, у организации ССАГПЗ сохраняется запас устойчивости⁶⁷⁰, позволяющий вести переговоры между членами, в то время как ослабление гарантий безопасности со стороны США является стимулом к

⁶⁶⁷ Sadiki L. Regionalism in Crisis: GCC Integration without Democracy // *The International Spectator*. – 2020. – Vol. 55. – № 2. – P. 17-33.

⁶⁶⁸ GCC: Evaluation, Lessons Learned and Future Prospects // *IMEIS Annual Conference 2019*. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/qatar/political-system> (accessed: 12.07.2020).

⁶⁶⁹ GCC: Evaluation, Lessons Learned and Future Prospects // *IMEIS Annual Conference 2019*. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/qatar/political-system> (accessed: 12.07.2020).

⁶⁷⁰ Ibid.

постепенной перегруппировке ССАГПЗ в военно-политический альянс.⁶⁷¹ В этой связи можно ожидать, что пока будет сохраняться ССАГПЗ в существующем составе, Катар останется одним из лидеров данной организации, объективно уступающим по военной мощи второму лидеру – Саудовской Аравии, но способным и к независимой внешней политике, и извлекать выгоду из членства в ССАГПЗ. Катарский кризис потенциально разрешим в краткосрочной или среднесрочной перспективе (на это, в частности, указывает цикличность обострения отношений между Катаром и Саудовской Аравией в 2011 году, 2014 году, 2017 году, которое постоянно сменяется относительным примирением сторон), однако разрешение катарского кризиса 2017 года не гарантирует отсутствие новых кризисов, поскольку катарско-саудовские противоречия объективно устойчивы и глубоки.

В отношении перспектив лидерства Катара на Ближнем Востоке можно отметить, что в XXI веке данное государство расширило свое политическое влияние достаточно для того, чтобы считаться одним из региональных лидеров, хотя и уступающим Саудовской Аравии, Ирану, Турции, при этом Катар намерен и дальше укреплять свои позиции в регионе, используя тактику малых шагов, финансовые и медийные инструменты, и любые возможности выступить в качестве посредника между конфликтующими сторонами.

В том, что касается перспектив самого Ближнего Востока, следует указать распространённое в научной среде представление о том, что его конфликтный потенциал слишком велик для разрешения межгосударственных противоречий в ближайшей и среднесрочной перспективе, при этом основные причины нестабильности можно разделить, по классификации Д.А. Воронковой⁶⁷², на связанные с распределением доходов от продажи нефти и природного газа и обусловленные региональными противостояниями по исторически сложившимся причинам. В 2016-2019 годах международный консорциум, объединивший

⁶⁷¹ Butt G. GCC moves to mend Qatar rift // *Petroleum Economist*. 2019. URL: <https://www.petroleum-economist.com/articles/politics-economics/middle-east/2019/gcc-moves-to-mend-qatar-rift> (accessed: 12.07.2020).

⁶⁷² Воронкова Д.О. Внутренние факторы нестабильности на Ближнем Востоке и Северной Африке и их использование США в своих геополитических интересах // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 4. – С. 176-190.

аналитиков и экспертов из Европы, Ближнего Востока и Северной Африки, осуществил масштабный исследовательский проект и подготовил доклад «Варианты будущего для Ближнего Востока и Северной Африки»⁶⁷³, где указал, что до 2025 года негативные тенденции в регионе существенно ограничить не удастся, здесь ожидаются дальнейшая фрагментация политического ислама, в том числе внутри суннитского мира, что имеет прямое отношение к Катару; углубится разрыв между умеренными и радикальными исламистами; сохранится внешнее влияние США (при небольшом сокращении), Китая (оно усилится), России (она останется важным участником договорённостей, касающихся региональной безопасности, но сделает ставку на развитие двусторонних связей), Европейского союза (его роль второстепенна). На региональном уровне государства авторитарного типа продолжают отстаивать свою независимость во внешних делах и использовать в своих интересах разногласия между великими державами, что препятствует созданию системы коллективной безопасности на Ближнем Востоке даже на горизонте 2050 года⁶⁷⁴. В другом прогнозе, подготовленном в 2019 году для ЕС («Арабское будущее 2.0. Дорога к 2030 году»⁶⁷⁵), подчёркивается, что главам государств Ближнего Востока предстоит столкнуться со специфической геостратегической средой, сформированной изменением климата, диверсификацией энергии, растущим молодым населением, быстрой урбанизацией, цифровизацией, отсутствием продовольственной безопасности и постепенным перемещением экспортной базы из Европы в Азию. В нем рассматриваются три сценария: первый позитивный основан на предположении, что региональные лидеры используют весь доступный потенциал для осуществления эффективных перемен; второй предполагает принятие многочисленных ошибочных решений лидерами из-за отсутствия достаточных знаний, но с исправлением части допущенных ошибок; третий описывает

⁶⁷³ Кортунов А. Будущее Ближнего Востока: два горизонта угроз и возможностей // Российский совет по международным делам. 01.10.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/budushchee-blizhnego-vostoka-dva-gorizonta-ugroz-i-vozmozhnostey/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 16.07.2020).

⁶⁷⁴ Там же.

⁶⁷⁵ Gaub F. Arab Futures 2.0. The road to 2030 // Chaillot Paper № 154. 2019. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Chaillot_154%20Arab%20Futures.pdf (accessed: 12.07.2020).

будущее 2030 года в виде ухудшения ситуации в сфере безопасности и нарастания числа столкновений интересов в связи с переоценкой главами государств региона своего могущества, а потому отказом правительств от проведения необходимых реформ.

К негативным факторам, усугубляющим состояние неопределённости в определении будущего Ближнего Востока и места Катара в нём, следует отнести пандемию COVID-19, создающую дополнительные риски эскалации насилия в тех странах, где отсутствует развитая система здравоохранения. К ним, в частности, можно отнести Йемен, где распространение вируса усугубляется в местах большой плотности населения, в том числе в лагерях для беженцев и перемещённых лиц, и в тюрьмах.⁶⁷⁶ Вместе с тем, наибольшее число заражённых COVID-19 с начала пандемии фиксировалась в Иране, Саудовской Аравии, Катаре и ОАЭ, что вынуждает правительства этих государств ограничивать передвижения граждан по Ближнему Востоку и разрабатывать экономические стимулы для поддержки своих предприятий и граждан.⁶⁷⁷ Так, Катар, сообщив о своём первом случае заражения COVID-19 29 февраля 2020 года, быстро отреагировал на него мерами социального дистанцирования, широкого тестирования, комплексом экономических мер помощи частому сектору (на сумму 20,5 млрд. долларов США), поддержал энергетический сектор и финансовые услуги.⁶⁷⁸ Он также намерен продолжать использовать ситуацию с пандемией для оказания помощи другим государствам Ближнего Востока с целью развития партнёрских отношений с ними и укрепления своих позиций в регионе.

В свою очередь авторский прогноз до 2030-2035 года подразделяется на два основных направления: во-первых, это региональный прогноз с фокусом на действия и стратегию самого Катара, во-вторых, это глобальный прогноз с учётом

⁶⁷⁶ Аксененок А. Коронавирус и конфликты на Ближнем Востоке // Российский совет по международным делам. 20.05.2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-i-konflikty-na-blizhnem-vostoke/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 16.07.2020).

⁶⁷⁷ COVID-19 crisis response in MENA countries // Organization for Economic Co-operation and Development. 2020. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/covid-19-crisis-response-in-mena-countries-4b366396/> (accessed: 16.07.2020).

⁶⁷⁸ Abu-Sharkh A. Potential impact of COVID-19 on the Qatar economy // KPMG in Qatar. 2020. URL: https://home.kpmg/content/dam/kpmg/qa/pdf/2020/4/potential_impact_of_covid-19_on_the_qatar_economy_all%20sectors.pdf (accessed: 12.07.2020).

крайне противоречивой международной динамики. На первом треке политику Катара характеризует всё большая прагматичность и сбалансированность, а основные факторы, определяющие его текущее положение, кажутся стабильными. Прежде всего, если мы говорим об экспорте СПГ, то его объём будет только увеличиваться, так как растут старые (Китай, Япония, Южная Корея, Юго-Восточная Азия) и открываются новые (Европа, Африка) рынки. Маловероятна прямая конфронтация с США за европейский рынок сбыта, так как власти Катара отчетливо представляют себе её возможные последствия. Катар в перспективе 2030-2035 продолжит оставаться малым государством Персидского залива без острой необходимости пересматривать основы внутривнутриполитического и гражданского консенсуса. Его основные региональные соперники – Саудовская Аравия вместо с ОАЭ – получили достаточно болезненный опыт конфронтации с Катаром в период 2017-2021 год и едва ли без действительно веских причин примут решение начать Третий катарский кризис. Наконец, движение «Братьев-мусульман» как один из ключевых проводников политики Катара в регионе всё ещё остается практически безальтернативным общеарабским движением за исламскую демократизацию, а локальные поражения местных отделений «Братьев-мусульман» не должны вводить исследователей и политиков в заблуждение о том, что движение растеряло свой потенциал. Таким образом, в региональном измерении Катар в большинстве сценариев продолжит увеличивать своё влияние, распространяя свою политическую, экономическую и гуманитарную экспансию в страны Северной Африки и Африканского Рога.

Вместе с тем, в «мир-системном» разрезе риски для будущего Катара в среднесрочной перспективе 2030-2035 годов серьезно выросли в период 2020-2023 годов. Во-первых, остается угроза новой пандемии, которая может стать более разрушительной для мира, что особенно опасно для таких малых государств как Катар, которые очень сильно зависят от регионального и международного сотрудничества и торговли. Во-вторых, значительно вырос риск большой войны на Ближнем Востоке, в которую будут вовлечены ведущие мировые акторы, арабские страны, а также Израиль и Иран. В случае такого

конфликта политическая карта региона может существенно измениться и, в первую очередь, за счет исчезновения малых государств – стран ССАГПЗ, в том числе Катара. Так, например, хорошо известно, что оккупация Кувейта Ираком в августе 1990 года заняла всего 2 дня, и, хотя с тех пор Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт вложили значительные средства в укрепление собственной обороноспособности, совместная операция в Йемене, которая продолжается с 2015 года, показала крайне низкую боеспособность армий стран ССАГПЗ.⁶⁷⁹ Наконец, ведущей тенденцией последних лет стало увеличение числа стран, входящих в условную серую зону, failed states или, вернее будет употребить термин, который всё чаще звучит на научных конференциях и исследованиях – стран Четвертого мира.⁶⁸⁰ Макрорегион Ближнего Востока и Северной Африки, к которому принадлежит и Государство Катара, с начала «Арабской весны» значительно изменился в сторону маргинализации и в этом смысле опередил всю планету. Если в 2010 году к Четвертому миру в регионе можно было однозначно отнести только 3-4 страны (прежде всего, Сомали, Джибути и Судан), то к 2024 году эта цифра составляет уже половину из 23 арабских стран (добавились Сирия, Ирак, Ливан, Ливия, Йемен, Египет и т.д.). Таким образом, тенденция для Катара явно угрожающая.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что геополитические риски для существования эмирата, на которые Катар не может или практически не может повлиять, сильно выросли и будут оставаться высокими. Правящему дому Аль Тани необходимо проявить верш дипломатического мастерства, чтобы пройти предстоящие кризисы, не столкнувшись с кем-то из крупных игроков⁶⁸¹.

⁶⁷⁹ В какой-то мере можно говорить об успешных действиях сил специального назначения ОАЭ (далее – ССО) в Южном Йемене и близлежащих группах островов, однако в случае большой войны ССО окажутся бесполезны против регулярных армейских подразделений.

⁶⁸⁰ Устоявшегося определения для термина «страны Четвертого мира» ещё нет. Чаще всего под ним эксперты понимают государства, которые в силу тех или иных причин не могут выйти на траекторию увеличения политической стабильности и экономического роста и переживают один кризис за другим. Так, например, к Четвертому миру можно отнести целый ряд стран Латинской Америки, где самый яркий пример – это Аргентина, ряд африканских стран, Йемен, Ливию, Ливан, Ирак и т.д. Следует отметить, что трансформация государства в страну Четвертого мира позволяет транснациональным корпорациям и ведущим мировым державам экономически эксплуатировать потенциал (прежде всего, ресурсный) данной страны, при этом де-юре и де-факто не нести никакой ответственности за происходящее.

⁶⁸¹ В целом, эмиру Тамиму Аль Тани в первое десятилетие его правления это вполне удалось сделать, балансируя между интересами США, Турции, Ирана и Китая. Кроме того, ярким примером стал запрет Катара на

Выводы по главе 3

Подводя итоги третьей главы, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Сложность в урегулировании четыре основных проблемы в отношениях между Катаром и Саудовской Аравией: поддержка Катаром «Братьев-мусульман», сотрудничество Катара с Турцией, сотрудничество Катара с Ираном и использование Катаром во внешнеполитических, в том числе антисаудовских целях своего телеканала «Аль-Джазира», – приводит к политическим кризисам, блокаде Катара другими странами Персидского залива с 2017 года, а также к финансовому и политическому противостоянию между Катаром и Саудовской Аравией на территории многих арабских государств, включая Египет, Ливию, Тунис, Сирию, Йемен, к информационному противоборству между телеканалами «Аль-Джазира» и «Аль-Арабия», к конкуренции в борьбе за американскую поддержку⁶⁸² на уровне найма лоббистских структур в Вашингтоне.

2. Значительные успехи Катара сначала в пропаганде и отдельных информационных операциях против Саудовской Аравии и ОАЭ, а потом, с весны 2017 года, в информационной войне имели важное значение для развития всей системы региональных отношений и стали одной из причин снятия дипломатической и экономической блокады в январе 2021 года.

3. Обострения отношений между Катаром и Саудовской Аравией с начала «арабской весны» в 2011 году, в 2014 году и 2017 году, сменявшиеся относительной разрядкой, указывают на цикличность данного процесса, но при

⁶⁸² Егоров И.С. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как один из детерминирующих факторов в парадигме региональных отношений // Международная жизнь. — 2022. — № 4. — С. 92–102.

постоянном ужесточении формата противостояния, однако его крайняя форма в виде прямого военного столкновения представляется маловероятной. Не утративший экономической устойчивости после блокады Катар занимает положение одного из лидеров в регионе, уступающего Саудовской Аравии, Ирану, Турции, но стремящегося и в дальнейшем осуществлять достаточно эффективную многовекторную внешнюю политику, чтобы сохранять определённую независимость во внутренних и внешних делах.

Заключение

В результате проведённого исследования была достигнута заявленная цель и решены все поставленные задачи.

Изучение существующих классических и современных направлений исследований показало, что, несмотря на применимость в анализе современных региональных и международных отношений широкого круга классических и неоклассических подходов, а также мультипарадигмального подхода, позволяющего использовать теоретические положения разных школ международных отношений, доминирующей парадигмой анализа региональных отношений на Ближнем Востоке остаётся реализм (и, прежде всего, именно неоклассический реализм) вследствие высокого уровня нестабильности и конфликтного потенциала региона, при этом в исследованиях субрегиона стран Персидского залива в дополнение к реализму востребованы конструктивизм и институционализм ввиду особой важности экономических аспектов и значимости институциональной структуры ССАГПЗ.

В результате анализа катарских документов внешнеполитического характера удалось выявить концептуальную основу внешней политики современного Катара, включающую набор разноуровневых стратегий до 2030 года, в которых внешнеполитические цели выступают производными от экономических ресурсов Катара, стремления его правящей элиты сохранить высокие темпы экономического роста, обеспечить беспрепятственный доступ на рынки сбыта энергетических ресурсов, а также продемонстрировать лидерство Катара в различных областях международного сотрудничества, включая развитие арабского мира и разработку технологий применения искусственного интеллекта.

Было выявлено, что внешнеполитический курс современного Катара определяют шесть приоритетов: посредничество в спорах между конфликтующими сторонами для достижения мирного разрешения; оказание гуманитарной помощи в регионах вооружённых противостояний, войн, и в сложных чрезвычайных ситуациях; работа по обеспечению прав человека для разных категорий граждан; борьба с терроризмом; укрепление международного имиджа Катара инструментами «мягкой силы» и борьба с изменением климата.

Работая по этим направлениям, Катар использует механизмы различных форм дипломатии, включая гуманитарную, посредническую, спортивную, медийную и инвестиционную. Определено, что эффективное посредничество Катара в разрешении целого ряда споров в арабском и исламском мире сделало его важным региональным игроком. В работе было выявлено, что посредническая (договорная) дипломатия в интерпретации Катара – это политическая способность одновременно устанавливать отношения с противоборствующими странами и политическими силами, которая позволила Катару сыграть уникальную роль в ряде региональных конфликтов XXI века (например, в прекращении политического кризиса в Ливане 2008 года, в предложении посредничества между хуситами и бывшим президентом Йемена для решения конфликта 2007 года, в проведении непрямых переговоров между Израилем и ХАМАС в 2023 году). Эта стратегия придала его политике большую силу и влияние. Усилия Катара по посредничеству и продвижению договорной дипломатии стали неотъемлемой частью его внешнеполитического инструментария. Такая дипломатия Катара направлена на создание имиджа эмирата в качестве признанной посреднической и нейтральной страны, твердо приверженной делу мира и стабильности в регионе.

Был сделан вывод о том, что анализ регионального положения Катара на современном этапе ведётся отечественными и зарубежными учёными, в значительной степени, в рамках семи основных проблемно-тематических направлений, включая соответствие политики Катара общей теории поведения малых государств, религиозное направление, проблемы сотрудничества и соперничества государств ССАГПЗ с фокусом на кризисных периодах, влияние

внешних акторов на регион (в основном, США), нестабильность энергетических рынков, обеспечение продовольственной безопасности, проблемы, связанные с влиянием на региональные процессы пандемии коронавируса, а также российско-украинского конфликта, с выявлением соответствующих каждому направлению противоречий и тенденций.

Для исследования регионального положения Катара была выделена совокупность ключевых внутренних и внешних факторов, способных детерминировать современное положение Катара в регионе Ближнего Востока и среди стран Персидского залива: фактор обладания ресурсами в объёме, достаточном для их использования во внешнеполитических и внешнеэкономических целях; фактор дефицита ресурсов, стимулирующий участие государства в международной торговле, либо в противостояниях для их получения; фактор международного, в первую очередь – двустороннего, сотрудничества страны с другими государствами и с политическими, общественными, религиозными движениями на территории других стран; фактор международных обязательств государства перед международными организациями, в которых оно состоит, а также фактор международного соперничества в разных формах. Было выявлено, что фактор обладания энергетическими, финансовыми и медийными ресурсами, фактор дефицита продовольственных ресурсов и военной силы, фактор сотрудничества, в том числе военно-стратегического, с такими странами, как США и Турция, фактор обязательств перед международными организациями, в первую очередь – ССАГПЗ, и фактор соперничества Катара с Саудовской Аравией за роль крупнейшего мирового поставщика энергетических ресурсов оказывают наиболее существенное влияние на современное положение Катара в регионе, на его активную многовекторную внешнюю политику, призванную обеспечить безопасность государства и преодолеть негативные последствия блокады 2017 года.

Можно утверждать, что, сосредоточившись на сжиженном природном газе, спорте и публичной дипломатии как инструментах внешней политики, Катар смог

создать системное давление на «арабскую четверку» бойкотирующих его стран и избежать эскалации военного конфликта против Дохи. Более того, Катар использовал так называемую стратегию хеджирования с опорой на США и Турцию, чтобы заручиться их поддержкой во время кризиса 2017 года. Катар смог оказать влияние на силовые структуры в Соединенных Штатах, пытаясь изменить политику бывшего президента США Д. Трампа в поддержку бойкотирующих его стран Персидского залива, подписав меморандум о взаимопонимании с Соединенными Штатами и воспользовавшись своим дипломатическим статусом влиятельного посредника в Государственном департаменте и Конгрессе США. Что касается Турции, то можно утверждать, что диверсификация партнерских отношений Катара с Турцией в области безопасности была определена их историческими связями со времен Османской империи, а также растущим региональным статусом Турции, ставшей ключевым союзником. Также важным определяющим фактором в сближении Катара и Ирана является колоссальное газовое месторождение (Северное/Южный Парс), располагающиеся под территориальными водами этих двух стран.

Определено, что в связи со своим противоречивым геополитическим положением Катар разработал стратегию, которую можно охарактеризовать как «закон выживания» во внешней политике: например, столкнувшись с давлением со стороны Ирана, Катар сразу ищет возможности для дополнительного сотрудничества с Саудовской Аравией; когда же источником угроз является Саудовская Аравия, то Катар отвечает расчетливым сближением с Ираном. Исключение из этого правила произошло во время «арабской весны», когда Катар вел наступательную политику по всем направлениям, в которой он сделал ставку на возможность изменения структуры региональной системы, делая акцент на демократическом переходе, против которого выступали и Иран, и Саудовская Аравия.

Сложность в урегулировании четырех основных проблем в отношениях между Катаром и Саудовской Аравией: поддержка Катаром «Братьев мусульман», сотрудничество Катара с Турцией, сотрудничество Катара с Ираном и

использование Катаром во внешнеполитических, в том числе антисаудовских целях, своего телеканала «Аль-Джазира», – приводит к политическим кризисам, блокаде Катара другими странами Персидского залива с 2017 года, а также к финансовому и политическому противостоянию между Катаром и Саудовской Аравией на территории многих арабских государств, включая Египет, Ливию, Тунис, Сирию, Йемен и пр., к информационному противоборству между телеканалами «Аль-Джазира» и «Аль-Арабия», к конкуренции в борьбе за американскую поддержку⁶⁸³ на уровне найма лоббистских структур в Вашингтоне.

Кроме того, как показали события 2011-2023 годов Катар остаётся ведущей державой региона на поле информационных войн. Если в политическом, военном, экономическом, дипломатическом отношении успехи Катара могут быть оценены под разными углами, то в этой сфере Катару удалось сначала отразить информационный блицкриг в 2017 году, а потом перейти в контрнаступление, которое стало одной из причин «безоговорочной» капитуляции «арабской четвёрки» и снятия блокады в январе 2021 года.

Вместе с тем, обострения отношений между Катаром и Саудовской Аравией с начала «арабской весны» в 2011 году, в 2014 году и 2017 году, сменявшиеся относительной разрядкой, указывают на цикличность данного процесса (троекратное повторение паттерна за десять лет), но при постоянном ужесточении формата противостояния: от публичной критики и ультиматумов до блокады. Из этой закономерности можно сделать следующие выводы:

1) Несмотря на имеющиеся разногласия, ни одна из сторон катарско-саудовского противостояния не стремится доводить дело до прямого военного столкновения, и вероятность его начала остаётся на низком уровне. Не последнюю роль в этом играют военно-стратегические отношения обеих стран с Соединёнными Штатами, заинтересованными в объединении своих арабских

⁶⁸³ Егоров И.С. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как один из детерминирующих факторов в парадигме региональных отношений // *Международная жизнь*. — 2022. — № 4. — С. 92–102.

союзников в военный альянс для сдерживания Ирана, а не в их противостоянии друг с другом.

2) Политико-идеологическое (религиозное) противостояние между Катаром и Саудовской Аравией на территории третьих стран региона после ослабления позиций исламистского движения «Братьев-мусульман» становится менее значимым, чем политико-экономическое противостояние и готовность и Катара, и Саудовской Аравии добиваться лояльности при помощи инвестиций в экономику других арабских стран.

3) Урегулирование Катарского дипломатического кризиса в начале 2021 года не отменяет вероятности наступления новых аналогичных кризисов ввиду того, что Катар не намерен реагировать на предъявляемые ему претензии по поводу выбора союзников в лице Ирана и Турции, а равно и менять избранный внешнеполитический курс.

Что касается региональной системы и совокупности всех средств, обеспечивающих Катару его место и роль в системе региональных и международных отношений, то с окончанием дипломатического кризиса влияние Катара на политические процессы возрастает, что объясняется следующими факторами:

1) Суммируя итоги вполне успешного выхода из кризиса, можно констатировать, что Катар при династии эмиров Аль Тани оказался гораздо более дипломатически искусным игроком, чем коалиция во главе с Саудовской Аравией на основных «полях сражений»: пропаганда в СМИ; экономическое давление и связанные с этим расходы; правовые споры относительно международных конвенций о верховенстве права; динамика общественного мнения и международная репутация на мировой арене. Изоляция Катара, по существу, не удалась не только из-за солидарности, проявленной Турцией и Ираном, но и потому, что западные государства не ослабили свои отношения с эмиратом и даже усилили их (никто не был намерен изолировать страну, которая является одним из крупнейших производителей газа в мире, покупателем оружия и крупным инвестором на рынках финансов и недвижимости). В этом

международном контексте экономическое давление и издержки, понесенные Катаром из-за того, что он не мог получить доступ к суше, морскому или воздушному пространству своих соседей, были лишь кратковременными проблемами. Политические и экономические связи, которые Катар быстро установил, как с соседними, так и с дальними странами, среди которых Иран, Турция и Индия, только укрепили положение страны на дипломатическом уровне.

2) Новая динамика отношений с Саудовской Аравией. После прекращения блокады Катар медленно наращивает свое влияние на другие страны Персидского залива, в частности и на Саудовскую Аравию. Также Катар поддерживает более тесные связи с Ираном, чем его соседи по Персидскому заливу. Попытка заручиться поддержкой Катара в реализации региональной стратегии безопасности может вынудить Саудовскую Аравию занять более сдержанную позицию по отношению к Ирану, и, соответственно, у Катара может появиться возможность выступить в качестве посреднической силы между Эр-Риядом и Тегераном.

3) Беспрецедентное стратегическое партнерство с США. Соединенные Штаты долгое время полагались на Катар как на партнера в ближневосточных и афганских делах как в материально-техническом плане через авиабазу Аль-Удейд, так и в дипломатическом плане благодаря роли Катара в содействии общению и переговорам с рядом негосударственных субъектов, включая афганских талибов. Вывод американских войск из Афганистана в 2021 году только углубил американо-катарские отношения. Эти события определенно повысили роль Катара в региональных маневрах США и стали яркой иллюстрацией растущей зависимости США от Катара в ближайшие годы. Также необходимо отметить, что недовольства США действиями ОПЕК+ и даже отдельные призывы о пересмотре военной помощи со стороны США Саудовской Аравии делают сотрудничество мирового гегемона с Катаром еще более прочным и незыблемым.

4) Катар, как и многие страны Персидского залива, находится в трудном положении, когда речь идет об их стратегических интересах, общих как с США, так и с Россией, а также об их традиционной внешней политике хеджирования и

балансирования между региональными и глобальными державами. В ситуации 2022 г. в силу сложной международной обстановки и глобального противостояния России с Западом и внутри западного мира в треугольнике США-Великобритания-ЕС, Катар действует крайне осторожно, внимательно анализируя возможные геополитические последствия, и заинтересован в том, чтобы не вызывать чрезмерного антагонизма ни с США, ни с ЕС, ни с Россией, что согласуется с внешнеполитическими целями эмирата по развитию позитивных отношений практически со всеми основными игроками на международной арене

В целом, с начала 2010-х годов Катару на Ближнем Востоке удалось расширить свое политическое влияние достаточно для того, чтобы считаться одним из региональных лидеров, хотя и уступающим Саудовской Аравии, Ирану, Турции, при этом Катар намерен и дальше укреплять свои позиции в регионе, используя тактику малых шагов, финансовые и медийные инструменты, и любые возможности выступить в качестве посредника между конфликтующими сторонами.

В отношении организации ССАГПЗ необходимо отметить, что пока этот Совет существует в нынешнем составе, Катар останется одним из лидеров данной организации, объективно уступающим по военной мощи второму лидеру – Саудовской Аравии, но способным и к независимой внешней политике, и извлечению выгоды из членства в ССАГПЗ. В этой связи России следует воспользоваться стремлением Катара к многовекторной дипломатии и постараться углубить имеющиеся двусторонние отношения в виде взаимовыгодного экономического партнёрства, в т.ч. в энергетической сфере и в деле послевоенного восстановления Сирии, в котором Катар готов финансово участвовать.

Возможные перспективы дальнейших исследований разработанной в этой диссертации включают:

– полномасштабное исследование информационной войны в Персидском заливе;

– анализ регионального положения других государств Персидского залива и Ближнего Востока по представленной в работе факторной модели для уточнения региональных тенденций и для последующего сравнительного анализа положения государств между собой;

– анализ методов реализации внешней политики, применяемых другими региональными акторами, для их сравнения с методами Катара и подготовки практических рекомендаций по их использованию в интересах России;

Также перспективным является и более широкое исследование, в рамках которого будет проведён компаративный анализ отношений между Катаром и странами ССАГПЗ, с одной стороны, и Великобританией, и странами Европейского союза, с другой. В ходе работы над текстом диссертации автор неоднократно сталкивался с событийными параллелями, которые отчасти даже совпадали по времени – например, Катарский дипломатический кризис и выход Великобритании из ЕС. Более того, Катар долгое время был британским протекторатом: в значительной мере его политическое руководство наследует методам и подходам своего бывшего сюзерена. Такое исследование могло бы пролить свет на внутреннюю логику и неочевидные подходы к внешней политике как Катара, так и самой Великобритании.

Также целесообразно обозначить влияние на позицию Катара событий и геополитических процессов глобального характера, которые получили особенно динамичное развитие непосредственно в 2022 году. Так, одним из ключевых событий, формирующих «тектонические» сдвиги в рамках существующего геополитического ландшафта, выступает начало Российской Федерацией Специальной военной операции на Украине. В данном случае сложности для Катара связаны с необходимостью модернизации собственной внешнеполитической стратегии и укрепления своей позиции, в рамках которой Катар традиционно солидаризируется с западным сообществом, что предполагает осуждение действий Российской Федерации в отношении Украины.

Важность продолжения Катаром указанной внешнеполитической линии, в свою очередь, обусловлена потребностью Катара сохранять стабильные и

прогнозируемые для всех сторон условия взаимодействия по оси «Катар – Запад», включая выработку геополитической позиции государства, которая не будет противоречить уже сформированной позиции западных государств и западных центров силы (главным образом, США), что позволит минимизировать риск повторения дипломатического кризиса и новых потрясений в политической, экономической, энергетической плоскости для Катара в обозримой перспективе. Данный аспект видится особо важным, учитывая, что Катар, обладая сравнительно более низким уровнем геополитического влияния относительно главных глобальных игроков (США, РФ, КНР, Индия, частично страны ЕС), закономерно обладает и более низкой «резистентностью» к навязыванию геополитической позиции со стороны более сильных с политической и экономической точки зрения международных акторов. Таким образом, Катар не может проводить самостоятельную политику по всем вопросам, по сравнению, например, с Китаем, Индией или Бразилией, которые, например, декларируя переформатирование соотношения глобальных сил, отказались от поддержки Резолюции ООН, связанной с осуждением факта включения новых территорий в состав РФ. Это предполагает, как минимум, в среднесрочной перспективе, сохранение роли Катара как актора, действующего (и движущегося) в фарватере более сильных государств Запада, что и обосновывает для государства необходимость поддержки их позиции по вопросу осуждения действий России на текущем этапе.

Более того, для Катара поддержка позиции Запада, связанная с критикой действий РФ, создает возможности по минимизации риска изоляции государства и дополнительно открывает новые возможности для расширения энергетического, инвестиционного, информационного сотрудничества. В условиях закономерной эскалации кризисных явлений в экономической плоскости для ЕС, главным образом – на фоне острого дефицита энергетических ресурсов и необходимости замещения российских энергетических ресурсов поставками из других регионов (в особенности, после террористических атак на нитках трубопроводов «Северный поток» в сентябре 2022 года), Катар заинтересован в возможности

расширения сотрудничества с государствами Запада в энергетической сфере, с попутной перспективой возможного «замещения» (как минимум, в теории) Российской Федерации. В свою очередь, логическое развитие данной заинтересованности и конвертация указанных идей в предметные договоренности может способствовать минимизации риска политической и экономической изоляции Катара в обозримой перспективе, что также может дополниться формированием новых, но прогнозируемых и стабильных маршрутов притока капитала и валюты в катарскую экономику с западного направления. Это может позволить укрепить позиции Катара на региональном уровне и выйти на экономический, а затем и политический паритет с другими государствами региона (главным образом – с Саудовской Аравией). Таким образом, активное противостояние между Российской Федерацией и государствами Запада может способствовать использованию Катаром данной ситуации для укрепления собственных геополитических, геостратегических и экономических позиций – как на региональном уровне, так и на направлении «Катар – страны Запада». Тем не менее, Катар, ориентируясь в геополитических последствиях, заинтересован в том, чтобы не вызывать чрезмерного антагонизма ни с Западом, ни с Россией, что согласуется с внешнеполитическими целями эмирата по развитию позитивных отношений практически со всеми основными игроками на международной арене.

Необходимо констатировать, что на текущем этапе, в условиях интенсивных геополитических изменений, начавшихся после 2022 года, Катар использует данную ситуацию в своих интересах, ключевыми из которых являются такие направления как минимизация риска повторения кризиса 2017 года, минимизация риска политической и экономической изоляции эмирата, укрепление своих геополитических позиций и своей роли на региональном и глобальном уровне. Инструментами по достижению указанных целей в рамках долгосрочной внешнеполитической стратегии Катара выступают такие элементы как солидарность со странами Запада в контексте осуждения действий РФ, медийное и информационное освещение российской СВО в негативном контексте, взаимодействие с государствами Запада в экономической и

энергетической сфере, что позволит минимизировать ущерб, наносимый государствам Запада от санкционной политики в отношении РФ. Успешная реализация обозначенных векторов может способствовать расширению сотрудничества Катара со странами Запада, и позволит укрепить позиции государства на региональном и глобальном уровне, достигнув паритета сил с внутрирегиональными конкурентами Катара, при минимизации риска возможной изоляции эмирата в результате действий более сильных оппонентов.

Наконец, следует отметить, что, когда эта работа уже была написана, начался новый виток ближневосточного конфликта – 7 октября 2023 года ХАМАС напал на Израиль, который, в свою очередь, начал крупномасштабную военную операцию в секторе Газа. Катар в отношении данного конфликта проявил все свои «фирменные» подходы, которые выявлялись и анализировались в текущем диссертационном исследовании. Вместе с тем, Катар не дал разрешение на использование аэродромов на его территории для нанесения ударов по позициям хуситов в Йемене после начала кризиса в Красном море в конце 2023 года, что также указывает на последовательную работу катарских властей в рамках их подхода сдержек и противовесов.

Вместе с тем, одно из самых серьезных обострений ближневосточного конфликта, которое происходит на фоне всё более сложной международной обстановки (специальная военная операция России, нагнетание милитаристской риторики между Северной и Южной Кореей, проблема Тайваня и т.д.), несёт новые угрозы для регионального положения Катара и, что ещё более важно, для положения региона Персидского залива в мире. Большая война на Ближнем Востоке, в которой будет задействован Иран, становится всё вероятнее, а подобный конфликт вызовет тектонические изменения в регионе, волны цунами от которого могут стать фатальными для большинства стран ССАГПЗ, включая Катар, который, однако, больше всего готов к подобному развитию событий, так как уже имеет опыт прохождения Катарского дипломатического кризиса.

Библиография

Международные договоры и соглашения

1. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America, February 2020. // United States Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (accessed: 28.09.2022).

2. Agreement between the Government of the State of Qatar and the United Nations Development Program for the Establishment of an Office of the United Nations Development Program in Doha – Qatar, June 2021. (in Arabic). // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://www.almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=2605&language=ar> (accessed: 28.09.2022).

3. Agreement between the Government of the Republic of Turkey and the Government of the State of Qatar on Cooperation on Military Training, Defense Industry and the Deployment of Turkish Armed Forces in the Land of Qatar, 19 December 2014. (in Turkish) // LEXPERA. Legal Information System. URL: <https://www.lexpera.com.tr/resmi-gazete/metin/turkiye-cumhuriyeti-hukumeti-ile-katar-devleti-hukumeti-arasinda-askeri-egitim-savunma-sanayii-ile-1> (accessed: 27.09.2022).

4. Agreement between the Government of the State of Qatar and the Government of the United Arab Emirates Relating to the Transmission of Gas by Pipeline Between the State of Qatar and the United Arab Emirates, September 2004. // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://www.almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=1483&language=en> (accessed: 23.09.2022).

5. Agreement on Cooperation in the Field of Security between the Government of the State of Qatar and the Government of the Kingdom of Bahrain, November 2005. // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://www.almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=1230&language=en> (accessed: 23.09.2022).

6. An Agreement to form a Higher Committee for the Development of Relations between the Government of the State of Qatar and the Government of the Arab Republic of Egypt, January 1990. // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=923&language=en> (accessed: 23.09.2022).

7. Doha Declaration on integrating crime prevention and criminal justice. April 2015. // United Nations Office on Drugs and Crime. URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Declaration/V1504151_English.pdf (accessed: 28.09.2022).

8. Doha Document for Peace in Darfur, May 2011. // UN Mission in Darfur. URL: https://unamid.unmissions.org/sites/default/files/ddpd_english.pdf (accessed: 24.09.2022).

9. Doha Declaration on Financing for Development: outcome document of the Follow-up International Conference on Financing for Development to Review the Implementation of the Monterrey Consensus, December 2008. // United Nations website. URL: https://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2014/09/Doha_Declaration_FFD.pdf (accessed: 28.09.2022).

10. Joint Comprehensive Plan of Action implementation and verification and monitoring in the Islamic Republic of Iran in light of United Nations Security Council Resolution 2231, December 2015 // International Atomic Energy Agency. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/gov-2015-72.pdf> (accessed: 27.09.2022).

11. Joint Agreement for the Establishment of a Supreme Strategic Committee between the State of Qatar and the Republic of Turkey, December 2014 (in Arabic). // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=1952&language=ar> (accessed: 27.09.2022).

12. Memorandum of Understanding on the Establishment of the Office for Organizing the Work of the Citizens of the Kingdom of Bahrain in Qatar between the Government of the State of Qatar and the Government of the Kingdom of Bahrain, May 2007. // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=1304&language=en> (accessed: 23.09.2022).

13. Resolution 1696, Adopted by the Security Council at its 5500th meeting, on 31 July 2006 // United Nations Security Council. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/450/22/PDF/N0645022.pdf?OpenElement> (accessed: 27.09.2022).

14. Riyadh Agreement by Saudi Arabia, Bahrain, Kuwait, Oman, Qatar and United Arab Emirates (with Endorsement Agreement) on 24 November 2013. // United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/No%20Volume/55378/Part/I-55378-0800000280527ea2.pdf> (accessed: 27.09.2022).

15. Security Cooperation Agreement between the Government of the State of Qatar and the Government of the Islamic Republic of Iran, March 9, 2010 (in Arabic). // Al Meezan Qatari legal Portal. URL: <https://www.almeezan.qa/AgreementsPage.aspx?id=1733&language=ar> (accessed: 27.09.2022).

16. The Al-Ula Declaration. Issued at the 41st GCC Summit (The «Sultan Qaboos and Sheikh Sabah Summit») // Al-Ula, Kingdom of Saudi Arabia. January, 2021. URL: <https://gcc41.org/press-releases/the-al-ula-declaration> (accessed: 25.03.2021).

Сообщения, документы и материалы органов власти

17. Аам Аля Кууфиид – 19 Фи Дуваль Маджлис Аттаун. Такрир Хаас. Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия. (Год с COVID-19 в странах ССАГПЗ. Совет Сотрудничества арабских государств Персидского залива). // Официальный сайт ССАГПЗ, 2021. URL: <https://www.gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/A%20year%20of%20COVID-19%20in%20GCC.pdf> (дата обращения: 25.03.2021).

18. Аль Баян Аль Хытаамий Ассаадыр Аниль Маджлис Аль Ааля Фи Давратихи Аль Хаадия Валь Арбайинн Кыммати Ассултаан Кабус Валь Шейх Сабаах. Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия (Итоговое заявление Верховного совета по итогам 41 Саммита памяти Султана Кабуса и Шейха Сабаха. Совет Сотрудничества арабских государств Персидского залива). // Официальный сайт 41 ежегодного саммита ССАГПЗ, Аль-Ула, Саудовская Аравия, 2021. URL: <https://gcc41.org/> (дата обращения: 25.03.2021).

19. Ихсаат Аль Мииаах Фи Дуваль Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия 2018. Мулахыс Танфиивый. Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия. (Водные ресурсы в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива в 2018 г. Резюме для руководства. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива). // Официальный сайт ССАГПЗ, 2020. URL: https://www.gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/water2018_1.pdf (дата обращения: 25.03.2021).

20. Ихсаат Аттаака Фи Дуваль Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия 2018. Мулахыс Танфиивый. Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия (Энергетика в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива в 2018 г. Резюме для руководства. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива). // Официальный сайт ССАГПЗ, 2020. URL: https://www.gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/Energy_in_GCC_2018.pdf (дата обращения: 25.03.2021).

21. Муашараат Идааи Ассук Аль Халииджия Аль Муштарака Фи Дуваль Маджлис Аттаун. Такрир Хаас. Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия. (Показатели работы общего рынка ССАГПЗ. Специальный доклад. Совет Сотрудничества арабских государств Персидского залива). // Официальный сайт ССАГПЗ, 2020. URL: https://www.gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/GC-COMMON_market-compressed_1_1.pdf (дата обращения: 25.03.2021).

22. Таафиир Джааиха Куурууна (Кууфиид – 19) Фи Дуваль Аттаун Аляль Джавааниб Ассыхия Валь Иджтимаайя Валь Иктисаадия. Такрир Хаас. Маджлис Аттаун Ли Дуваль Аль Халидж Аль Арабия. (Влияние коронавируса (COVID-19) в странах ССАГПЗ на здравоохранение, экономику и социальную сферу. Специальный доклад. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива). // Официальный сайт ССАГПЗ, 2020. URL: <https://www.gccstat.org/images/gccstat/docman/publications/corona%20report.pdf> (дата обращения: 25.03.2021).

23. Al-Ula Declaration. United Nations Treaty Collection / Al-Ula, 5 January 2021. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/No%20Volume/56786/Part/I-56786-08000002805b2870.pdf> (accessed: 14.02.2024).

24. CIA The World Factbook 2021 // Central Intelligence Agency USA. 2021. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/about/whats-new/#twenty-twenty-one> (accessed: 25.03.2021).

25. Climate Change // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/international-cooperation/climate-change> (accessed: 11.07.2020).

26. Countering Terrorism and Violent Extremism // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/preventive-diplomacy/countering-terrorism> (accessed: 12.07.2020).

27. Functions of the Ministry // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/the-ministry/ministry-functions> (accessed: 12.07.2020).

28. Gulf Cooperation Council The Charter // Gulf Cooperation Council. 25.05.1981. URL: <https://www.gcc-sg.org/en-us/AboutGCC/Pages/Primarylaw.aspx> (accessed: 25.03.2021).

29. HE Sheikh Mohammed bin Abdulrahman bin Jassim Al Thani // Government Communications Office, Council of Ministers. 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/ministries/minister-of-foreign-affairs/> (accessed: 13.07.2020).

30. HH The Amir Speech at Kuala Lumpur Summit 2019 // Government Communications Office, Council of Ministers. 2019. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/hh-the-amir-speech-at-kuala-lumpur-summit-2019/> (accessed: 13.07.2020).

31. His Highness Speaks at The Global Vaccine Summit 2020 // Government Communications Office, Council of Ministers. 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/his-highness-speaks-at-the-global-vaccine-summit-2020/> (accessed: 13.07.2020).

32. His Highness Speech at Doha Forum 2019 // Government Communications Office, Council of Ministers. 2019. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/his-highness-speech-at-doha-forum-2019/> (accessed: 13.07.2020).

33. His Highness Speech at the 73rd Session of The UN General Assembly // Government Communications Office, Council of Ministers. 2019. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/his-highness-speech-at-the-73rd-session-of-the-un-general-assembly/> (accessed: 13.07.2020).

34. His Highness Speech at The Opening of the 48th Advisory Council Session // Government Communications Office, Council of Ministers. 2019. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/his-highness-speech-at-the-opening-of-the-48th-advisory-council-session/> (accessed: 13.07.2020).

35. History of the Ministry // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/the-ministry/history> (accessed: 12.07.2020).

36. Human Rights: Overview // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/human-rights/overview> (accessed: 12.07.2020).

37. In Focus: Foreign Policy // Government Communications Office, Council of Ministers. 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/focus/foreign-policy-en/> (accessed 13.07.2020).

38. International Partnerships // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/international-cooperation/international-partnerships> (accessed: 11.07.2020).

39. Joint Statement Issued at Conclusion of HRH Crown Prince's Visit to Qatar. // Saudi Press Agency. 2021. URL: <https://www.spa.gov.sa/2311348> (accessed: 23.09.2022).

40. Joint Statement of the Inaugural United States-Qatar Strategic Dialogue // U.S. Department of State. 30.01.2018. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-of-the-inaugural-united-states-qatar-strategic-dialogue/> (accessed: 16.07.2020).

41. Ministry Strategies // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/the-ministry/ministry-strategies> (accessed: 12.07.2020).

42. National Artificial Intelligence Strategy for Qatar // Qatar Center for Artificial Intelligence (QCAI). 2019. URL: https://qcai.qcri.org/wp-content/uploads/2019/02/National_AI_Strategy_for_Qatar-Blueprint_30Jan_2019.pdf (accessed: 13.07.2020).

43. National report submitted in accordance with paragraph 15 (a) of the annex to Human Rights Council resolution 5/1* // Human Rights Council United Nations. 1 March 2019. URL: https://mofa.gov.qa/docs/default-source/default-document-library/4221758_the-national-report--English.pdf (accessed: 10.07.2020).

44. Preventive Diplomacy: Mediation // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/preventive-diplomacy/mediation> (accessed: 12.07.2020).

45. Principles of Qatar's Foreign Policy // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/principles/principles-of-qatar'-foreign-policy> (accessed: 12.07.2020).

46. Qatar National Vision 2030 // Government Communications Office, Council of Ministers (Qatar). 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/about-qatar/national-vision2030/> (accessed: 10.07.2020).

47. Qatar National Vision 2030. First published July 2008 // General Secretariat for Development Planning. 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/wp-content/uploads/2016/09/GCO-QNV-English.pdf> (accessed: 10.07.2020).

48. Qatar Second National Development Strategy 2018~2022 // Planning and Statistics Authority. September 2018. URL: <https://www.psa.gov.qa/en/knowledge/Documents/NDS2Final.pdf> (accessed: 10.07.2020).

49. Qatar Third National Development Strategy 2024-2030 // Planning and Statistics Authority. URL: https://www.psa.gov.qa/en/nds1/nds3/Documents/QNDS3_EN.pdf.

50. Sports Diplomacy // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/international-cooperation/sports-diplomacy> (accessed: 11.07.2020).

51. State of Qatar: The Constitution // Government Communications Office, Council of Ministers. 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/wp-content/uploads/2016/09/GCO-Constitution-English.pdf> (accessed: 13.07.2020).

52. System of Government // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/qatar/political-system> (accessed: 12.07.2020).

53. The Constitution // Government Communications Office, Council of Ministers. 2020. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/about-qatar/the-constitution/> (accessed: 13.07.2020).

54. The Inaugural Speech of His Highness On Becoming The Emir of Qatar // Government Communications Office, Council of Ministers. 2013. URL: <https://www.gco.gov.qa/en/speeches/the-inaugural-speech-of-his-highness-on-becoming-the-emir-of-qatar/> (accessed: 13.07.2020).

55. The main result and the intermediary results // Ministry of Foreign Affairs (Qatar). 2020. URL: <https://mofa.gov.qa/en/foreign-policy/international-cooperation/the-main-result-and-the-intermediary-results> (accessed: 11.07.2020).

56. The United Nations Conference on trade and development 2020 Handbook of statistics // The United Nations Conference on trade and development. 2020. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdstat45_en.pdf (accessed: 25.03.2021).

57. The World Bank Annual Report 2020 // The World Bank. 2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/about/annual-report#anchor-annual> (accessed: 25.03.2021).

Диссертации, монографии, научные статьи и доклады

58. Абылгазиев И.И., Васецова Е.С., Егоров И.С. Роль информационной войны в гибридном конфликте между государством Катар и королевством Саудовская Аравия // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. — 2023. — Т. 45, № 1. — С. 58–72.

59. Аджиб Ш. Геополитическая модель влияния исламского фактора на политический процесс на Ближнем Востоке // Власть. – 2016. – № 11. – С. 209–212.

60. Аксененок А. Коронавирус и конфликты на Ближнем Востоке // Российский совет по международным делам. 20.05.2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-i-konflikty-na-blizhnem-vostoke/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 6.07.2020).

61. Алексеева Т.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: Учеб. пособие для студентов вузов / Т.А. Алексеева, А.А. Казанцев. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 223 с.

62. Алексеева Т.А., Минеев А.П. Натурализм и политическая наука: адаптация к неклассической картине мира // Право и управление. XXI век. – 2020. – № 16 (1). – С. 14–27.

63. Алексеева Т.А. Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // Сравнительная политика. – 2017. – № 4. – С. 30-41.
64. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1. URL: <http://lawinfo.ru/catalog/6653/7136/1/7761> (дата обращения: 9.07.2020).
65. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 623 с.
66. Алексеенко О. А., Ильин И. В. Цифровизация глобального мира и роль государства в цифровой экономике // Информационное общество. – 2018. – № 2. – С. 25-29.
67. Алмашакбех С.С.С. Медиа-дискурс «Аль-Джазиры» после кризиса осады Катара (на примере йеменского и сирийского конфликтов) // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6 (73). – С. 639-640.
68. Аль-Макбали М.С.М. Новый геополитический вектор России в странах Персидского залива // Русская политология. – 2018. – № 3 – (8). – С. 64-70.
69. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: Учеб. пособие для вузов / М.А. Хрусталева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – 208 с.
70. Андреева О.В., Юртаев В.И. Метафизика власти в исламе: истоки и предназначение. // Метафизика. – 2019. – № 3. – С. 142-151.
71. Багаева А.В. Региональное видение интеграционных процессов социологией международных отношений // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2018. – № 1-2. – С. 31-35.
72. Бакалинский М. Остракизация Катара: ситуация и расстановка сил (обзор региональных СМИ и СМИ ведущих международных акторов) // Международная жизнь. 2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17711> (дата обращения: 06.07.2020).
73. Барабанов О.Н. Катар как ревизионистская держава: идеология политического ваххабизма // Портал Международного дискуссионного клуба

«Валдай». 3.07.2017. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/katar-revizionistskaya-derzhava/> (дата обращения: 09.07.2020).

74. Бартенев В.И. Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – Ч. 19. – № 4. – С. 566-582.

75. Беликова Е.А., Егоров И.С. Перспективы возобновления Катарского дипломатического кризиса в свете российско-украинского конфликта // Вопросы политологии. — 2022. — Т.12, № 88. — С. 4285–4296.

76. Бибилова О.П. Реформы в Королевстве Саудовская Аравия // Россия и мусульманский мир. – 2019. – № 2 (312). – С. 88-103.

77. Богатуров А.Д., Остапенко А.И. Книга: Системная история международных отношений. В 2 томах. Том 1. События 1918-1945 годов. 2-е издание. – М.: Культурная Революция, 2009. – 517 с.

78. Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 480 с.

79. Богатуров Д.С. Государства Персидского залива в XXI веке: социально-экономическое положение // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 5-2. – С. 10-15.

80. Борисов А. Внешняя политика Катара // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 2 (260). – С. 133-141.

81. Боровков И.И., Косарев В.А., Виловатых А.В., Глазова А.В., Михайлов С.А., Алхименков М.А., Кравченко И.Ю. Политика администрации Д. Трампа на Ближнем Востоке как отражение лозунга «Америка прежде всего» // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 2 (53). – С. 11-51.

82. Васецова Е.С., Егоров И.С. Сотрудничество Государства Катар и Российской Федерации в контексте региональных противоречий // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. — 2020. — № 3. — С. 38–50.

83. Васецова Е.С., Манойло А.В. Борьба с международным терроризмом в цифровую эпоху. – М.: Горячая Линия – Телеком, 2021. – 444 с.

84. Видясова М.Ф. «Арабская весна»: разброс мнений. Размышления на полях одной книги // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2017. – № 7. – С. 101-112.

85. Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Особенности современной политической ситуации в странах «арабской весны» // Азия и Африка на перекрестке традиций, глобализации и модернизации: колл. монография. – М.: ИВ РАН, 2019. – С. 66-68.

86. Воронкова Д.О. Внутренние факторы нестабильности на Ближнем Востоке и Северной Африке и их использование США в своих геополитических интересах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 4. – С. 176-190.

87. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – № 2 (8). – С. 30-58.

88. Востриков С.В. Ближневосточные трансформации в контексте глобализации (опыт системно-интегративного анализа) // Проблемы безопасности российского общества. – 2016. – № 1. – С. 68-106.

89. Гавриленкова И.Е. Государства в сетях: сетевой подход в международных исследованиях // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 264-278.

90. Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И. Современная политическая наука: методология, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект-Пресс, 2019. – 776 с.

91. Ганиев Т.А., Карякин В.В. Большой Ближний Восток: геополитическая регионалистика конфликтогенного центра мировой цивилизации // Архонт. – 2018. – № 4 (7). – С. 15-28.

92. Герцштейн Роберт Война, которую выиграл Гитлер. – Смоленск: Русич, 1996. – 608 с.

93. Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений. Под ред. профессора П.А. Цыганкова / П.А. Цыганков, А. В. Манойло, М. М. Лебедева и др. – М.: Горячая линия – Телеком, 2017. – 352 с.

94. Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века / Под редакцией П.А. Цыганкова / В. А. Ачкасов, В. К. Белозёров, А. В. Будаев и др. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 384 с.

95. Глазова А.В. Роль США в катарском кризисе: политические риски для региона // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 1 (52). – С. 98-109.

96. Глазова А.В. Турция – монархии Персидского залива: политические разногласия и экономические интересы // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 1 (690). – С. 11-15.

97. Глобальная геополитика / И. В. Ильин, О. Г. Леонова, И. Ф. Кефели, и др. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – 278 с.

98. Глобальная геополитика / И. Ф. Кефели, И. И. Абылгазиев, И. В. Ильин и др. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – 280 с.

99. Голубев Д. Наука и инновации в теориях международных отношений // Международные процессы. – 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 66-80.

100. Горбунова Н.М., Иванова И.И. Региональные противоречия вокруг сирийского кризиса: Турция, Ливан, Саудовская Аравия, Катар // Вестник Института востоковедения РАН. – 2019. – № 3 (9). – С. 193-208.

101. Графов Д.Б. Лоббирование интересов Катара в США и катарский дипломатический кризис. Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – № 13 (2). – С.183-204.

102. Графов Д.Б. Лоббирование интересов Катара в США и катарский дипломатический кризис // Вестник МГИМО университета. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 183-204.

103. Грачев Б.В. О соотношении парадигм международных отношений и классических теорий интеграции. // Политика и Общество. – 2016. – № 7. – С. 870-873.

104. Гукасов А.В. Место и роль Саудовской Аравии и Катара в ближневосточной политике США // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2014. – № 12. – С. 79-83.

105. Гукасян Г.Л. Проблемы экономических реформ в странах ССАГПЗ в условиях колебаний цен на нефть (2015-2018 гг.) // Нестабильность геостратегического пространства в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока: актуальные проблемы. Ежегодник 2019. – М.: ИВ РАН, 2019. – С. 140-151.

106. Дегтерев Д.А. Сетевой анализ международных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2015. – № 4. – С. 119-138.

107. Демченко Д.А. Религиозный фактор во внешней политике стран Персидского залива: дисс. канд. полит. наук: 23.00.04. – Пятигорск, 2020. – 169 с.

108. Демчук А.Л. Возможные глобальные и региональные последствия пандемии коронавируса // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 2. URL: https://arxiv.gaugn.ru/index.php?dispatch=products.print_publication&product_id=10387&format=pdf&version_id=13230 (дата обращения: 20.09.2022).

109. Демчук А.Л., Капицын В.М., Каратеев А.Ю., Емельянова Н.Н., Дашкина И.В., Пашин М.М. Тяжесть пандемии COVID-19, строгость ограничительных мер и институциональные характеристики стран мира: подходы к количественному анализу // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2022. – № 2.

110. Дербенев А.С. Катар: в тисках региональных проблем // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории. – М.: МПГУ, 2019. – С. 95-107.

111. Джаззан Ф.З. Отношения Сирийской Арабской Республики со странами Персидского залива (1990-2017 гг.): дисс. канд. истор. наук: 07.00.15. – М., 2018. – 190 с.

112. Долгов Б.В. Сирийский конфликт на новом этапе: международное измерение // Перспективы. – 2018. – № 3 (15). – С. 86-99.

113. Дробот Г.А. Марксизм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 6. – С. 61-83.

114. Дубова Ю.С. Информационное пространство арабо-мусульманского мира: аспекты взаимодействия и противоборства // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 11-1 (16). – С. 233-241.

115. Егорова О.А., Егоров И.С. К вопросу об исследовании незападных обществ: специфика политической терминологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. — 2021. — № 3. — С. 36–40.

116. Егоров И.С. Катар в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива: развитие дипломатического кризиса // Социально-гуманитарные знания. — 2020. — № 5. — С. 364–370.

117. Егоров И.С. Катарский дипломатический кризис: причины и последствия // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 4. – С. 257-263.

118. Егоров И.С. Прогресс в нормализации отношений между Катаром и арабской четверкой во главе с Саудовской Аравией: причины и перспективы // Вопросы политологии. — 2021. — Т. 11, № 2 (66). — С. 522–531.

119. Егоров И.С. Противостояние Катара и Саудовской Аравии как один из детерминирующих факторов в парадигме региональных отношений // Международная жизнь. — 2022. — № 4. — С. 92–102.

120. Ермаков И.О. Дипломатический кризис вокруг Катара и перспективы его урегулирования // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2018. – № 1 (15). – С. 117-125.

121. Ерхов Г.П. Ресурсы внешней политики государств Персидского залива в начале XXI века // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2017. – № 2 (61). – С. 148-152.

122. Ефремова К.А. Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса // Сравнительная политика. – 2019. – Ч. 10. – № 2. – С. 5-19.
123. Жилина И.Ю. Провал экономической блокады Катара // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Серия 2. Экономика: Реферативный журнал. – 2020. – № 2. – С. 41-52.
124. Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 224 с.
125. Зинин Ю.Н. Суннитско-шиитская эскалация как фактор нарастания террористической угрозы // Международная аналитика. – 2017. – № 4. – С. 53-61.
126. Зинькина Ю.В., Архангельский В.Н., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Шульгин С.Г. Возрастные структуры населения и перспективы глобального развития. – М.: УРСС Москва, 2020. – 264 с.
127. Ибрагимов И.Д. Политика Катара относительно терроризма // Университетские чтения ПГУ. – 2016. – Ч. 5. – С. 29-33.
128. Игнатенко А. Истоки и перспективы катарского кризиса // Совет по внешней и оборонной политике. 2017. URL: <http://svop.ru/main/25300/> (дата обращения: 16.07.2020).
129. Ильиминская М.Ф. Регион Персидского залива как зона геополитических интересов Китая // Вестник РУДН, серия Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 152-161.
130. Имангожина З.А., Ниязбекова Ш.У. Международное экономическое сотрудничество стран Персидского залива в газовом секторе // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2019. – № 1 (28). – С. 15-20.
131. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 586 с.

132. Ирхин Ю.В. Современные трансформации постмодернистских подходов к анализу общества и политики // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 1. – С. 69-80.

133. Исаев В.А., Филоник А.О. Продовольственная проблема в арабских странах в свете вызовов «зеленой» экономики // Мир новой экономики. – 2020. – № 1. – С. 34-43.

134. Историческая глобалистика / И. В. Ильин, Ю. В. Зинькина, Л. Е. Гринин и др. – М.: Изд-во МГУ, 2017. – 336 с.

135. Капицын В.М. Состоятельность современного государства в условиях нарастающих прокси-войн // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 4. – С. 117-120.

136. Карасев П.А., Савельев А.Г. Перспективы регулирования и снижения военной киберугрозы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2018. – № 5. – С. 47-60.

137. Карпович О. Г., Манойло А. В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы: монография. – М.: Издательство Дипломатической академии МИД РФ, 2020. – 492 с.

138. Карякин В.В. Геополитическая регионалистика. – М.: Автономная некоммерческая организация социально-экономического и политического консалтинга «Центр этнических и международных исследований» (Подольск), 2018. – 223 с.

139. Касаев Э. Катар – активный спонсор «Арабской весны»: предпосылки, последствия и Российский фактор // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 3 (273). – С. 123-134.

140. Касаев Э. Успехи и амбиции «Мощного карлика» // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 8 (266). – С. 151-159.

141. Коваленко В.И., Слуцкий Л.Э., Шутов А.Ю. Предисловие // О национально ориентированной теории международных отношений (к 80-летию профессора П. А. Цыганкова): колл. монография. Под ред. Л.Э. Слуцкого, А.Ю.

Шутова, З.Н. Осадченко. – М.: Издательство Московского университета, 2021. – С. 5-9.

142. Коваленко Г.В. Теоретические основы исследования внешней политики постсоветских государств // Постсоветские исследования. – 2018. – Ч. 1. – № 1. – С. 58-63.

143. Кожемяк Н. Современное состояние армии Катара // Российский совет по международным делам. 25.09.2018. URL: https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/sovremennoe-sostoyanie-armii-katara/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 06.07.2020).

144. Комилова Х.Г. Теоретические основы и подходы к определению внешнеполитических интересов в международных отношениях Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 410. – С. 77-83.

145. Конрад Н.И. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 555 с.

146. Конышев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. – СПб.: Наука, 2004. – 372 с.

147. Коробейникова Л.А. Проблема глобализации: формирование мультидискурса // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 371. – С. 58-62.

148. Корольков Л.В. Меняющаяся геометрия ближневосточных раскладов // Международные процессы. – 2015. – № 1 (40). – С. 97-106.

149. Кортунув А. Будущее Ближнего Востока: два горизонта угроз и возможностей // Российский совет по международным делам. 01.10.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/budushchee-blizhnego-vostoka-dva-gorizonta-ugroz-i-vozmozhnostey/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 16.07.2020).

150. Косач Г.Г. Саудовская Аравия сегодня // Свободная мысль. – 2018. – № 2 (1668). – С. 83-96.

151. Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Арабские страны залива: поле конфронтации с террором // Религия и общество на Востоке. – 2018. – № 2. – С. 47-88.

152. Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Роль России на Ближнем Востоке и интенсификация ее отношений с арабскими монархиями залива // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2019. – № 2. – С. 61-75.

153. Косолапов Н.А. Глобальное управление и новая роль США // Запад–Восток–Россия 2018. Ежегодник / Отв. ред. А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – С. 33-37.

154. Косолапов Н.А. Конфликт как инструмент стабильности в международных отношениях // Очерки теории и политического анализа международных отношений. Научно-образовательный форум по междунар. отношениям. – М., 2002. – С. 172-189.

155. Костин А.И. Глобальное и региональное в контексте политических процессов современного мира // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2017. – № 1. – С. 92-94.

156. Костин А.И., Изотов В.С. Перспективы устойчивого развития в условиях многомерного кризиса: переосмысление концептов, ключевые факторы, условия успеха // Политическая наука. – 2017. – Специальный выпуск. – С. 63–87.

157. Кочетков В.В. Идентичность и культура в современных международных отношениях. (гриф УМО МГУ). – М.: Издательство МГУ им М.В. Ломоносова, 2015. – 320 с.

158. Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. – М.: PER SE, 2012. – 416 с.

159. Кочетков В.В., Максимов И.В. Культурные войны в международных отношениях. – М.: Антарес, 2015. – 108 с.

160. Кочетков В.В., Максимов И.В. Цветная революция – социальный процесс или сетевая технология. – М.: Книга по требованию, 2010. – 116 с.

161. Кочетков В. В., Максимов И. Генезис явления культурных войн в международных отношениях и перспективы его развития // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2013. — № 4. — С. 96–108.

162. Кубякин Е.О., Тужба Э.Н. Теоретические подходы к анализу международных отношений // Общество и право. — 2014. — № 1 (47). — С. 256-263.

163. Кудряшов А.В. НАТО и арабские монархии Персидского залива: развитие военного сотрудничества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2015. — № 1. — С. 99-106.

164. Кузнецов А.А. Разногласия между государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива как фактор изменения политической ситуации в регионе Ближнего Востока // Международная аналитика. — 2017. — № 2 (20). — С. 69-77.

165. Кузнецов А.А. Энергетическое сотрудничество России и Катара: политические и экономические аспекты // Постсоветский материк. — 2018. — № 3 (3). — С. 103-116.

166. Кузнецов В. А. Арабский мир между насилием и согласием. // Российский совет по международным делам. 12.01.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arabskiy-mir-mezhdu-nasilie-i-soglasie/> (дата обращения: 14.07.2020).

167. Кузнецов В.А. Истоки и движущие силы вооруженного экстремизма и радикализации на Ближнем Востоке (на региональном уровне и на примере Туниса) // Пути к миру и безопасности. — 2017. — № 1 (52). — С. 138-154.

168. Кузнецов В.А. После постмодерна: ближневосточное измерение одного тренда // Восток (Oriens). — 2017. — № 3. — С. 25-37.

169. Кузнецов В.А. Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков // Восток (Oriens). — 2018. — № 3. — С. 6-23.

170. Кузнецов В. Императивы неомодерна для ближневосточного космоса // Российский совет по международным делам. 17.05.2016. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/imperativy-neomoderna->

dlya-blizhnevostochnogo-kosmosa/?sphrase_id=44317304 (дата обращения: 16.07.2020).

171. Кузнецов В.А. Парадоксы развития арабских политических систем // Вестник МГИМО Университета. – 2018. – № 5 (62). – С. 23-48.

172. Кузнецов Д.А. Возможности формирования комплексного подхода к исследованиям региональной интеграции и трансрегионализма // Мировая политика. – 2019. – № 1. – С. 1-13.

173. Кузнецов Р.С., Славецкая Н.С., Тумарова Т.Г. Катар на европейском рынке сжиженного природного газа // Вестник Института экономики РАН. – 2020. – № 3. – С. 88-98.

174. Курдин А., Пих С. Энергетическая политика Катара: стратегия поставок СПГ на европейский и азиатский рынки // ТЭК России. – 2016. – № 7. – С. 14-19.

175. Лебедев С. Холодная война на Ближнем Востоке: взгляд неоклассического реалиста // Российский совет по международным делам. 16.09.2019. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/slebedev/34834/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 16.07.2020).

176. Лебедева М.Л. Теоретические основы регионального политического процесса // Социально-политические науки. – 2016. – № 2. – С. 71-74.

177. Лебедева М.М., Харкевич М.В. Теория международных отношений в зеркале современных российских исследований // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 5 (50). – С. 7-19.

178. Левин А.В. Влияние глобализации на выбор стратегии национальной экономики ближневосточных стран // *Juvenis scientia*. – 2017. – № 9. – С. 23-25.

179. Леонова О. Г. Sharp power – новая технология влияния в глобальном мире // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 2. – С. 13-20.

180. Леонова О.Г. Глобальные политические вызовы современности // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. – 2019. – № 3. – С. 61-72.

181. Леонова О.Г. Кибервойна и противоборство в цифровом информационном пространстве // Информационное общество. – 2018. – № 2. – С. 43-46.
182. Леонова О.Г. Политика мягкой силы. М.: МАКС Пресс, 2020. – 232 с.
183. Леонова О.Г., Ильин И.В. Исследование глобальных процессов: достижения, проблемы и перспективы // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. – 2016. – № 1-2. – С. 182-190.
184. Леонова О.Г. Концептуализация понятия глобализация в современной науке // Век глобализации: исследование современных глобализационных процессов. – 2018. – № 1. – С. 15-24.
185. Лубский А.В., Ковалев В.В. Геопространственный подход и геоисторическая парадигма евразийских исследований // Философия права. – 2018. – № 1 (84). – С. 35-40.
186. Людвиг М. Либерализм в классической традиции. – М.: Издательство «Экономика», 2001. – 239 с.
187. Макаренко С.И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. – СПб: Научные технологии, 2017. – 546 с.
188. Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность (i) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2021. – № 1. – С. 100-132.
189. Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта // Материалы V Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и безопасность» Вып. 8. – Киев, 2005. – С. 73-80.
190. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. – М.: Горячая линия – Телеком, 2018. – 480 с.
191. Манойло А.В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 2. – С. 145-172.

192. Манойло А.В. Основы теории современных информационных войн // Геополитический журнал. – 2017. – № 4. – С. 3-23.
193. Манойло А.В. Структура современных операций информационной войны // Вестник Российской нации. – 2018. – № 4. – С. 197-225.
194. Манойло А.В., Пономарева Е.Г. Современные информационно-психологические операции: технологии и методы противодействия // Научно-аналитический журнал Обозреватель. Observer. – 2019. – № 2. – С. 5-17.
195. Манойло А.В., Попадюк А.Э. Постправда как социальное явление и политическая технология // Международная жизнь. – 2020. – № 8. – С. 102-111.
196. Манойло А.В., Стригунов К.С. Геополитическая напряженность вокруг Ирана в локальном, региональном и глобальном контекстах // Электронный научно-образовательный журнал История. – 2019. – Т. 10. – № 11.
197. Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – М.: Горячая линия – Телеком, 2020. – 378 с.
198. Манойло А.В., Стригунов К.С. Геополитическая напряженность вокруг Ирана в локальном, региональном и глобальном контекстах // Электронный научно-образовательный журнал История. 2019. № 11 (85). URL: <https://gaugn.ru/ru-ru/media/iran-2020-what-next> (дата обращения: 12.07.2020).
199. Маркина Н.Л., Тви́рова Ю.А. Влияние марксизма на состояние политической теории в XX веке // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3-1. – С. 296-304.
200. Мартынова Л.А. Международные отношения и региональная безопасность в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Ч. 10. – № 1. – С. 135-143.
201. Международные отношения и глобалистика / И.А. Алешковский, А.С. Барсенков, А.А. Сагомоян и др. – М.: Изд-во МГУ, 2014. – 64 с.
202. Международные отношения и мировая политика: учебник для вузов. / Под ред. П.А. Цыганкова. 2-е изд., пер. и доп. / И.А. Василенко, П.А. Цыганков, А.В. Манойло и др. – М.: Юрайт, 2020. – 279 с.

203. Межуев Б.В. «Цивилизационный реализм» как шанс на возвращение теории к реальной политик // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия: Реферативный журнал. – 2019. – № 4. – С. 6-27.

204. Мелкумян Е.С. Новые тенденции в политике ССАГЗ в период региональной трансформации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 4. – С. 55-64.

205. Мелкумян Е.С. Персидский залив: новые тенденции развития региональной ситуации после «арабской весны» // «Нестабильность геостратегического пространства в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока: актуальные проблемы. Ежегодник 2019. – М.: ИВ РАН, 2019. – С. 133-139.

206. Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2019. – Ч. 11. – № 1. – С. 108-137.

207. Мелкумян Е.С., Косач Г.Г., Носенко Т.В. Россия во внешнеполитических приоритетах Совета сотрудничества арабских государств залива после событий «арабской весны» // Вестник МГИМО университета. – 2017. – № 4 (55). – С. 139-153.

208. Мирзеханов В.С. XX век: волны революционных трансформаций // Электронный научно-образовательный журнал История. 2018. Т. 9. № 7 (71). URL: <https://history.jes.su/s207987840002498-6-1> (дата обращения: 17.07.2020).

209. Мирзеханов В. С., Трунов Ф. О. Особенности урегулирования вооруженных конфликтов в Азии и Африке в конце 2010-х - начале 2020-х годов // Вестник Российской академии наук (ранее: Вестник Академии наук СССР). — 2022. — Т. 92, № 12. — С. 29–38.

210. Михайленко В.И., Успенских Т.А, Политика ЕС в отношении Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива // Современная Европа. – 2019. – № 5 (91). – С. 35-45.

211. Наумкин В.В. Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. – 2017. – Т. 15. – № 2 (49). – С. 27-43.

212. Наумкин В.В. Кризис на Ближнем Востоке: внешнее вмешательство и разгул экстремизма // Россия в глобальной политике. 15.07.2015. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/krizis-na-blizhnem-vostoke-vneshnee-vmeshatelstvo-i-razgul-ekstremizma/> (дата обращения: 18.07.2020).

213. Наумкин В.В. Территориальное и демографическое упорядочивание: ближневосточные вызовы // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 67-80.

214. Наумкин В.В., Барановский В.Г. Ближний восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 3. – С. 5-19.

215. Наумкин В.В., Махатхир Б.М. В исламе не существует понятия секуляризации // Россия в глобальной политике. – 2013. – Т. 11. – № 3. – С. 160-169.

216. Наумкин В.В., Зарипов И.А., Зарипов В.А., Кузнецов В.А., Орлов В.В. Государство и мусульманская умма: институты управления и взаимодействия в России и арабском мире. Историческая ретроспектива // Восток (Oriens). – 2021. – № 1. – С. 54-69.

217. Нефедов С.А., Демченко Д.А. Регион Персидского залива как предмет международной политической регионалистики // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 8. – С. 9-13.

218. Ниязи А.Ш. Саудовская Аравия, Катар, Норвегия, Россия в измерениях зеленой экономики // Россия и мусульманский мир. – 2018. – № 3 (309). – С. 73-82.

219. Островский С.В., Лобова Л.А. Глобализация в геосоциальном мышлении. Смена парадигм // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 2. – С. 185-188.

220. Павленко О.В. Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы // Вестник РГГУ. – 2015. – № 6 (149). – С. 53-67.

221. Пашковский П.И. О некоторых направлениях культурно-психологической методологии международно-политических исследований // Мировая политика. – 2017. – № 2. – С. 53-59.

222. Перспективы стабилизации/дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африке: сборник статей конференции. Под ред. И.В. Следзевского, А.В. Коротаева. – М. Институт Африки РАН, 2019. – 182 с.

223. Пинчук А.Ю. К множественности мирового порядка: теоретический аспект // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Ч. 7. – № 1 (22). – С. 331-334.

224. Подберезкин А.И. Анализ и стратегический прогноз развития новых парадигм международной обстановки // Центр военно-политических исследований. 2017. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/39668> (дата обращения: 19.07.2020).

225. Подцероб А.Б., Видясова М.Ф. Предисловие. «Большой Ближний Восток», или «Расширенный Ближний Восток и Северная Африка». История возникновения и содержание термина // Актуальные проблемы Европы. – 2012. – № 3. – С. 8-10.

226. Политическая глобалистика: направления исследований в условиях глобальной неопределенности / Под ред. А.И. Костина / А. И. Костин, В. Н. Расторгуев, В. Ю. Бельский и др. – М.: Изд-во Московского университета, 2019. – 298 с.

227. Попова О.В. Системные основания политической науки // Современная Европа. – 2019. – № 3 (88). – С. 197-202.

228. Порецкова А.А. Два взгляда на развитие методологических подходов в политической науке // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2016. – № 6. – С. 65-73.

229. Почта Ю.М., Восканян А.Г. Значимость коммуникационных средств Интернета в современной политике // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2013. – № 3. – С. 79-97.

230. Почта Ю.М. Исламизм и национализм на большом ближнем востоке: вражда или симбиоз? // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 3. – С. 4-11.

231. Почта Ю.М. Мусульманское общество между фундаментализмом и либерализмом: проблема гражданского общества // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2017. – Т. 19. – № 1. – С. 15-24.

232. Почта Ю.М., Оберемко Т.В. Политическое значение исламского фундаментализма в эпоху постмодерна // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2014. – № 1. – С. 5-19.

233. Пропаганда // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.

234. Райнхардт Р.О. Настольная книга исследователя дипломатии // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. – № 4. – С. 119-122.

235. Райнхардт Р.О. Новые формы и методы дипломатии. // Международная аналитика. – 2020. – № 11 (4). – С. 11-20.

236. Рассказов Д.А. Формирование и развитие международных финансовых центров: теория и мировые сопоставления: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.01. – М., 2017. – 179 с.

237. Руденко Л.Н. Перспективы цифровой трансформации экономики арабских стран // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 5. – С. 92-108.

238. Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Дорофеев Ф.А. Суннитско-шиитское противостояние. Иран и Саудовская Аравия в борьбе за региональное лидерство // Свободная мысль. – 2019. – № 1 (1673). – С. 169-180.

239. Савельев А. Теория и практика современной войны // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 6. – С. 122-128.

240. Савельев А.Г. Актуальные проблемы теории и практики современной войны в работах академика А.А. Кокошина. – М.: Ленанд, 2020. – 47 с.

241. Сагомоян А.А., Кремер И.С., Хазанов А.М. История международных отношений в XX – начале XXI века. Учебное пособие. – М.: ИПК МГЛУ Рема, 2009. – 254 с.

242. Сажин В. «Арабская НАТО» – реальность или миф? // Международная жизнь. 2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21718> (дата обращения: 16.07.2020).

243. Семакова М.В. Ближневосточный фактор современной внешней политики Соединенного Королевства // Архонт. – 2020. – № 1 (16). – С. 97-108.

244. Сетов Н.Р. Государство и война в политической теории К. Холсти // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 2. – С. 290-296.

245. Скриба А.С. Реализм и политика малых государств в XXI в. // Политика и общество. – 2014. – № 3 (111). – С. 347-357.

246. Слман А.С.С. Солнце «Аль-Джазир» заходит в Сирии // Вестник ВГУ. Серия: филология. Журналистика. – 2018. – № 4. – С. 97-99.

247. Слуцкий Л.Э. Современная международная обстановка и проблемы формирования исторической памяти и культуры мира // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. – М.: Академия МНЭПУ, 2021. – С. 40-42.

248. Столетов О.В. Концепт «прокси-война» в международно-политическом дискурсе «Новой Холодной войны» // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 4. – С. 122-124.

249. Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия / под ред. А.И.Костина (коллективная монография) / А.И. Костин, А.Г. Сытин, В.А. Черешнев и др. – М.: Издательство Московского университета, 2018. – 320 с.

250. Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – Т. 4. – С. 157-193.

251. Сурков Н.Ю. Тренды Ближнего Востока и Центральной Азии // Вестник МГИМО Университета. – 2018. – № 6 (63). – С. 325-333.

252. Суслов Е.В. Синергетическая парадигма в исследовании современных политических процессов // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2016. – № 4 (8). – С. 86-94.

253. Сучков М.А., Седелев А.К. Национальные авиакомпании как инструмент «мягкой силы»: «Qatar Airways» И «Turkish Airlines» // Пути к миру и безопасности. – 2019. – № 2 (57). – С. 63-73.

254. Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. / Отв. ред. А.М. Васильев, Л.М. Исаев, А.В. Коротаев. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 256 с.

255. Тагиров Т. Перспективы сотрудничества Катара и Сирии после окончания гражданской войны // Российский совет по международным делам. 08.04.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/perspektivy-sotrudnichestva-katara-i-sirii-posle-okonchaniya-grazhdanskoj-voyny/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 16.07.2020).

256. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография / В.Ю. Бельский, А.Н. Бороздин, Н.Н. Гусев и др. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 479 с.

257. Токарева О.В. Конструктивизм в политических коммуникациях российских женщин-парламентариев // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2017. – Ч. 23. – № 11. – С. 70-76.

258. Тормошева В.С. Глобальное политическое пространство в парадигме постмодернизма // Политическая наука. – 2019. – № 1. – С. 206-224.

259. Трофимова Р.П., Селезнев П.С. Культурная политика как алгоритм «локальных цивилизаций» // Философские науки. – 2017. – № 10. – С. 111-120.

260. Труевцев К.М. Ближний Восток: морфология конфликта и постконфликтный дизайн // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 143-166.

261. Туголукова Л. Американский фактор в «Игре престолов» Катара и Саудовской Аравии // Российский совет по международным делам. 23.09.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle->

east/amerikanskiy-faktor-v-igre-prestolov-katara-i-saudovskoy-aravii/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 16.07.2020).

262. Украинцев А.А. Проблемы диверсификации национальных экономик стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 10. – С. 98-103.

263. Фененко А.В. Международная конкуренция на Ближнем Востоке: факты и тенденции // Международные процессы. – 2014. – Т. 12. – № 3 (38). – С. 6-34.

264. Фененко А.В. Неореализм в политической теории // Современная политическая наука: Методология. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 61-83.

265. Фененко А.В. Новые политические пространства в структуре международных противоречий // Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке (под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова). – М.: Аспект-Пресс, 2013. – С. 389-413.

266. Фененко А.В. Современная история международных отношений. 1991-2018. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 456 с.

267. Фененко А.В. Традиционные и новые факторы силы в международных отношениях. Современная наука о международных отношениях за рубежом. Хрестоматия в трех томах. Т. 2. / Под общ. ред. И.С. Иванова. – М.: НИ РСМД, 2015. – С. 348-358.

268. Фененко А.В. История международных отношений: 1648-1945. – М.: Аспект-Пресс, 2018. – 784 с.

269. Фитин В.П., Иванов С.А., Горбатова В.В., Соснов Г.И., Махмутова М.И., Тарасенко Д.А. Турция и арабский мир: проблемы взаимодействия // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 6 (57). – С. 11-51.

270. Фролов А. Арабский пасьянс // Международная жизнь. 2017. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1901> (дата обращения: 26.07.2020).

271. Фроловский Д. Лоббистские войны. Как арабские монархи борются за поддержку Вашингтона // Московский центр Карнеги. 27.02.2019. URL: <https://carnegie.ru/commentary/78455> (дата обращения: 06.07.2020).

272. Хаддад Х. Теория международных отношений и «Новый Ближний Восток» // Международная жизнь. 08.08.2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18105> (Дата обращения: 09.07.2020).

273. Хайруллин Т.Р. Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе: дисс... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2018. – 235 с.

274. Хайруллин Т.Р. Формирование катарско-турецкого альянса // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 4. – С. 30-35.

275. Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Турецко-катарский альянс в борьбе за региональное лидерство // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте. – Волгоград, 2018. – С. 370-428.

276. Хаммад А.А.К. Современные вызовы безопасности Ближневосточного региона // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 1. – С. 262-267.

277. Ханалиев Н.У. Проекция ближневосточной нестабильности на регион Персидского залива // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 1(62). – С. 109-114.

278. Ханалиев Н.У. Современные вызовы и конфликты на Ближнем Востоке: процесс фрагментации арабского мира // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 2. – С. 86-99.

279. Хлопов О.А. Анализ энергетической безопасности с позиции либеральной парадигмы англо-саксонской школы теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2017. – № 6. – С. 27-42.

280. Хлопов О.А. Внешняя политика США на Ближнем Востоке: традиции и возможные изменения // Наука без границ. – 2019. – № 10 (38). – С. 55-63.

281. Хлопов О.А. Система международной безопасности XXI в.: поиск приемлемой теоретической модели // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2019. – № 1. – С. 45-57.

282. Хрусталеv М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 207 с.

283. Цветкова Н.А., Мужикбаев Л.А. Спортивная дипломатия Катара в 2000-е гг. как инструмент внешней политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6 (68). – Ч. 2. – С. 188-190.

284. Цуканов Л. «Большая игра» ливийских туарегов // Российский совет по международным делам. 11.06.2020. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/ltsukanov/bolshaya-igra-liviyskikh-tuaregov-/?sphrase_id=42754414 (дата обращения: 6.07.2020).

285. Цыганков П.А. Исследования проблем миропорядка: теоретические трудности, расхождения трактовок // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 41. – С. 194-202.

286. Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – 572 с.

287. Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2013. – № 5. – С. 3-24.

288. Цыганков П.А. Относительность расхождений и пределы совмещения реализма и либерализма в трактовке вопросов миропорядка // Политическая наука. – 2017. – Спецвыпуск. – С. 234-244.

289. Цыганков П.А. Социологические термины и подходы в анализе международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2016. – № 4. – С. 28-37.

290. Чикризова О.С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – Ч. 19. – № 4. – С. 545-565.

291. Чихарев И.А., Столетов О.В. К вопросу о соотношении стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2013. – № 5. – С. 26-43.
292. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – 456 с.
293. Чумаков А.Н. Глобалистика в контексте современности: испытание пандемией // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. – 2020. – Т. 35. – № 3. – С. 3-14.
294. Чумаков А.Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. – 2015. – Т. 16. – № 2. – С. 35-47.
295. Чумаков А.Н. Мировая политика в контексте глобализации // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 12.
296. Чумаков А.Н. Мягкая сила как способ решения проблем в глобальном мире // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. – 2014. – № 2 (14). – С. 192-195.
297. Чумаков А. Н. Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. – 2018. – Т. 28. – № 4. – С. 3-16.
298. Шарафутдинов Д.Р., Шумихина А.С. Военно-политическое сотрудничество стран ССАГПЗ: основные векторы развития // Международные отношения и общество. – 2019. – Ч. 1. – № 1. – С. 18-32.
299. Швеллер Р. Восходящие державы и ревизионизм в условиях зарождения новых мировых порядков // Портал Международного дискуссионного клуба «Валдай». 16.05.2015. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22161/> (дата обращения: 13.09.2022).
300. Шкварун М.А. Политические проблемы стран Ближневосточного региона в XXI веке // Социально-политические науки. – 2018. – № 4. – С. 33-41.

301. Шкваря Л.В. Преобразования в арабских странах ССАГПЗ и некоторые их результаты в XXI // Управление экономическими системами. – 2015. – № 7 (79). – С. 9.
302. Шкваря Л.В., Владимиров С.Н. Экологические проблемы в странах ССАГПЗ и возможности их решения в рамках интеграционного взаимодействия // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2019. – № 1. – С. 179-194.
303. Шлюндт Н.Ю. Геоэкономические инструменты международного влияния современных акторов: к вопросу о степени политической эффективности // Наука без границ. – 2020. – № 4 (44). – С. 11-17.
304. Шмыткова А.В., Чечетенко Ю.С. Влияние геополитической обстановки на развитие туризма на Ближнем Востоке в XXI веке // Крымский научный вестник. – 2017. – № 2-3. – С. 57-65.
305. Шголь В. Катар: история успеха // Международная жизнь. 2014. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1044> (дата обращения: 16.07.2020).
306. Шумилин А. Саудовский кризис для Евро-Атлантики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 5. – С. 165-172.
307. Энергетика в современном мире / М. Е. Родионова, П. С. Селезнев, И. В. Юшков, С. П. Митрахович. – М.: Кнорус, 2019. – 424 с.
308. Юртаев В.И. Иран: глобализация и регионализация. // Ближний Восток и современность. Сб. статей (выпуск сорок четвертый) / Отв. ред. М.Р. Арунова, В.А. Исаев, А.О. Филоник. – М., 2011. – С. 327-337.
309. Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 160 с.
310. Abdulaziz M., Evren T., Gagoshidze T. Rethinking Soft Power in the Post-Blockade Times: The Case of Qatar // Digest of Middle East Studies. – 2019. – Vol. 28. – № 2. – P. 329-350.
311. Abu-Sharkh A. Potential impact of COVID-19 on the Qatar economy // KPMG in Qatar. May 2020. URL: https://home.kpmg/content/dam/kpmg/qa/pdf/2020/4/potential_impact_of_covid-19_on_the_qatar_economy_all%20sectors.pdf (accessed: 12.07.2020).

312. Al-Barghothi S. International Tribute to Qatar's Conflict Resolution Efforts // Al Diplomacy. March 2020. URL: <https://en.calameo.com/read/005121764ee5eb79eeaca> (accessed: 10.07.2020).
313. Al-Maatouk N., Kama M. Determinants of the Regional Role of Qatar // Journal of Politics and Law. – 2017. – № 10. – P. 191-197.
314. Almohamadi S.F. Qatar dispute exposes regional food-security failures // International Institute for Strategic Studies (IISS). 2017. URL: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2017/08/qatar-food-insecurity> (accessed: 16.07.2020).
315. Araz S. Qatar plots its AI future // Middle East Institute. 2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/qatar-plots-its-ai-future> (accessed: 16.07.2020).
316. Asmar A., Hasaj H. Just How Important Is the Rift Between Qatar and the Saudi Arabia-led Quartet? // The Council on Foreign Relations (CFR). 2020. URL: <https://www.cfr.org/blog/just-how-important-rift-between-qatar-and-saudi-arabia-led-quartet> (accessed: 16.07.2020).
317. Ayoob M. Subaltern realism: international relations theory meets the third world. // In: Neumann S. (ed.), International relations theory and the third world. – N.Y.: St Martin's Press, 1998. – P. 31-54.
318. Baabood A. Qatar's Resilience Strategy and Implications for State-Society Relations // Istituto Affari Internazionali (IAI). December 2017. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaiw1736.pdf> (accessed: 20.07.2020).
319. Baaboud A. Dynamics and determinants of the GCC States' foreign policy, with special reference to the EU. // In: Nonneman G. (ed.). Analysing Middle East Foreign Policies and the Relationship with Europe. – L.: Routledge, 2005. – P. 145-173.
320. Bahry L.Y. The new Arab media phenomenon: Qatar's Al Jazeera. // Middle East Policy. – 2001. – Vol. 8. – № 2. – P. 88-99.
321. Bakir A. The Evolution of Turkey-Qatar Relations Amid a Growing Gulf Divide. // In: Divided Gulf: The Anatomy of a Crisis. Ed. A. Krieg. – L.: Palgrave Macmillan, 2019.

322. Barakat S. Priorities and challenges of Qatar's Humanitarian Diplomacy // Chr. Michelsen Institute. 2019. URL: <https://www.cmi.no/publications/6906-priorities-and-challenges-of-qatars-humanitarian-diplomacy> (accessed: 12.07.2020).
323. Barakat S., Milton S., Elkahlout G. The impact of the Gulf crisis on Qatar's humanitarian sector // *Disasters*. – 2019. – Vol. 44. – № 1. – P. 63-84.
324. Barany Z. Military Officers in the Gulf: Career Trajectories and Determinants // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2019. URL: <https://www.csis.org/analysis/military-officers-gulf-career-trajectories-and-determinants> (accessed: 15.07.2020).
325. Barbieri G. Regionalism, globalism and complexity: a stimulus towards global IR? // *Third World Thematics: A TWQ Journal*. – 2019. – Vol. 4. – № 6. – P. 424-441.
326. Bayeh J.N., Baltos G.S. From a Culture of Borders to Borders of Cultures: Nationalism and the «Clash of Civilizations» in International Relations Theory // *Journal of Educational and Social Research*. – 2019. – Vol. 9. – № 1. – P. 9-20.
327. Baysoy E. New-Regionalism: The Slipknot of the Two Rival Trends? // *Athens Journal of Mediterranean Studies*. – 2020. – Vol. 6. – № 1. – P. 11-20.
328. Beach D. *Analyzing Foreign Policy*. – Berlin: Springer, 2012. – 306 p.
329. Beckley M. The Power of Nations: Measuring What Matters. *International Security* 2018; 43 (2): 7–44.
330. Bessner D., Guilhot N. How Realism Waltzed Off: Liberalism and Decisionmaking in Kenneth Waltz's Neorealism. *International Security* 2015; 40 (2): 87–118.
331. Bilgin A.R. Relations Between Qatar and Saudi Arabia After the Arab Spring // *Contemporary Arab Affairs*. – 2018. – Vol. 11. – № 3. – P. 113-134.
332. Bojang AS. The Study of Foreign Policy in International Relations // *Journal of Political Sciences & Public Affairs*. – 2018. – Vol. 6. – № 4. – P. 1-9.
333. Booth K. *Realism and World Politics*. – N.Y.: Routledge, 2011. – 368 p.
334. Bradshaw S., Howard P.N. *Troops, Trolls and Troublemakers: A Global Inventory of Organized Social Media Manipulation*. // Oxford Internet Institute

Working Paper. 2017. URL: <http://comprop.oii.ox.ac.uk/wp-content/uploads/sites/89/2017/07/Troops-Trolls-andTroublemakers.pdf> (accessed: 23.09.2022).

335. Buzan B. *The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism (New Directions in World Politics)*. – Columbia: Columbia University Press, 1993. – 278 p.

336. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 592 p.

337. Campbell S. *Secrets of Crewe house: the story of a famous campaign*. – London; N.Y.: Hodder and Stoughton, 1921. – 336 p.

338. Cherkaoui T. Al Jazeera's changing editorial perspectives and the Saudi-Qatari relationship. // *The Political Economy of Communication*. – 2014. – Vol. 2. – № 1. – P. 17-32.

339. Cherkaoui T. Qatar's public diplomacy, international broadcasting, and the Gulf Crisis // *Public Diplomacy of Rising and Regional Powers*. – 2018. – Vol. 3. – № 3. – P. 127-149.

340. Cook S. *Untangling the Qatar Kerfuffle* // *The Council on Foreign Relations (CFR)*. 2017. URL: <https://www.cfr.org/blog/untangling-qatar-kerfuffle> (accessed: 16.07.2020).

341. Cook S., Ibish H. *Turkey's Resurgence as a Regional Power Confronts a Fractured GCC* // *The Arab Gulf States Institute in Washington (AGSIW)*. Issue Paper № 9. December 18, 2019. URL: https://agsiw.org/wp-content/uploads/2019/12/Steve-Cook_Ibish_Turkey_ONLINE.pdf (accessed: 12.07.2020).

342. Cook S.A. *The Other Gulf Conflict: How the Qatar Crisis Is Playing Out in D.C. Back Rooms* // *The Council on Foreign Relations (CFR)*. 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/other-gulf-conflict-how-qatar-crisis-playing-out-dc-back-rooms> (accessed: 16.07.2020).

343. Cooper A., Momani B. *Qatar and expanded contours of small state diplomacy* // *International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. – 2011. – Vol. 46. – № 3. – P. 113-128.

344. Cordesman A.H. Improving Stability in the Arab World // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/improving-stability-arab-world> (accessed: 15.07.2020).

345. Cordesman A.H. Iran and the Changing Military Balance in the Gulf – Net Assessment Indicators // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/iran-and-changing-military-balance-gulf-net-assessment-indicators> (accessed: 15.07.2020).

346. Cordesman A.H. Military Spending: The Other Side of Saudi Security // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/military-spending-other-side-saudi-security> (accessed: 15.07.2020).

347. Cordesman A.H. The Gulf and the Challenge of Missile Defense: Net Assessment Indicators // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/gulf-and-challenge-missile-defense-net-assessment-indicators> (accessed: 15.07.2020).

348. Cordesman A.H. Tracking the Trends and Numbers: Islam, Terrorism, Stability, and Conflict in the Middle East // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2017. URL: <https://www.csis.org/analysis/tracking-trends-and-numbers-islam-terrorism-stability-and-conflict-middle-east> (accessed: 15.07.2020).

349. Cruz M.A., Brabazon J.J., Halfhill D.S., Ritzel S.M. Between Theory and Practice: The Utility of International Relations Theory to the Military Practitioner // Official United States Air Force Website. 2020. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/Wild-Blue-Yonder/Article-Display/Article/2063140/between-theory-and-practice-the-utility-of-international-relations-theory-to-th/> (accessed: 7.07.2020).

350. Cunningham S. The Idea of Propaganda. – Westport: Praeger Publishers, 2002. – 242 p.

351. Damjanovic D. Types of information warfare and examples of malicious programs of information warfare. // Military Technical Courier. – 2017. – Vol. 65. – № 4. – P. 1044-1057.

352. Darwich M. The Challenge of Bridging IR and Area Studies in Middle East International Relations Teaching // The LSE Middle East Centre. 2015. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2015/08/18/the-challenge-of-bridging-ir-and-area-studies-in-middle-east-international-relations-teaching/> (accessed: 17.07.2020).

353. Denning DE (1999) Activism, hacktivism, and cyberterrorism: The Internet as a tool for influencing foreign policy. Paper read at The Internet and international systems: Information technology and American foreign policy decision-making, 10 December, San Francisco, United States.

354. Desch M. Democracy and Victory: Why Regime Type Hardly Matters. *International Security* 2002; 27 (2): 5–47.

355. DiMaggio P., Powell W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *American Sociological Review*. – 1984. – Vol. 48. – № 2. – P. 147-160.

356. Dorani S. The Foreign Policy Decision Making Approaches and Their Applications // The Centre for Strategic Research and Analysis (CESRAN). 2019. URL: <https://cesran.org/the-foreign-policy-decision-making-approaches-and-their-applications.html> (accessed: 17.07.2020).

357. Doyle M. Liberalism and World Politics // *American Political Science Review*. – 1986. – Vol. 80. – № 4. – P. 1151-1169.

358. Dugis V. Analysing Foreign Policy // *Masyarakat, Kebudayaan, Politik*. – 2017. – № 20. – P. 41-52.

359. Ebert H., Flandes D. Rethinking Regional Leadership in the Global Disorder // *Regional Leadership and Multipolarity in the 21st Century*. – 2018. – Vol. 3. – № 1. – P. 7-23.

360. Edelstein D. Occupational Hazards: Why Military Occupations Succeed or Fail. *International Security* 2004; 29 (1): 49–91.

361. Efron S., Fromm C., Gelfeld B., Nataraj S., Sova C. Food Security in the Gulf Cooperation Council // RAND Corporation. 2018. URL: https://www.rand.org/pubs/external_publications/EP67748.html (accessed: 16.07.2020).

362. Erdemir A., Koduvayur V. Brothers in Arms. The Consolidation of the Turkey-Qatar Axis // Foundation For Defense Of Democracies. December 2019. URL: <https://www.fdd.org/wp-content/uploads/2019/12/fdd-report-brothers-in-arms-the-consolidation-of-the-turkey-qatar-axis.pdf> (accessed: 12.07.2020).

363. Fakhro E. COVID and Gulf Foreign Policy // POMEPS Studies. 2020. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/covid-and-gulf-foreign-policy> (accessed: 16.07.2020).

364. Farrell H., Newman A.L. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security* 2019; 44 (1): 42–79.

365. Fraihat I. Superpower and Small-State Mediation in the Qatar Gulf Crisis // *The International Spectator*. – 2020. – Vol. 55. – № 2. – P. 79-91.

366. Galal A.M. External behavior of small states in light of theories of international relations // *Review of Economics and Political Science*. – 2020. – Vol. 5. – № 1. – P. 38-56.

367. Gaub F. Arab Futures 2.0. The road to 2030 // Chaillot Paper № 154. 2019. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Chaillot_154%20Arab%20Futures.pdf (accessed: 12.07.2020).

368. Gause F.G. III The foreign policy of Saudi Arabia. // In: Hinnebusch R., Ehteshami A. (eds.). *The Foreign Policies of Middle East States*. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2014. – P. 193-208.

369. Gause F.G. III Ideologies, alignments, and underbalancing in the new Middle East cold war. // *Political Science and Politics*. – 2017. – Vol. 50. – № 3. – P. 672-675.

370. Gorges M. New Institutional Explanations for Institutional Change: A Note of Caution // *Politics*. – 2001. – Vol. 2. – № 21. – P. 137-145.

371. Gorges M. The new institutionalism and the study of the European Union: The case of the social dialogue // *West European Politics*. – 2001. – Vol. 4. – № 24. – P. 152-168.

372. Gray J. *Liberalisms. Essays in Political Philosophy*. – L.; N.Y.: Routledge, 1989. – 288 p.

373. Griffiths M. *Realism, Idealism and International Policy. A Reinterpretation.* – N.Y.: Taylor & Francis, 1995. – 220 p.
374. Grix J., Brannagan P., Lee D. *Qatar's Global Sports Strategy: Soft Power and the 2022 World Cup // In: Entering the Global Arena: Emerging States, Soft Power Strategies and Sports Mega-Events.* Ed. J. Grix, P. Brannagan, D. Lee. – L.: Springer, 2019. – P. 97-110.
375. Gross S., Ghafar A.A. *Qatar breaks up with OPEC // The Brookings Institution.* 2018. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/12/05/qatar-breaks-up-with-opec-its-not-you-its-me/> (accessed: 16.07.2020).
376. Gullace N.F. *Allied Propaganda and World War I: Interwar Legacies, Media Studies, and the Politics of War Guilt. // History Compass.* – 2011. – Vol. 9. – № 9. – P. 686-700.
377. Habraken K. *The case of Qatar: understanding the Emirate's exceptional foreign policy // Leiden University Libraries.* 2017. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/53181> (accessed: 27.07.2020).
378. Hamilton K., Langhorne R. *The Practice of Diplomacy. Its Evolution, Theory and Administration.* – L.: Routledge, 2010. – 318 p.
379. Han Z., Chen X. *Historical Exchanges and Future Cooperation Between China and Oman Under the "Belt & Road" Initiative. // International Relations and Diplomacy.* – 2018. – Vol. 6. – № 1. – P. 1-15.
380. Hasaj G., Schreiber T. *U.S. Natural Gas: Once Full of Promise, Now in Retreat // The Council on Foreign Relations (CFR).* 2020. URL: <https://www.cfr.org/blog/us-natural-gas-once-full-promise-now-retreat> (accessed: 16.07.2020).
381. Hassan I. *Between Anarchy and Arms Race: A Security Dilemma in The Persian Gulf // In: Routledge Handbook of Persian Gulf Politics.* Ed. M. Kamrava. – L.: Routledge, 2020. – P. 397-416.
382. Haste C. *Keep the Home Fires Burning: Propaganda in the First World War.* – N.Y.: Viking Press, 1977. – 240 p.

383. Hinnebusch R. The international politics of the Middle East. – Manchester: Manchester University Press, 2018. – 368 p.
384. Hira A., Hira R. The New Institutionalism: Contradictory Notions of Change // *American Journal of Economics and Sociology*. – 2000. – Vol. 59. – № 2. – P. 267-282.
385. Hobbes T. *Leviathan*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 118 p.
386. Holland T. *Persian Fire: The First World Empire and the Battle for the West* – Hamburg: Anchor, 2006. – 464 p.
387. Holsti K.J. *Change in International System*. – Roswell: Brookfield, 1991. – 360 p.
388. Holsti K.J. *International Politics: A Framework for Analysis*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 560 p.
389. Holsti K.J. *The State, War, and the State of War*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 272 p.
390. Horner R. Towards a new paradigm of global development? Beyond the limits of international development // *Progress in Human Geography*. – 2020. – Vol. 44. – № 3. – P. 415-436.
391. *International Relations Theory* / Ed. by McGlinchey S., Walters R. & Scheinpflug C. – Bristol: E-International Relations, 2017. – 180 p.
392. *International Relations Theory and a Changing Middle East* // *POMEPS STUDIES*. 2015. № 16. URL: http://pomeps.org/wp-content/uploads/2015/09/POMEPS_Studies_16_IR_Web1.pdf (accessed: 07.07.2020).
393. *International Relations Theory and Regional Transformation* / Ed. by T.V. Paul. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 320 p.
394. *Intra-Gulf Competition in Africa's Horn: Lessening the Impact* // Report № 206 International Crisis Group. 2019. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/206-intra-gulf-competition-africas-horn-lessening-impact> (accessed: 16.07.2020).

395. Jeffrey M., Wasser B., Kaye D., Egel D., Ogletree C. The Outlook for Arab Gulf Cooperation // RAND Corporation. 2016. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1429.html (accessed: 16.07.2020).
396. Jönsson C., Tallber J. Institutional Theory in international relations. – Manchester: Manchester University Press, 2008.
397. Kamrava M. Qatar: Small State, Big Politics. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2013. – 232 p.
398. Kamrava M. Royal factionalism and political liberalization in Qatar. // The Middle East Journal. – 2009. – Vol. 63. – № 3. – P. 401-420.
399. Katzenstein P. The Second Coming? Reflections on a Global Theory of International Relations // The Chinese Journal of International Politics. – 2018. – Vol. 11. – № 4. – P. 373-390.
400. Katzman K. Qatar: Governance, Security, and U.S. Policy. CRS Report № R44533 // Congressional Research Service. March 11, 2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/R44533.pdf> (accessed: 12.07.2020).
401. Kaussler B. Tracing Qatar's Foreign Policy Trajectory and its Impact on Regional Security // Arab Center for Research & Policy Studies. September 2015. URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep12689> (accessed: 12.07.2020).
402. Kertzer J.D., Tingley D. Political Psychology in International Relations: Beyond the Paradigms // Annual Review of Political Science. – 2018. – Vol. 21. – P. 319-339.
403. Khatib L. Qatar's foreign policy: the limits of pragmatism. // International Affairs. – 2013. – Vol. 89. – № 2. – P. 417-431.
404. Kharas H. Trends and Issues in Qatari Foreign Aid // Silatech Working Paper (15-11). November 2015. URL: <https://silatech.org/wp-content/uploads/2018/12/trends-and-issues-in-qatari-foreign-aid-en.pdf> (accessed: 12.07.2020).
405. Kheyrian M. What are the implications of realism's apparent dominance of the study of International Relations? // Centre for Geopolitics & Security in Realism Studies. 2019. URL: <http://cgsrs.org/publications/101> (accessed: 17.07.2020).

406. Kinninmont J. *The Gulf Divided: The Impact of the Qatar Crisis* // Chatham House. 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/gulf-divided-impact-qatar-crisis> (–: 16.07.2020).
407. Kitchen N. *Systemic Pressures and Domestic Ideas: A Neoclassical Realist Model of Grand Strategy Formation*. // *Review of International Studies*. – 2010. – Vol. 36. – № 1. – P. 117-143.
408. Kissinger H. *Diplomacy*. – N.Y.: Simon & Schuster, 1995. – 912 p.
409. Kristensen P.M. *International Relations at the End: A Sociological Autopsy* // *International Studies Quarterly*. – 2018. – Vol. 62. – № 2. – P. 245-259.
410. Laub Z. *How Al Jazeera Amplifies Qatar's Clout* // *The Council on Foreign Relations (CFR)*. 2017. URL: <https://www.cfr.org/backgrounders/how-al-jazeera-amplifies-qatars-clout> (accessed: 16.07.2020).
411. Laub Z., Robinson K. *Yemen in Crisis* // *The Council on Foreign Relations (CFR)*. 2020. URL: <https://www.cfr.org/backgrounders/yemen-crisis> (accessed: 16.07.2020).
412. Levine D., McCourt D. *Why Does Pluralism Matter When We Study Politics? A View from Contemporary International Relations* // *Perspectives on Politics*. – 2018. – Vol. 16. – № 1. – P. 92-109.
413. *Liberalism and Its Critics* / ed. by M. Sandel. – N.Y.: New York University Press, 1984. – 278 p.
414. Mabon S. *Introduction: Saudi Arabia, Iran and the struggle to shape the Middle East* // *The Foreign Policy Centre*. 2018. URL: <https://fpc.org.uk/introduction-saudi-arabia-iran-and-the-struggle-to-shape-the-middle-east/> (accessed: 16.07.2020).
415. Machiavelli N. *The Prince*. – N.Y.: Create Space Independent Publishing Platform, 2014. – 204 p.
416. Magalhaes J.C. *The Pure Concept of Diplomacy*. – Westport: Praeger, 1988. – 150 p.
417. Malka H. *Maghreb Neutrality: Maghreb-Gulf Arab Ties Since the GCC Split* // *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*. 2018. URL:

<https://www.csis.org/analysis/maghreb-neutrality-maghreb-gulf-arab-ties-gcc-split-0>
(accessed: 15.07.2020).

418. Martill B. International ideologies: paradigms of ideological analysis and world Politics // *Journal of Political Ideologies*. – 2017. – Vol. 22. – № 3. – P. 236-255.

419. Mason R. Breaking the mould of small state classification? The broadening influence of United Arab Emirates foreign policy through effective military and bandwagoning strategies. // *Canadian Foreign Policy Journal*. – 2018. – Vol. 24. – № 1. – P. 95-112.

420. McQueen A. *Political Realism in Apocalyptic Times*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. McQueen A. – 244 p.

421. McSparren J., Besada H., Saravade V. Qatar's Global Investment Strategy for Diversification and Security in the PostFinancial Crisis Era // *Centre on Governance Research Paper Series. Research Paper No. 02/17/EN. 2017. URL: https://socialsciences.uottawa.ca/governance/sites/socialsciences.uottawa.ca/governance/files/cog_research_paper_02_17_en.pdf* (accessed: 13.07.2020).

422. Mearsheimer J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order. *International Security* 2019; 43 (4): 7–50.

423. Mearsheimer J. *Conventional Deterrence*. – Cornell: Cornell University Press, 1985. – 296 p.

424. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. – N.Y.: Norton, 2014. – 592 p.

425. Mearsheimer J., Walt S. Leaving Theory Behind: Why Simplistic Hypothesis Testing is Bad for IR // *European Journal of International Relations*. – 2013. – Vol. 19. – № 3. – P. 427-457.

426. Messinger G.S. *British Propaganda and the State in the First World War*. – Manchester: Manchester University Press, 1992. – 240 p.

427. Miller R. Managing Regional Conflict: The Gulf Cooperation Council and the Embargo of Qatar // *Global Policy*. – 2019. – Vol. 10. – № 52. – P. 36-45.

428. Miller R. Qatar's Foreign Policy Engagement with the European Union: Evolving Priorities of a Small State in the Contemporary Era // *Comillas Journal of International Relations*. – 2016. – № 5. – P. 46-64.

429. Miller R., Verhoeven H. Overcoming smallness: Qatar, the United Arab Emirates and strategic realignment in the Gulf // *International Politics*. – 2020. – Vol. 57. – P. 1-20.

430. Mitchell J., Gengler J. What Money Can't Buy: Wealth, Inequality, and Economic Satisfaction in the Rentier State // *Political Research Quarterly*. – 2019. – Vol. 72. – № 1. – P. 75-89.

431. Mitrany D. *A Working Peace System*. – Chicago: Quadrangle Books, 1966. – 221 p.

432. Mohammadzadeh B. Status and Foreign Policy Change in Small States: Qatar's Emergence in Perspective // *The International Spectator*. – 2017. – Vol. 52. – № 2. – P. 19-36.

433. Morgenthau H. *In Defense of the National Interest*. – Lanham: University Press of America, 1982. – 306 p.

434. Morgenthau H. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. – Boston: McGraw-Hill Higher Education, 2006. – 752 p.

435. Moyer L. *Victory Must Be Ours: Germany in the Great War 1914–1918*. – N.Y.: Hippocrene Books. – 399 p.

436. Muntschick J. Theorising Regionalism and External Influence: A Situation structural Approach // *Mainz Papers on International and European Politics*. – 2012. – № 2. – P. 1-29.

437. Narizny K. On Systemic Paradigms and Domestic Politics: A Critique of the Newest Realism. *International Security* 2017; 42 (2): 155–190.

438. Nassar T., Abunimah A. Qatar funded Zionist Organization of America. // *The Electronic Intifada*. 2018. URL: <https://electronicintifada.net/content/qatar-funded-zionist-organization-america/24936> (accessed: 12.09.2022).

439. Neoclassical Realism, the State, and the Foreign Policy / Ed. by S.E. Lobell, N.M. Ripsman, J.W. Taliaferro. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 324 p.
440. Nolin E. Institutional Change – in pursuit of coherence? The EU as an International Security Actor // Lund University, 2019. URL: <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordOid=3798655&fileOid=3798659> (accessed: 11.07.2020).
441. Oven von W. Wer war Goebbels? Biographie aus der Nähe. – München, Berlin: Herbig, 1987. – 334 s.
442. Paddock T. World War I and Propaganda. – L.: Brill, 2014. – 360 p.
443. Parent J., Rosato S.; Balancing in Neorealism. *International Security* 2015; 40 (2): 51–86.
444. Paul T. International Relations Theory and Regional Transformation. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 320 p.
445. Peters B.G. Institutional theory in political science: the new institutionalism. – L.: Continuum, 2012. – 232 p.
446. Ponsonby A. Falsehood in War-Time: Propaganda Lies of the First World War. – L.: George Allen and Unwin, 1928. – 250 p.
447. Pourhamzavi K., Pherguson P. Al Jazeera and Qatari Foreign Policy: A Critical Approach // *Journal of Media Critiques*. – 2015. – Vol. 1. – № 2. – P. 11-27.
448. Rabi U. Qatar's relations with Israel: challenging Arab and Gulf norms. // *Middle East Journal*. – 2009. – Vol. 63 – № 3. – P. 443-459.
449. Rathbun B.C. Subvert the dominant paradigm: A critical analysis of rationalism's status as a paradigm of international relations // *International Relations*. – 2017. – Vol. 31. – № 4. – P. 1-24.
450. Reiter D., Stam A.C. Understanding Victory: Why Political Institutions Matter. *International Security* 2003; 28 (1): 168–179.
451. Roberts D.B. Reflecting on Qatar's «Islamist» soft power // The Brookings Institution. 2019. URL: <https://www.brookings.edu/research/reflecting-on-qatars-islamist-soft-power/> (accessed: 16.07.2020).

452. Roberts D.B. The Four Eras of Qatar's Foreign Policy // *Comillas Journal of International Relations*. – 2016. – № 5. – P. 1-17.

453. Roberts D. *Reflecting on the GCC Crisis. Qatar and Its Neighbours*. – L.: Routledge, 2022. – 136 p.

454. Robinson K. Who's Who in Libya's War? // *The Council on Foreign Relations (CFR)*. 2020. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/whos-who-libyas-war> (accessed 16.07.2020).

455. Rookwood J. Access, security and diplomacy: Perceptions of soft power, nation branding and the organizational challenges facing Qatar's 2022 FIFA World Cup. *Sport, Business and Management // An International Journal*. – 2019. – Vol. 9. – № 1. – P. 26-44.

456. Rose G. Review: Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // *World Politics*. – 1998. – Vol. 51. – № 1. – P. 144-172.

457. Rosenau J. *Along the domestic-foreign frontier: Exploring governance in a turbulent world*. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1997. – 467 p.

458. Rosenau J. Governing the ungovernable: The challenge of a global disaggregation of authority // *Regulation & governance*. – 2007. – Vol. 1. – № 1. – P. 88-97.

459. Rosenau J. *The scientific study of foreign policy*. – N.Y.: Nichols Pub. Co., 1980. – 577 p.

460. Rosenau J. *The study of global interdependence: Essays on the transnationalisation of world affairs*. – L.: Frances Pinter, 1980. – 334 p.

461. Rosenau J. *Turbulence in world politics: A theory of change and continuity*. – Princeton: Princeton univ. press, 1990. – 480 p.

462. Rosenau J., Thompson K. *World Politics: An Introduction*. – N.Y.: Free Press, 1976. – 754 p.

463. Rosenau J.N. Comparative Foreign Policy: Fad, Fantasy, or Field? // *International Studies Quarterly*. – 1968. – Vol. 12. – № 3. – P. 296-329.

464. Rubin L. Jordan and Qatar restore diplomatic ties, but why now? // *International Institute for Strategic Studies (IISS)*. 2019. URL:

<https://www.iiss.org/blogs/analysis/2019/07/jordan-qatar-restore-ties> (accessed: 16.07.2020).

465. Sadiki L. Regionalism in Crisis: GCC Integration without Democracy // *The International Spectator*. – 2020. – Vol. 55. – № 2. – P. 17-33.

466. Saidy B. Qatar's Defense Policy: Smart Choices of a Small State // Institute of International Affairs and the Centre for Small State Studies. Policy brief № 24. 2018. URL: <http://ams.hi.is/wp-content/uploads/2018/06/Quatar's-Defense-Policy-a-Different-Tradition-of-a-Small-State.pdf> (accessed: 12.07.2020).

467. Salloukh B.F. Overlapping Contests and Middle East International Relations: The Return of the Weak Arab State // *PS: Political Science & Politics*. – 2017. – Vol. 50. – № 3. – P. 660-663.

468. Samuels D., Snyder R. The Value of a Vote: Malapportionment in Comparative Perspective // *British Journal of Political Science*. – 2001. – Vol. 31. – № 4. – P. 651-671.

469. Sanders M L. Wellington House and British Propaganda During the First World War. // *Historical Journal*. – 1975. – № 18. – P. 119-146.

470. Satow E. *Satow's Guide to Diplomatic Practice*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 446 p.

471. Schweller R.L. The Progressiveness of Neoclassical Realism // *Progress in International Relations Theory: Appraising the Field* / Eds. C. Elman, M.F. Elman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 344-347.

472. Saidy B. Qatari-US Military Relations: Context, Evolution and Prospects. // *Contemporary Arab Affairs*. – 2017. – Vol. 10. – № 2. – P. 286-299.

473. Selmi R. Arab geopolitics in turmoil: Implications of Qatar-Gulf crisis for business // *International Economics*. – 2020. – Vol. 161. – P. 100-119.

474. Silva C de Oliveira J. The Place of the Region in IR // *Contexto Internacional*. – 2017. – Vol. 39. – № 1. – P. 97-115.

475. Slaughter A.M. *International Relations, Principal Theories* // The Trustees of Princeton University, 2018. URL:

https://www.princeton.edu/~slaughtr/Articles/722_IntlRelPrincipalTheories_Slaughter_20110509zG.pdf (accessed: 11.07.2020).

476. Slayton R. What Is the Cyber Offense-Defense Balance? Conceptions, Causes, and Assessment. *International Security* 2017; 41 (3): 72–109.

477. Snyder R., Bruck H., Sapin B., Hudson V. Foreign Policy Decision-Making (Revisited). – L.: Palgrave Macmillan, 2002. – 186 p.

478. Taliaferro J. Balancing Risks: Great Power Intervention in the Periphery. – Ithaca; L.: Cornell University Press, 2004. – 336 p.

479. Taliaferro J. Neoclassical realism and the study of regional order. In: T. Paul (Ed.), *International Relations Theory and Regional Transformation*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 74-104.

480. Taliaferro J. State Building for Future Wars: Neoclassical Realism and the Resource-Extractive State // *Security Studies*. – 2006. – Vol. 15. – № 3. – P. 464-495.

481. Taliaferro J., Ripsman N., Lobell S. *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 208 p.

482. Taylor Ph.M. *British Propaganda in the 20th Century*. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. – 288 p.

483. Tayyar A. *Theories of International Relations I-II*. – Eskişehir: Anadolu University, 2018.

484. Thompson J. To Tell the People of America the Truth' Lord Northcliffe in the US, Unofficial British Propaganda, June-November 1917. // *Journal of Contemporary History*. – 1999. – № 34.2. – P. 243-262.

485. Thompson J. *Politicians, the Press, and Propaganda: Lord Northcliffe and the Great War, 1914-1919*. – Kent: The Kent State University Press, 2000. – 336 p.

486. Timothy D.J. Tourism Trends in the MENA Region // In *IEMed. Mediterranean Yearbook*, 2019. – P. 322-325.

487. Ulrichsen K.C. *Working Around the Gulf Impasse* // Chatham House. 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/working-around-gulf-impasse> (accessed: 16.07.2020).

488. Verhoeven H. The Gulf and the Horn: Changing Geographies of Security Interdependence and Competing Visions of Regional Order // *Civil Wars*. – 2018. – Vol. 20. – № 3. – P. 333-357.

489. Vegh S. Classifying forms of online activism: The case of cyberprotests against the World Bank. // In: M. McCaughey and M.D. Ayers eds. *Cyberactivism: Online Activism in Theory and Practice*. – N.Y.: Routledge, 2003. – P. 71-96.

490. Walt S. What Would a Realist World Have Looked Like? // *Foreign Policy*. 08.01.2016. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/01/08/what-would-a-realist-world-have-looked-like-iraq-syria-iran-obama-bush-clinton/> (accessed:21.07.2020).

491. Walt S.M. *Revolution and War*. – Ithaca: Cornell University Press, 1996. – 384 p.

492. Walt S.M. *The Origins of Alliances*. – Ithaca Cornell University Press, 1987. – 336 p.

493. Waltz K. *Realism and International Politics*. – N.Y.: Routledge, 2008– 376 p.

494. Waltz K.N. *Man, the State and War: A Theoretical Analysis*. – N.Y.: Columbia University Press, 2018. – 288 p.

495. Waltz K.N. *Reflections on Theory of International Politics: A Response to My Critics*. // *Neorealism and Its Critics* / Ed. by R.O. Keohane. – N.Y.: Columbia University Press, 1986.

496. Waltz K.N. *Theory of International Politics*. – Long Grove: Waveland Press, 2010. – 256 p.

497. Waltz K. Structural Realism after the Cold War // *International Security*. – 2000. – Vol. 25. – № 1. – P. 5-41.

498. Wellesley L. How Qatar's Food System Has Adapted to the Blockade // Chatham House. 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/how-qatar-s-food-system-has-adapted-blockade> (accessed: 16.07.2020).

499. White W. Lord Northcliffe and World War I. // *Journalism Quarterly*. – 1957. – № 34.2. – P. 208-216.

500. Więclawski J. Considering Rationality of Realist International Relations Theories // Chinese Political Science Review. – 2020. – № 5. – P. 111-130.

501. Wohlforth C.W. The Elusive Balance: Power and Perceptions During the Cold War. – Ithaka: Cornell University Press, 1993. – 317 p.

502. Woldemariam M. The Eritrea-Ethiopia Thaw and its Regional Impact. // Current History. – 2019. – Vol. 118. – № 5. – P. 181-187.

503. Wolin S. Politics and Vision. Continuity and Innovation in Western Political Thought. Expanded edition.–Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004–792 p.

Публикации в СМИ и на информационных порталах

504. About Qatar Foundation // Qatar Foundation. 2020. URL: <https://www.qf.org.qa/about> (accessed: 10.07.2020).

505. Abu Taleb H. Qatar's political suicide // Saudi Gazette. 2017. URL: <http://saudigazette.com.sa/article/179301/Qatarspolitical-suicide> (accessed: 10.07.2020).

506. Adly A. Qatar presents proof of UAE role in QNA website hacking. // Gulf Times. 2017. URL: <http://www.gulftimes.com/story/557315/Qatar-presents-proof-of-UAE-role-in-QNA-website-ha> (accessed: 15.09.2022).

507. Al Qassemi S. How Saudi Arabia and Qatar became friends again. // Foreign Policy. 2011. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/07/21/how-saudi-arabia-and-qatar-became-friends-again/> (accessed: 22.07.2020).

508. Blinken thanks Qatar for continued assistance with Iran diplomacy // Arab News. 2022. URL: <https://www.arabnews.com/node/2136186/middle-east> (accessed: 30.09.2022).

509. Bond D. More countries are learning from Russia's cyber tactics. // The Financial Times. 2018. URL: <https://www.ft.com/content/b7dbc0de-1b04-11e8-aaca-4574d7dabfb6> (accessed: 16.09.2022).

510. Bouoiyour J., Selmi R. The Qatar-Gulf Crisis and Risk Management in Oil and Gas Markets // HAL. 2019. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02101633/document> (accessed: 12.07.2020).

511. Brandom R. Al Jazeera network hit with ‘continual hacking attempts’. // The Verge. 2017. URL: <https://www.theverge.com/2017/6/8/15763424/al-jazeera-continual-hacking-attempts-qatarcybersecurity> (accessed: 15.07.2020).

512. Butt G. GCC moves to mend Qatar rift // Petroleum Economist. 2019. URL: <https://www.petroleum-economist.com/articles/politics-economics/middle-east/2019/gcc-moves-to-mend-qatar-rift> (accessed: 12.07.2020).

513. Cafiero G. Russian-Ukrainian conflict: What does it mean to Qatar? // TRT World. 2022. URL: <https://www.trtworld.com/opinion/russian-ukrainian-conflict-what-does-it-mean-to-qatar-55415> (accessed: 29.09.2022).

514. Cafiero G. Qatar’s anti-bullying narrative. // LobeLog. 2018. URL: <https://lobelog.com/qatars-anti-bullying-narrative/> (accessed: 19.07.2020).

515. Chandrasekaran R. In the UAE, the United States has a quiet, potent ally nicknamed ‘Little Sparta’. // The Washington Post. 2014. URL: www.washingtonpost.com/world/national-security/in-the-uae-the-united-states-has-a-quiet-potent-ally-nicknamed-little-sparta/2014/11/08/3fc6a50c-643a-11e4836c-83bc4f26eb67_story.html (accessed: 19.07.2020).

516. Cornwell A. Emerging Gulf state cyber security powerhouse growing rapidly in size. // Reuters. 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-emirates-cyber-darkmatter/emerging-gulf-statecyber-security-powerhouse-growing-rapidly-in-size-revenue-idUSKBN1FL451> (accessed: 19.07.2020).

517. Conferences: Latest News // Permanent Committee for Organizing Conferences. 2020. URL: <http://www.qatarconferences.org/> (accessed: 10.07.2020).

518. Cook S.A. A country with no politics. // The Weekly Standard. 2004. URL: <https://www.weeklystandard.com/steven-a-cook/a-country-with-no-politics> (accessed: 11.07.2020).

519. COVID-19 crisis response in MENA countries // Organization for Economic Co-operation and Development. 2020. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy->

responses/covid-19-crisis-response-in-mena-countries-4b366396/ (accessed: 16.07.2020).

520. D'Mello S. UAE major target for cyber criminals. // Khaleej Times. 2016. URL: <https://www.khaleejtimes.com/nation/general/uae-major-target-for-cyber-criminals> (accessed: 16.07.2020).

521. DeYoung K. Bahrain and UAE criminalize 'sympathy' for Qatar. // The Washington Post. 2017. URL: Available at: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/bahrain-and-uaecriminalize-sympathy-for-qatar/2017/06/08/ce74a666-4c70-11e7-9669-250d0b15f83b_story.html (accessed: 16.07.2020).

522. Donaghy R. Secret UAE surveillance programme reveals the true face of a police state. // Middle East Eye. 2016. URL: <http://www.middleeasteye.net/columns/secret-UAE-surveillance-program-reveals-police-state-595443598> (accessed: 16.07.2020).

523. Dorsey J.M. UAE Ambassador's hacked mails feed crucial policy debates. // LobeLog. 2017. URL: <https://lobelog.com/uae-ambassadors-hacked-mails-feed-crucial-policy-debates/> (accessed: 19.07.2020).

524. Dorsey J.M. Natural gas: An underrated driver of Saudi hostility towards Iran and Qatar // Modern Diplomacy. 2018. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2018/03/27/natural-gas-an-underrated-driver-of-saudi-hostility-towards-iran-and-qatar/> (accessed: 19.07.2020).

525. Erdbrink T. Sanctions slow development of huge natural gas field in Iran. // The Washington Post. 2010. URL: <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2010/07/22/AR2010072203933.html> (accessed: 19.07.2020).

526. Emirati, Saudi media slammed for propagating Qatar 'fake news'. // The New Arab. 2017. URL: <https://www.alaraby.co.uk/english/blog/2017/5/24/emirati-saudi-media-slammed-for-propagating-qatar-fake-news> (accessed: 11.05.2021).

527. Falkenrath R.A. From bullets to megabytes. // The New York Times. 2011. URL: <http://www.nytimes.com/2011/01/27/opinion/27falkenrath.html> (accessed: 19.07.2020).

528. Fides News Agency (Fides) the first Missionary Agency of the Church the Pontifical Society for the Propagation of the Faith. The Congregation «de Propaganda Fide» // Agenzia Fides. URL: <http://www.fides.org/en/apps/aboutus> (accessed: 19.07.2020).

529. Finn T. Qatar National Bank investigating alleged data hack. // Reuters. 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-qatar-ntl-bank/qatar-national-bank-investigating-alleged-datahack-idUSKCN0XO22S> (accessed: 19.07.2020).

530. Fleming R. Bits before bombs: How Stuxnet crippled Iran's nuclear dreams. // Digital trends. 2010. URL: <https://www.digitaltrends.com/computing/bits-before-bombs-how-stuxnet-crippled-irans-nucleardreams/> (accessed: 19.07.2020).

531. Cole J. David and Goliath: How Qatar Defeated the Saudi and UAE Annexation Plot. // The Nation. 2018. URL: <https://www.thenation.com/article/david-and-goliath-how-qatar-defeated-the-saudi-and-uae-annexation-plot/> (accessed: 19.07.2020).

532. Deputy Prime Minister and Minister of Foreign Affairs Affirms Qatar's Support for UNHRC in Facing Global Challenges. // Doha Information Office. 2022. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/all-mofa-news/details/1443/07/27/deputy-prime-minister-and-minister-of-foreign-affairs-affirms-qatar%27s-support-for-unhrc-in-facing-global-challenges> (accessed: 28.09.2022).

533. Dugart J., Schabas W. The Blockade of Qatar One Year On: Violations of Human Rights and Coercive Measures. // Temple Garden Chambers. 2018. URL: <https://tgchambers.com/wp-content/uploads/2018/06/Qatar-report.pdf> (accessed: 29.09.2022).

534. Evaluation, Lessons Learned and Future Prospects // IMEIS Annual Conference 2019. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/qatar/political-system> (accessed: 12.07.2020).

535. Freedom on the net: Saudi Arabia. // Freedom House. 2013. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2013/saudi-arabia> (accessed: 19.07.2020).

536. Fuchs C. The Anonymous Movement in the context of liberalism and socialism. // A Journal For and About Social Movements. 2013. Vol. 5. № 2 URL: <http://fuchs.uti.at/wp-content/Interface.pdf> (accessed: 19.07.2020).

537. Gambrell J. U.A.E. cyber firm DarkMatter slowly steps out of the shadows. // Bloomberg. 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-02-01/uae-cyber-firm-darkmatter-slowly-steps-outof-the-shadows> (accessed: 19.07.2020).

538. Gause F.G. III Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War. Doha, Qatar. // Brookings Doha Centre Analysis Paper No. 11. 2016. URL: <https://www.brookings.edu/wpcontent/uploads/2016/06/English-PDF-1.pdf> (accessed: 19.07.2020).

539. Germany, Qatar sign energy partnership agreement // Al Jazeera. 2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/5/20/germany-qatar-sign-energy-partnership-agreement> (accessed: 23.09.2022).

540. Gorvett J. Qatar weathers the storm. // Asia Times. 2018. URL: <http://www.atimes.com/article/qatar-weathers-storm/> (accessed: 19.07.2020).

541. Grim R. Diplomatic underground: The sordid double life of Washington's most powerful ambassador. // The Intercept. 2017. URL: <https://theintercept.com/2017/08/30/uae-ambassador-yousef-al-otaiba-double-lifeprostitutes-sex-work/> (accessed: 19.07.2020).

542. Gulf crisis: Qatar makes legal complaint to WTO over trade boycott. // DNA India. 2017. URL: <https://www.dnaindia.com/world/report-gulf-crisis-qatar-makes-legal-complaint-to-wto-over-trade-boycott-2519826> (accessed: 12.05.2021).

543. Hafezi P. Russia, Iran, Qatar agree to form «big gas troika» // Reuters. 2008. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-gas-opec/russia-iran-qatar-agree-to-form-big-gas-troikaidUSTRE49K36H20081021> (accessed: 19.07.2020).

544. Hammond A. Qatar's leadership transition: Like father, like son. Policy Brief 95. // European Council on Foreign Relations. 2014. URL: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR95_QATAR_BRIEF_AW.pdf (accessed: 21.07.2020).

545. Harding D. Qatar crisis turns hostile on social media. // AFP International Text Wire in English. 2017. URL: <http://news.abs-cbn.com/trending/06/13/17/qatar-crisis-turns-hostile-on-socialmedia> (accessed: 21.07.2020).

546. Harris G. Pompeo's message to Saudis? Enough is enough: Stop Qatar blockade. // The New York Times. 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/28/world/middleeast/mikepompeo-saudi-arabia-qatar-blockade.html> (accessed: 21.07.2020).

547. Harris G. In charm offensive, Qatar pushes for a comeback in Washington. // The New York Times. 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/09/us/politics/trump-qatar-lobbyingembargo.html> (accessed: 21.07.2020).

548. Hasan H. The Qatar guide to surviving an economic boycott. // The Middle East Monitor. 2018. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20180323-the-qatar-guide-to-surviving-an-economic-boycott/> (accessed: 21.07.2020).

549. Hassan H. Qatar won the Saudi blockade. // Foreign Policy. 2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/06/04/qatar-won-the-saudi-blockade/> (accessed: 21.07.2020).

550. Hearst D. Saudi palace coup: The sequel. // The Huffington Post. 2017. URL: https://www.huffingtonpost.com/entry/saudi-palace-coup-thesequel_us_5900874ae4b00acb75f18347 (accessed: 21.07.2020).

551. Henderson S. A field trip to the front lines of the Qatar-Saudi cold war. // Foreign Policy. 2017. URL: <http://foreignpolicy.com/2017/09/28/a-field-trip-to-the-front-lines-of-the-qatar-saudi-cold-war/> (accessed: 21.07.2020).

552. Hounshell B. The Qatar bubble. // Foreign Policy. 2012. URL: <http://foreignpolicy.com/2012/04/23/the-qatar-bubble/> (accessed: 21.07.2020).

553. Ibish H. The UAE's Evolving National Security Strategy. Issue Paper number 4. // The Arab Gulf States Institute in Washington (AGSIW). 2017. URL: http://www.agsiw.org/wpcontent/uploads/2017/04/UAE-Security_ONLINE.pdf (accessed: 27.07.2020).

554. Ibish H. The UAE's Evolving Security Strategy. // The Arab Gulf States Institute in Washington. 2017. URL: http://www.agsiw.org/wp-content/uploads/2017/04/UAE-Security_ONLINE.pdf (accessed: 27.07.2020).

555. ILO drops Qatar migrant workers complaint after reforms. // BBC News. 2017. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-41919692> (accessed: 27.09.2022).

556. Israeli minister: Qatar making true effort to stop Gaza aid from boosting Hamas. // The Times of Israel. 2018. URL: <https://www.timesofisrael.com/israeli-minister-qatar-making-true-effort-to-stop-gaza-aid-from-boosting-hamas/> (accessed: 11.05.2021).

557. Jones M. Hacking, bots and information wars in the Qatar spat. // The Washington Post. 2017. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2017/06/07/hacking-botsand-information-wars-in-the-qatar-spat> (accessed: 27.07.2020).

558. Julian Assange, the man behind Wikileaks. // CBS News. 2011. URL: http://www.cbsnews.com/830118560_162-7286686.html (accessed: 19.09.2022).

559. Karat P. Marxism in the 21st Century: Alternative to Neoliberal Capitalism and Imperialism // The Marxist. 2019. URL: <http://www.cpim.org/content/marxism-21st-century-alternative-neoliberal-capitalism-and-imperialism> (accessed: 11.07.2020).

560. Kucukasici E.S. Entente Cordiale: Exploring Turkey-Qatar Relations. // World Research Centre. 2019. URL: https://www.academia.edu/38468820/Entente_Cordiale_Exploring_Turkey_Qatar_Relations (accessed: 25.09.2022).

561. Law B. The Gulf's 'little Sparta' has big military ambitions // Middle East Eye. 2017. URL: www.middleeasteye.net/columns/gulf-s-little-sparta-has-big-military-ambitions-1331398998 (accessed: 18.07.2020).

562. Law B. Saudi Arabia and UAE: When bullies come a cropper. // Al Araby. 2017. URL: <https://www.alaraby.co.uk/english/comment/2017/7/3/saudi-arabia-and-uae-when-bullies-come-acropper> (accessed: 18.07.2020).

563. Lewis J. Cybersecurity and Stability in the Gulf. Gulf Analysis Paper. Middle East Program. // Center for Strategic and International Studies. 2014. URL: <https://www.csis.org/analysis/cybersecurity-and-stability-gulf> (accessed: 18.07.2020).

564. Lieberman J., Collins S., Carper T. A gold standard in cyber-defense. // The Washington Post. 2011. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/a-gold-standard-in-cyberdefense/2011/07/01/gIQAjsZk2H_story.html (accessed: 19.07.2020).

565. Lift the Blockade Against Qatar. BlueFront Strategies 6466-Informational-Materials-20170924-5. // DocumentCloud. 2017. URL: <https://www.documentcloud.org/documents/4064091-6466-Informational-Materials-20170924-5.html> (accessed: 22.09.2022).

566. Lynch M. Voices of the new Arab public: Iraq, Al Jazeera, and Middle East politics today. New York: Columbia University Press 2006.

567. Monthly imports of liquefied natural gas (LNG) from Qatar to the European Union (EU-27) from May 2020 to April 2022. // Statista. 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1288243/monthly-lng-imports-from-qatar-to-the-eu/> (accessed: 25.09.2022).

568. Maclean W., Browning N. and Bayoumy Y. Yemen Counter-Terrorism Mission Shows UAE Military Ambition. // Reuters. 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-yemen-security-emirates/yemen-counter-terrorism-mission-shows-uae-military-ambition-idUSKCN0ZE1EA> (accessed: 19.07.2020).

569. Markoff J. A silent attack, but not a subtle one. // The New York Times. 2010. URL: <https://www.nytimes.com/2010/09/27/technology/27virus.html> (accessed: 19.07.2020).

570. Mazzetti M., Hager E.B. Secret desert force set up by Blackwater's founder. // The New York Times. 2011. <http://www.nytimes.com/2011/05/15/world/middleeast/15prince.html> (accessed: 19.07.2020).

571. McCullagh D. U.S. Army worried about Wikileaks in secret report // CNET. 2011. URL: <https://www.cnet.com/news/u-s-army-worried-about-wikileaks-in-secret-report/> (accessed: 19.07.2020).

572. Mclaughlin J. Spies for hire: How the UAE is recruiting hackers to create the perfect surveillance state. // The Intercept. 2016. URL: <https://theintercept.com/2016/10/24/darkmatter-united-arab-emirates-spies-forhire/> (accessed: 22.07.2020).

573. Misguided attacks on Al Jazeera. // New York Times. 2017. URL: <https://search.proquest.com/docview/1911618977> (accessed: 12.09.2022).

574. Nakashima K., DeYoung E. UAE orchestrated hacking of Qatari government sites, sparking regional upheaval, according to US intelligence officials. // The Washington Post. 2017. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/uae-hacked-qatari-government-sites-sparking-regional-upheaval-according-to-us-intelligence-officials/2017/07/16/00c46e54-698f-11e78eb5-cbccc2e7bfbf_story.html (accessed: 22.07.2020).

575. Nakashima K., Warrick J. Stuxnet was work of U.S. and Israeli experts, officials say. // The Washington Post. 2012. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/stuxnetwas-work-of-us-and-israeli-experts-officials-say/2012/06/01/gJQAlnEy6U_story.html (accessed: 22.07.2020).

576. New details revealed on 1996 coup attempt against Qatar. Al Jazeera. 2018. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/03/al-jazeera-reveals-details-1996-coup-attempt-qatar180304200532130.html> (accessed: 28.07.2020).

577. OHCHR Technical Mission to the State of Qatar 17-24 November 2017. // Office of the High Commissioner for Human Rights. URL: <http://nhrcqa.org/wp-content/uploads/2018/01/OHCHR-TM-REPORT-ENGLISH.pdf> (accessed: 22.07.2020).

578. Onley J. Britain and the Gulf Shaikhdoms, 1820–1971: The Politics of Protection. Occasional Paper No. 4. Qatar: Centre for International and Regional Studies at Georgetown University in Qatar. // Center for International and Regional Studies. 2009. URL: <https://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/558294/CIRSOccasionalPaper4JamesOnley2009.pdf> (accessed: 22.07.2020).

579. Perlroth N. In Cyberattack on Saudi Firm, U.S. Sees Iran Firing Back. // The New York Times. 2012. URL: <https://www.nytimes.com/2012/10/24/business/global/cyberattack-on-saudioil-firm-disquiets-us.html> (accessed: 22.07.2020).

580. Perlroth N. Governments turn to commercial spyware to intimidate dissidents. // The New York Times. 2016. URL: <http://www.nytimes.com/2016/05/30/technology/governments-turn-to-commercial-spyware-to-intimidate-dissidents.html> (accessed: 22.07.2020).

581. Pulella P. Qatar says Arab states' demands 'made to be rejected', says open to talks. // Reuters. 2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-gulf-qatar/qatar-says-arab-states-demands-made-to-be-rejected-says-open-to-talks-idUSKBN19M3NS> (accessed: 22.07.2020).

582. Qatar moving ahead irrespective of blockade: Emir. // Gulf Times. 2018. URL: <https://search.proquest.com/docview/1963621923> (accessed: 12.05.2021).

583. Qatar: For Doha, the best defense is a good arms dealer. // Stratfor. 2018. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/qatar-doha-best-defense-good-arms-dealer> (accessed: 29.07.2020).

584. Qatar Has Shown Remarkable Resilience to Withstand Gulf Crisis: Expert Tells QT. // Qatar Tribute. 2018. URL: <https://www.qatar-tribune.com/news-details/id/110281> (accessed: 25.09.2022).

585. Qatar victory as Saudi's Al Arabiya surrenders UK broadcasting license. // Middle East Monitor. 2018. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20180216-qatar-victory-as-saudis-al-arabiyasurrenders-uk-broadcasting-licence/> (accessed: 15.09.2022).

586. Qatar signs Italy's Eni as second partner in LNG expansion after cementing lead as top exporter // S&P Global. 2022. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/energy-transition/061922-qatar-signs-italys-eni-as-second-partner-in-lng-expansion-after-cementing-lead-as-top-exporter> (accessed: 24.09.2022).

587. Qatar crisis: Saudi-led states list 13 demands to end blockade. // Middle East Eye. 2017. URL: www.middleeasteye.net/news/qatar-blockade-uae-setsdemands-end-crisis-1190365222 (accessed: 15.09.2022).

588. Qatar not to retaliate against siege countries. // Gulf Times. 2018. URL: <http://www.gulftimes.com/story/577721/Qatar-not-to-retaliate-against-siege-countries> (accessed: 12.05.2021).

589. Qatar: Year of crisis spurred rights reforms. Human Rights Watch. // Targeted News Service, 2018. URL: <https://search.proquest.com/docview/1988946581> (accessed: 12.05.2021).

590. Qatar and UAE leaders meet for first time since Gulf crisis ended // Al Jazeera. 2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/2/6/qatar-and-uae-leaders-meet-for-first-time-since-gulf-crisis-ended> (accessed: 30.09.2022).

591. Qatar Investment Authority cannot exit Russian market // Reuters. 2022. URL: <https://www.reuters.com/business/qatar-investment-authority-cannot-exit-russian-market-2022-05-24/> (accessed: 28.09.2022).

592. Qatar economic insight 2015 by Qatar National Bank. // SlideShare. URL: www.slideshare.net/JoannesMongardini/qnb-group-qatar-economic-insight-2015 (accessed: 22.07.2020).

593. Qatar may gain as Europe diversifies from Russian gas: S&P Global // The Peninsula. 2022. URL: <https://thepeninsulaqatar.com/article/17/03/2022/qatar-may-gain-as-europe-diversifies-from-russian-gas-sp-global> (accessed: 23.09.2022).

594. Queidat R., Cullinan T. EU Gas Diversification Could Bring Longer-Term Benefits For Qatar // Energy Connects. 2022. URL: <https://www.energyconnects.com/opinion/thought-leadership/2022/march/eu-gas-diversification-could-bring-longer-term-benefits-for-qatar/> (accessed: 23.09.2022).

595. Rashid F.Y. Iran claims Stars virus a second cyber-attack. // eWeek. 2011. URL: <http://www.eweek.com/security/iran-claims-stars-virus-a-second-cyber-attack> (accessed: 22.07.2020).

596. Russia-Qatar ties on fast track. // Gulf Times. 2018. URL: <http://www.gulftimes.com/story/586515/Russia-Qatar-ties-on-fast-track> (accessed: 12.05.2021).

597. Roberts D.B. Examining Qatari-Saudi relations. The Gulf. 2012. URL: <http://thegulfblog.com/2012/02/28/examining-qatari-saudi-relations> (accessed: 22.07.2020).

598. Salacanian S. The Growing Arms Deals in the Gulf: Existential Need or Fear Politics? // Al Jazeera. 2018. URL: http://studies.aljazeera.net/mritems/Documents/2018/1/22/435b5cc4bb214fa6a634f76e2b5cd96e_100.pdf (accessed: 28.07.2020).

599. Salisbury P. The fake-news hack that nearly started a war this summer was designed for one man: Donald Trump. // Quartz. 2017. URL: <https://qz.com/1107023/the-inside-story-of-the-hack-that-nearly-started-another-middle-east-war/> (accessed: 28.07.2020).

600. Saudi Arabia and Qatar to strengthen cooperation, unify positions. // Arab News. 2021. URL: <https://www.arabnews.com/node/1984136/saudi-arabia> (accessed: 23.09.2022).

601. Saudi Arabia bans Al Jazeera channels in hotels. // Al Jazeera. 2017. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2017/06/saudi-arabia-bans-al-jazeera-channels-hotels170609141041079.html> (accessed: 28.07.2020).

602. Shamoon: Back from the dead and destructive as ever. // Symantec Official Blog. 2016. URL: <https://www.symantec.com/connect/blogs/shamoon-back-dead-and-destructive-ever> (accessed: 28.07.2020).

603. Shear M.D. Biden Designates Qatar as a Major Non-NATO Ally // The New York Times. 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/01/31/us/politics/biden-qatar-nato.html> (accessed: 29.09.2022).

604. Social media reacts to Gulf diplomatic rift. // Al Jazeera. 2017. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/06/social-media-reacts-gulf-diplomatic-rift170605095334870.html> (accessed: 15.09.2022).

605. Speech of Qatar emir at Munich security conference, 2018. // The Peninsula Qatar. 2018. URL: <https://thepeninsulaqatar.com/article/16/02/2018/Speech-of-Qatar-Emir-at-Munich-Security-Conference> (accessed:29.07.2020).

606. Statement of General Joseph I. Votel, Commander US Central Command before the Senate Armed Services Committee on the posture of US Central Command on 13 March 2018. // Senate Armed Services Committee. URL: https://www.armed-services.senate.gov/download/votel_03-13-18 (accessed:29.07.2020).

607. Suleiman H. Abdullah bin Hamad al-Athbah: The awareness of gulf citizens has stopped the spread of fake news (in Arabic). // TinyURL 2017. URL: <https://tinyurl.com/y7gxctmy> (accessed:11.05.2021).

608. Sutter J. The technical muscle behind WikiLeaks. // CNN. 2010. URL: <http://edition.cnn.com/2010/TECH/innovation/07/26/how.wikileaks.works/index.html> (accessed:11.05.2021).

609. Thomas B. UAE military to set up cyber command. // Defense World. 2014. URL: http://www.defenseworld.net/news/11185/UAE_Military_To_Set_Up_Cyber_Command#.Wt26fy5uaos (accessed:18.05.2021).

610. Tibon A. With Tillerson out, Qatar and Saudis left sweating on where Pompeo stands on Gulf crisis. // Haaretz. 2018. URL: <https://www.haaretz.com/us-news/.premium-qatar-and-saudis-left-sweating-on-where-pompeo-stands-on-gulf-crisis-1.5909914> (accessed:18.05.2021).

611. TotalEnergies invests \$1.5bn in Qatar gas expansion project // Al Jazeera. 2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/9/24/french-oil-giant-signs-new-natural-gas-deal-with-qatar> (accessed:26.09.2022).

612. Turkey says Syria, Qatar back Iran plan. // Khaleej Times, 2010. URL: <https://www.khaleejtimes.com/article/20100509/ARTICLE/305099952/1016> (accessed:11.07.2020).

613. Ulrichsen K. The Gulf's demands on Qatar look designed to be rejected. // The Atlantic. 2017. URL:

<https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/06/qatar-saudi-arabia-trump-mattis-gccuae/531474/> (accessed: 18.05.2021).

614. Ulrichsen K. Small states with a big role: Qatar and the United Arab Emirates in the wake of the Arab Spring Durham University, HH Sheikh Nasser al Mohammad al Sabah Publication Series. // Durham University. 2012. URL: <https://www.dur.ac.uk/resources/alsabah/al-SabahPaperUlrichsenno3.pdf>. (accessed: 18.05.2021).

615. UN aviation agency to intervene in Qatar airspace blockade. // The New Arab. 2017. URL: <https://www.alaraby.co.uk/english/news/2017/6/15/un-aviation-agency-to-intervene-in-qatarairspace-blockade> (accessed: 11.05.2021).

616. UN rights chief urges dialogue among Qatar and countries involved in diplomatic dispute. // UN News. 2017. URL: <https://news.un.org/en/story/2017/06/559462-un-rights-chief-urges-dialogue-amongqatar-and-countries-involved-diplomatic> (accessed: 11.05.2021).

617. Weymouth L. Qatar to Saudi Arabia: Quit trying to overthrow our government. // The Washington Post. 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/outlook/qatar-to-saudi-arabia-quit-trying-to-overthrow-ourgovernment/2018/02/02/05a1a848-0759-11e8-8777-2a059f168dd2_story.html (accessed: 11.05.2021).

618. Wilson A. Four types of Russian propaganda. // Aspen Review Central Europe. 2017. URL: <https://www.aspen.review/article/2017/four-types-of-russian-propaganda/> (accessed: 11.05.2021).

619. Winters J., Giffin J. Issue paper: Information Dominance vs Information Superiority. // The Information Warfare Site, 1997. URL: <http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/info-dominance/issue-paper.htm> (accessed: 11.05.2021).

620. Zalewski M. Feminist Approaches to International Relations Theory in the Post – Cold War Period // OpenMind: a Knowledge Community. 2018. URL: <https://www.bbvaopenmind.com/en/articles/feminist-approaches-to-international-relations-theory-in-the-post-cold-war-period/> (accessed: 11.05.2021).

Приложения

Приложение № 1

Административно-политическая карта Катара⁶⁸⁴

⁶⁸⁴ Map of Qatar, Arabian Peninsula // Nations Online Project: Your Guide to the World. URL: <https://www.nationsonline.org/oneworld/map/qatar-map.htm> (accessed: 14.09.2022)

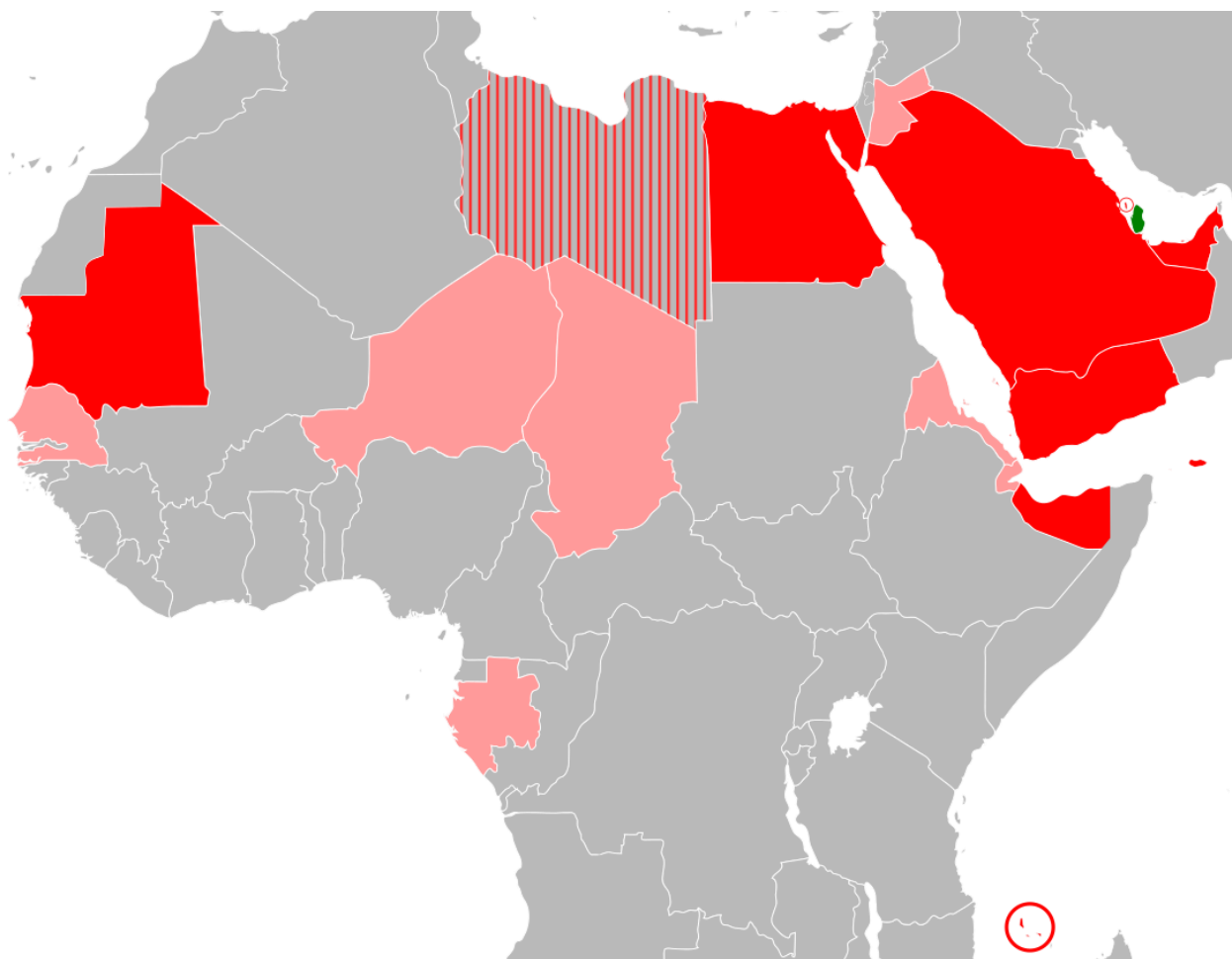
Приложение № 2
ССАГПЗ на карте⁶⁸⁵

⁶⁸⁵ Britannica, The Editors of Encyclopaedia. «Gulf Cooperation Council». // Encyclopedia Britannica, 2021. URL: <https://www.britannica.com/topic/Gulf-Cooperation-Council> (accessed: 11.05.2021)

Приложение № 3

Катарский дипломатический кризис на карте Ближнего Востока и Африки

 - Катар.

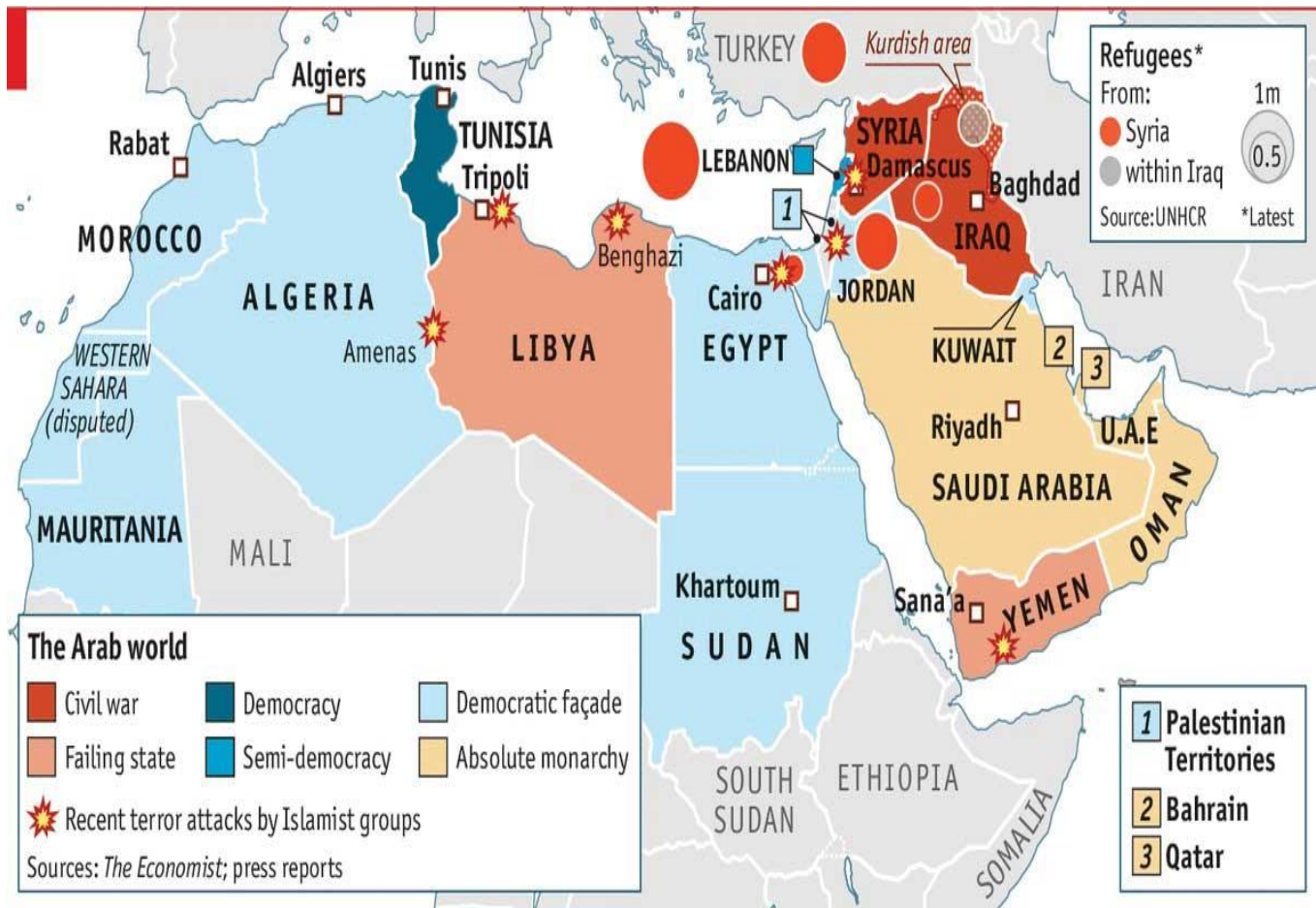
 - Страны, прервавшие дипломатические отношения с Катаром с июня 2017 года (на карте не показана Мальдивская республика, которая также прекратила дипломатические отношения с Катаром).

 - Страны, которые понизили уровень дипломатических отношений с Катаром или отозвали послов из Катара после июня 2017 года.

 - Ливийская гражданская война (карта). Правительство, поддерживаемое ООН / Катаром

Приложение № 4

Политическая карта Ближнего Востока и Северной Африки спустя 10 лет после начала «арабской весны»⁶⁸⁶

⁶⁸⁶ The Failures Of The Arab Spring Were A Long Time In The Making // Insider. 2014. URL: <https://www.businessinsider.com/the-failures-of-the-arab-spring-2014-7> (accessed: 14.05.2021).

Приложение № 5

Расклад сил на Ближнем Востоке накануне Катарского дипломатического кризиса⁶⁸⁷

⁶⁸⁷ Юсин М., Степанов Г., Коростиков М. Арабы повернулись к Катару бойкотом. Сайт ИД Коммерсант. 06.06.2017
 URL: <https://www.kommersant.ru/amp/3318466>

Приложение № 6

Изображение Эмира Катара Тамима бин Хамада Аль Тани на фоне иранского флага, которое широко распространялось в социальных сетях во время Катарского дипломатического кризиса⁶⁸⁸

⁶⁸⁸ Jones M. Propaganda, Fake News, and Fake Trends: The Weaponization of Twitter Bots in the Gulf Crisis. // Qatar International Journal of Communication. – 2019. – № 13. – P. 1389-1415.

Приложение № 7

Постер «Катарская медиа змея», на котором указаны основные СМИ, журналисты и лидеры общественного мнения, которые якобы действуют в интересах катарской пропаганды⁶⁸⁹

⁶⁸⁹ Постер широко распространялся в социальных сетях, например,:
<https://twitter.com/almarieibrahim/status/871439064595140612>

Приложение № 8

Совмещённый «скриншот» «фейкового» сообщения в социальной сети о снижении зарплат в Катаре и новости в Reuters, основанной на этом «фейковом» сообщении⁶⁹⁰

⁶⁹⁰ Jones M. Propaganda, Fake News, and Fake Trends: The Weaponization of Twitter Bots in the Gulf Crisis. // Qatar International Journal of Communication. – 2019. – № 13. – P. 1389-1415.